E 99
423
1894

Е 99
423.

ПАМЯТНОЕ ЗАВѢЩАНІЕ.

Автобіографія миссіонера Алтайской духовной миссіи

Священника М. В. ЧЕВАЛКОВА.

МОСКВА.
Типографія А. И. Снегиревой. Остоженка, Савеловскій пер., собств. д.
1894.

ПАМЯТНОЕ ЗАВѢЩАНІЕ.

Автобіографія миссіонера Алтайской духовной миссіи

Священника М. В. ЧЕВАЛКОВА.

МОСКВА.
Типографія А. И. Снегиревой. Остоженка, Савеловскій пер., собств. д.
1894.

От Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Москва, 12 декабря, 1894 года.
Цензоръ священникъ *Александръ Гиляревскій.*

Оттискъ изъ 10 №№ „Православнаго Благовѣстника".

Типографія А. И. Снегиревой. Остоженка, Савеловскій переулокъ, соб. домъ.

Памятное завѣщаніе [1]).

I.

Дочери мои: Матрена, Марія и Елена! Вамъ троимъ передаю описаніе жизни моей, какъ завѣтъ мой на память вамъ и потомству вашему.

Дѣти мои! Я происхожу изъ рода Мундусовъ; — изъ племени Бѣлыхъ Телеутовъ; имя отца моего — Андрашъ; Отецъ Андраша-Клемешъ, у этого отецъ Семеекъ, у Семеека отецъ Сёогошъ, — его отецъ Сеперекъ, — отецъ Сеперека Чёбёлёкъ. При Сеперекѣ предки наши добровольно перешли въ подданство, „бѣлаго царя“ и стали платить „алманъ“ (дань). Я, потомокъ ихъ, до 17 лѣтъ былъ „черной вѣры“ (язычникомъ); отецъ и мать дали мнѣ имя „Киприанъ“ [2]). Къ этому времени я былъ женатъ [3]). Имя матери моей — Каброжъ, а отца ея звали Кульбесь. Этотъ Кульбесь былъ правителемъ въ своемъ обществѣ (біемъ); онъ былъ изъ рода (кости) Тюуты, изъ Кештымскаго племени. Вотъ, — дѣти, я написаль о моихъ предкахъ, чтобы вы не забыли!

---

[1]) Предлагаемая статья есть автобіографія престарѣлаго миссіонера Алтайской миссіи, священника Михаила Васильевича Чевалкова, современника и ученика блаженной памяти основателя сей миссіи о. архимандрита Макарія. Она написана на алтайскомъ языкѣ и носитъ заглавіе: „ундулбасъ-кеересъ“. Переводъ сдѣланъ лично преосвященнѣйшимъ Макаріемъ, епископомъ Томскимъ и Семипалатинскимъ. Статья представляетъ собою богатый и не бывшій еще въ печати матеріалъ для характеристики личности о. архимандрита Макарія, въ особенности для обрисовки его внутренняго міра. *Ред.*

[2]) Инородцы, живя въ сосѣдствѣ съ русскими, будучи язычниками, — нерѣдко однако даютъ своимъ дѣтямъ христіанскія имена.

[3]) Дословно: *имѣлъ свое жилище*, — потому что инородцы имѣютъ обыкновеніе въ день брака своихъ сыновей строить имъ особую юрту, выдѣлять ихъ.

Теперь разскажу вамъ то, что я слышалъ отъ старыхъ людей. Въ старыя времена былъ Тёрбётъ, Ойротскій ханъ, который владѣлъ четырьмя племенами: это было тогда, когда 60 тысячъ Телеутовъ золотой орды жили между собой въ мирѣ. Послѣ этого произошелъ между этими четырьмя племенами раздоръ и они стали между собой воевать.

Вслѣдствіе этого Ойротскій ханъ удалился во владѣнія Кункерскаго хана. Оставшіеся послѣ него султаны и мурзы, собравши каждый подвластныхъ себѣ людей, перекочевали въ разныя земли, ища для себя спокойнаго мѣста. Оставшаяся отъ нихъ небольшая часть народа жила по обѣимъ сторонамъ Иртыша. Телеуты же жили по обѣимъ сторонамъ р. Ак-Умара (Оби), но и они не стали жить между собой въ мирѣ. Отъ постоянныхъ войнъ и число ихъ весьма уменьшилось; вслѣдствіе этого ихъ постоянно тревожили, съ одной стороны, Монголы, предводительствуемые Чадакомъ, а съ другой „Черные Киргизы“ (Кара-Казакъ). Тогда Телеуты, предводительствуемые Мамымгомъ и Балыкомъ, пришли въ Кузнецкъ и просили начальника города (терё-бій), говоря: мы желаемъ платить дань бѣлому царю, чтобы подъ его покровительствомъ жить въ этой землѣ. Тогда былъ мой предокъ Сенерекъ, сынъ Чебелека. Отъ него произошли Чевалковы, живущіе теперь въ Улалѣ и въ Бачатѣ. Отецъ мой родился въ Бачатѣ. Его родители и братья переселились въ мѣстечко „Карасу“ (теперь село Карасукъ), недалеко отъ г. Бійска. Отецъ мой былъ тогда 10 лѣтъ. Ихъ было 5 братьевъ: старшій Каланъ, моложе его Егоръ, моложе Егора мой отецъ Андрашъ, моложе этого Устёпкò, за нимъ Ярасъ. Отецъ ихъ Клемешъ, а мать Кеелешъ. Я родился, когда они жили въ Карасукѣ. Оттуда родители мои, когда мнѣ было 7 лѣтъ, переселились въ Улалу. Тамъ вмѣстѣ съ нашимъ было всего 4 двора. Спустя два года, въ Улалу переселился нѣкто Аѳанасій Коншинъ съ женой и тремя сыновьями. Они были мѣщане. У этого мѣщанина младшій сынъ былъ Іаковъ, мой ровесникъ. Съ Іаковомъ я вмѣстѣ игралъ и учился русскому языку. Онъ, по обыкновенію своему, дома предъ принятіемъ пищи молился, обратившись въ передній уголъ. Такъ же молился и послѣ принятія пищи. Удивляясь этому, я

спросилъ Іакова: зачѣмъ ты молишься предъ принятіемъ пищи и послѣ принятія? Онъ отвѣтилъ: предъ принятіемъ пищи мы у Бога просимъ благословенія, а, поѣвши, благодаримъ Бога. Услышавши это и видя такой Богопріятный обычай, я осудилъ свои обычаи и сказалъ самъ себѣ: ты, когда хочешь ѣсть, не просишь благословенія Божія и, когда наѣшься, не поблагодаришь Бога; наѣшься и отойдешь, подобно псу; не чтишь Бога, дающаго тебѣ пищу. Я скорбѣлъ въ душѣ, что таковая вѣра наша нехороша. Тогда мнѣ было 9 лѣтъ.

Еще—однажды мы пошли съ Іаковомъ вдвоемъ, гдѣ находился ихъ пчельникъ. Поигравши мы легли на спину вверхъ лицомъ и смотрѣли на небо. Я спросилъ Іакова: что тамъ есть на небѣ? Іаковъ сказалъ: тамъ есть Богъ. Я спросилъ его: а какъ имя этого Бога? Іаковъ отвѣтилъ: Іисусъ Христосъ. Онъ создалъ всѣхъ людей, какіе есть на землѣ,—разнаго рода скотовъ, звѣрей и птицъ. Теперь онъ находится на небесахъ. Я спросилъ: а этотъ Богъ видитъ-ли насъ оттуда? Іаковъ отвѣтилъ: онъ видитъ и насъ и все, что мы дѣлаемъ днемъ и ночью. Кто Ему молится, Онъ тѣхъ любитъ, а кто не молится, тѣхъ не любитъ. Затѣмъ я еще спросилъ: а что онъ сдѣлаетъ съ тѣми людьми, которыхъ не любитъ? Онъ сказалъ: я слышалъ отъ матери моей, что тѣхъ людей, которыхъ Онъ не любитъ, Онъ пошлетъ въ огонь и тьму.

Послѣ этого я сталъ скорбѣть въ душѣ и осуждать самъ себя. Когда родители мои камлали (шаманили, — приносили жертву) и если въ это время заходилъ кто нибудь изъ русскихъ, мнѣ становилось стыдно передъ ними. Когда отецъ мой посылалъ меня пасти коровъ, то я иногда поднимался на Тугаю (Уттӱ-Кая) и, вставши на камень, на которомъ росъ баданъ (трава, которая употребляется вмѣсто чая), и, обратившись лицомъ къ востоку, кланялся, произнося имя Іисуса Христа. Такъ я кланялся, какія же молитвы слѣдуетъ произносить, не зналъ, но только повторялъ многократно: Боже, Іисусе Христе, не оставь меня, возьми меня къ себѣ!

Дѣти мои! Теперь и издалека мнѣ это мѣсто кажется прекраснымъ и до сихъ поръ оно не изглаживается изъ памяти моей.

Припоминаю еще: въ одинъ день я пришелъ къ товарищу своему Іакову, сижу у нихъ и вотъ входятъ къ нимъ два человѣка въ черныхъ одеждахъ, — на головахъ шапки съ накрышкой. Я, увидѣвши ихъ, хотѣлъ бѣжать, но одинъ изъ нихъ остановилъ меня, посадилъ возлѣ себя и далъ мнѣ пирожокъ съ красной смородиной. Я сижу и думаю: ѣсть или не ѣсть. Онъ, погладивши меня по головѣ, спросилъ: какъ твое имя? Кипріанъ,— отвѣтилъ я. Онъ сказалъ: я тебѣ разскажу одну повѣсть, а ты сиди, да хорошенько слушай. Послѣ этого, положивши мнѣ на плечо руку, онъ сказалъ: въ старыя времена былъ большой камъ Кипріанъ; онъ уходилъ на горы, чтобы изучать тамъ бѣсовское ученье и чернокнижіе. Изучивши все это, онъ могъ дѣлать, что хотѣлъ, но только не могъ бѣсовскими чарами одолѣть одной крещеной дѣвицы, по имени Іустины. Удивляясь этому, онъ спрашивалъ у своихъ главнѣйшихъ бѣсовъ, служившихъ ему: доселѣ вы могли дѣлать („*кубултуп*“ — превращать, показывать видъ чего нибудь, дѣлать посредствомъ превращенія) все, что хотѣли; какъ же теперь вы не можете одолѣть этой дѣвицы? Слуги его сказали ему: мы боимся Бога ея, такъ что не только къ ней самой, но даже къ дому ея не можетъ подойти. Услыхавши это, камъ пришелъ къ этой дѣвицѣ и спросилъ: въ какого ты Бога вѣруешь? Іустина разсказала ему объ Іисусѣ Христѣ. Послѣ этого камъ Кипріанъ крестился и послѣ крещенія сталъ великимъ священникомъ (архіереемъ), Божіею силою совершилъ многія чудеса, а теперь, послѣ смерти своей, пребываетъ въ вѣчномъ блаженствѣ, во свѣтѣ Божіемъ.

Я, выслушавши этотъ разсказъ, спросилъ: что ты за человѣкъ? какъ тебя зовутъ! Онъ, улыбась, сказалъ: я священникъ, по имени Макарій, — ты крестись и будешь какъ Божье чадо; некрещенные никогда не войдутъ въ свѣтъ Божій, но съ діаволомъ будутъ, пойдутъ въ тьму и огонь, откуда не выйдутъ никогда! Послѣ этого онъ началъ разсказывать, что будетъ вѣрующимъ въ Бога и что невѣрующимъ. Я, слушая его разсказы, едва могъ удерживаться отъ слезъ. Желалъ бы и креститься, но боялся родителей. Я былъ тогда 11 лѣтъ. Когда мнѣ миновало 12 и наступилъ 13-й годъ, родители мои высватали для меня

невѣсту. Мать въ тотъ же годъ умерла отъ горячки. Послѣ смерти любимой матери моей, мнѣ доводилось меньше смѣяться, но больше плакать. Такъ я съ плачемъ провелъ два года. Въ теченіи этихъ лѣтъ я самъ и коровъ доилъ и бѣлье мылъ; самъ и приготовлялъ всякую пищу. На третій годъ отецъ мой женилъ меня на высватанной невѣстѣ. Мнѣ было тогда 16 лѣтъ. Жители Улалы въ это время начали принимать крещеніе. Когда вмѣстѣ съ нами еще два семейства не желали креститься, то о. Макарій сказалъ: вы—некрещеные,—если будете камлать, живя среди крещеныхъ, то они будутъ соблазняться. Поэтому, если не желаете креститься, то возвратитесь въ свое мѣсто, въ Кузнецкъ. Поэтому отецъ мой меня съ женой передалъ тестю моему и отправилъ въ Бачатъ [1]). Такъ мы отправились въ путь и, когда стали удаляться отъ роднаго мѣста, я не могъ удержаться отъ слезъ. На третій день, когда горы Алтая скрылись изъ глазъ, мы выѣхали въ степь. И думалъ я про себя: зачѣмъ ты не крестился! зачѣмъ, не боясь Отца небеснаго и убоявшись отца земнаго, переселяешься въ Бачатъ?

Весной въ тотъ годъ, когда мы пріѣхали въ Бачатъ, въ одинъ день я сидѣлъ на горѣ Елбай и скорбно было у меня на душѣ. Въ это время ко мнѣ подошелъ Каймакъ, сынъ Оргона, и сказалъ: отъ этой Шанды за десять верстъ находится Бачатская волость,—тамъ есть церковь,—завтрашній день туда собирается много народу; завтра праздникъ „Муколы (Николы)—батюшки“, поѣдешь ли туда? Я сказалъ: дороги не знаю, а то поѣхалъ бы. Каймакъ сказалъ: изъ Шандинскихъ туда многіе поѣдутъ; развѣ не поѣдешь съ ними? Я обрадовался, осѣдлалъ коня. Туда отправлялось много женщинъ и я поѣхалъ съ ними. Я не могъ ихъ догнать, потому что конь подо мной былъ плохой. Такъ я одинъ пріѣхалъ въ Бачатъ. Знакомыхъ, у которыхъ я могъ бы остановиться, у меня тамъ не было. Ѣду одинъ по улицѣ, а у самаго на глазахъ слезы. Встрѣчается дядя мой Чёношъ изъ большаго улуса и говоритъ: ты, племянникъ, на праздникъ пріѣхалъ? Да, на праздникъ. И онъ поѣхалъ со мной.

---

[1]) Прежнее мѣсто пребыванія Чевалковыхъ.

Пріѣхали къ дому крестьянина Клемешева и остановились у него, и я и онъ. Заблаговѣстили. Я спросилъ у дяди: что это? Въ колоколъ звонятъ, чтобы народъ собирался въ церковь,—отвѣтилъ онъ. (А я до этого церквей не видывалъ). Такъ мы съ дядей пошли въ церковь. Къ намъ сбоку подошелъ какой-то человѣкъ и пошелъ вмѣстѣ съ нами въ церковь. На верхушкѣ шапки его—бумажныя кисточки, одѣтъ въ сюртукъ, на плечахъ бумажные цвѣточки. Я, увидѣвши его, спросилъ у дяди; это не абызъ ли? (священникъ). Дядя сказалъ: это—дурачекъ Евсей. Я спросилъ: а онъ никому вреда не сдѣлалъ? Дядя отвѣчалъ: нѣтъ, этотъ человѣкъ никому зла не сдѣлаетъ. Такъ онъ вмѣстѣ съ нами и вошелъ въ церковь и съ нами же вмѣстѣ остановился у дверей церковныхъ. Когда мы молились, онъ часто взглядывалъ на меня и улыбался. Стоявшіе передо мной люди были выше меня и я изъ-за нихъ не могъ видѣть, что было впереди. Стоявшіе возлѣ меня, некрещеные телеуты кланялись, не полагая на себѣ крестнаго знаменія и я такъ же молился. Въ это время въ передней части церкви слышно было пѣніе многихъ людей, славившихъ Бога. Это пѣніе услаждало мое сердце до слезъ. Вышедши изъ церкви, мы съ дядей отправились въ квартиру, тамъ пообѣдали. Тогда дядя сказалъ мнѣ: ты что, племянникъ, такъ повѣсилъ голову; о чемъ ты скорбишь? Я отвѣтилъ: скучаю на чужой сторонѣ. Онъ сказалъ: здѣсь есть засѣдатель изъ нашихъ Телеутовъ,—добрый человѣкъ, пойдемъ къ нему, у него есть органъ—онъ намъ поиграетъ на немъ. Отправились. Онъ привелъ насъ въ горницу и спросилъ у дяди: чей это сынъ? Дядя отвѣтилъ: это мой племянникъ, — пріѣхалъ съ Алтая. Засѣдатель сказалъ: его надо грамотѣ учить. Дядя сказалъ: онъ тоскуетъ по родинѣ; поиграйте для него. Онъ сталъ намъ играть на органѣ. Я слушалъ; еще стало мнѣ тоскливѣе и я прослезился. Послѣ этого, засѣдатель угощалъ насъ чаемъ, налилъ рюмку вина, а дядя выпилъ двѣ. Отъ него мы возвратились домой. Вспоминая о своей родинѣ, я говорилъ самъ себѣ: зачѣмъ ты, не принявши этой вѣры, гдѣ такое прекрасное пѣніе, переѣхалъ сюда въ Бачатъ?

Я скорбѣлъ и плакалъ. Теща моя, видя мои слезы, гово-

рила: о чемъ ты тоскуешь и грустишь, сынъ мой? не пренебрегаетъ-ли тобой жена? ты мнѣ скажи. Я сказалъ: нѣтъ, она мною не пренебрегаетъ; я все думаю о своей родинѣ. Теща сказала: осенью поѣдемъ въ гости въ Улалу—скоро отецъ твой пріѣдетъ сюда. Отъ тоски я захворалъ и пролежалъ около недѣли. Когда я лежалъ въ болѣзни, въ это время вошелъ въ домъ мой отецъ, одѣтый въ бѣлую рубаху, въ черной шляпѣ на головѣ. Увидѣвши его, я заплакалъ. Отецъ сказалъ: о чемъ ты плачешь, сынъ мой? Я сказалъ: ты переселяешься сюда жить, а я поѣду опять въ Улалу креститься. Отецъ мой, видя меня плачущимъ, и самъ прослезился и сказалъ: если ты хотѣлъ креститься, сынъ мой, то зачѣмъ же не сказалъ тамъ? Я отвѣтилъ: я побоялся говорить тебѣ объ этомъ. А теща сказала: я свою дочь возьму назадъ. Я отвѣтилъ: если хотите взять, сами знаете.

Черезъ недѣлю послѣ этого, мы отправились назадъ въ Улалу. Многіе изъ нашихъ родственниковъ, пришедшихъ проводить насъ, плакали о насъ, какъ о покойникахъ. „Ты, Андрашъ, — говорили они, — послушался молодаго сына своего: — ѣдешь креститься,—теперь ты намъ не родня“. Мнѣ непріятно было слышать ихъ причитаніе. Мы отправились и чрезъ пять дней прибыли въ Улалу. Осенью того года крестились. Я нареченъ былъ Михаиломъ; отецъ мой названъ Василіемъ; жена моя Александрой; сестра моложе меня—Еленой, слѣдующая за ней—Анной, а самая младшая Маріей. У меня былъ еще братъ Ерокъ, моложе меня семью годами. Онъ, послѣ рожденія своего, когда было ему два мѣсяца, отцомъ моимъ былъ отданъ въ сыновья старшему брату его, у котораго дѣтей не было. Когда онъ достигъ 10-лѣтняго возраста, его отдали учиться грамотѣ;— названъ онъ былъ Адріаномъ: они крестились прежде насъ.

На лѣвомъ берегу р. Улалы находился домъ Михаила Ащаулова. Отецъ Макарій купилъ его и жилъ въ немъ. Мы жили на правой сторонѣ Улалы. Братъ мой, по обычаю, ходилъ къ о. Макарію учиться грамотѣ. Я, видя, что онъ учится грамотѣ, скорбѣлъ объ этомъ, говоря въ себѣ: мой младшій братъ научится грамотѣ, будетъ знать Слово Божіе и по нему разумѣть, что добро и что худо. А теперь я буду всѣхъ хуже и глупѣе,

Такъ я скорбѣлъ и молился въ сердцѣ своемъ: Боже мой, Іисусе Христе, да будетъ воля Твоя! Если это мое желаніе учиться грамотѣ угодно Тебѣ, то Ты Самъ вразуми и научи меня!

Въ одно время я, давши корму скоту, отправился къ о. Макарію. Онъ мнѣ разсказывалъ о Богѣ; я слушалъ это и разсказы его были для меня слаще меда. Разсказы его неизгладимо запечатлѣлись въ сердцѣ моемъ. Съ тѣхъ поръ я, подобно пчелѣ, которая нашла готовый медъ, каждый день вечеромъ приходилъ къ о. Макарію. Часто посѣщая о. Макарія, я просилъ его келейныхъ, чтобы они учили меня грамотѣ. Они отвѣтили: ты приходи къ намъ днемъ, — мы будемъ тебя учить вмѣстѣ съ братомъ твоимъ. Такъ я два дня сряду ходилъ учиться. Отецъ мой спросилъ меня: куда ты ходишь? Я отвѣтилъ: хожу все къ о. Макарію учиться грамотѣ. Отецъ мой сказалъ съ гнѣвомъ: довольно, если младшій братъ твой научится, а ты знай свое дѣло: грамотѣ учатся лѣнивцы, — тебѣ лѣнь работать; люди смѣются надъ тобой и мнѣ самому человѣка два говорили: „ты сына своего учишь лѣниться, вотъ онъ ходитъ къ абызу, учится грамотѣ“. Послѣ этого я тайно отъ отца и отъ жены своей пошелъ въ „чуланъ“ и тамъ наплакался. Потомъ я сказалъ брату моему Адріану: когда будешь приходить обѣдать, приноси съ собой букварь. Адріанъ такъ и сдѣлалъ. Сходивши домой пообѣдать, онъ заходилъ къ намъ и читалъ букварь. Когда я, молча, сидѣлъ возлѣ него и смотрѣлъ вмѣстѣ въ букварь, отецъ мой сказалъ: ты что сидишь? работы не работаешь, а только портишь глаза? Поэтому я, исполняя въ домѣ работы, слушалъ чтеніе; какъ изучаютъ пѣсню, такъ я слухомъ изучалъ чтеніе азбуки. Когда отца дома не было, я просматривалъ слова и узнавалъ ихъ, спрашивая объясненіе у брата; но всѣхъ словъ я разбирать не могъ.

Въ одно время пришелъ десятникъ и велѣлъ мнѣ отвезти о. Макарія къ Майму, я запрегъ двѣ лошади, подъѣхалъ къ дому о. Макарія; захожу—о. Макарій связываетъ въ кучу около 30-ти букварей. Я сталъ просить у о. Макарія: о. Макарій! благословите мнѣ одинъ букварь! О. Макарій улыбнулся, подошелъ ко мнѣ и сказалъ: ты женатый и семейный человѣкъ;

развѣ имѣешь свободное время учиться грамотѣ? Я отвѣтилъ: если Богъ вразумитъ, то научусь. О. Макарій взялъ одинъ букварь, подошелъ ко мнѣ и сказалъ: если ты изъ этого букваря разберешь три слова, то я благословлю его тебѣ; но если не разберешь, то теперь не дамъ. Я, хотя и плохо разбиралъ, но началъ читать на память. О. Макарій, выслушавши, спросилъ: кто тебя училъ? Я отвѣтилъ: никто не училъ. Я самъ научился, когда Адріанъ читалъ букварь, я, занимаясь работой, прислушивался и заучилъ. О. Макарій сказалъ: ты не говори, что самъ научился; если Богъ не поможетъ, то человѣкъ самъ ничего не можетъ сдѣлать и ничему не можетъ научиться, поэтому, когда ты хочешь что-нибудь дѣлать,—говори: Господи Іисусе Христе, да будетъ воля Твоя! Если Тебѣ угодно мое начинаніе этого дѣла, то даруй твое благословеніе. И тогда, если Богу угодно, что хочешь дѣлать, Онъ непремѣнно тебѣ поможетъ въ этомъ, а благословеніе Божіе проси съ вѣрою, а когда попросишь, надѣйся, что Богъ непремѣнно дастъ и, если прошеніе твое Богъ исполнитъ, то не думай въ сердцѣ своемъ; „я самъ это сдѣлалъ“. Если ты подумаешь, что это отъ тебя самого сдѣлалось, то діаволъ расхититъ сѣмена твоего добраго дѣла, подобно птицѣ, уносящей сѣмена пшеницы“. Преподавши это наставленіе, онъ положилъ свою руку мнѣ на голову и стоялъ, молча. Послѣ того благословилъ мнѣ тотъ букварь. Получивши этотъ букварь, я съ великою радостью спряталъ его за пазуху. Когда я вынесъ вещи въ таратайку, о. Макарій вышелъ и сѣлъ, сказавши: вези меня въ Майму. Пока мы доѣхали до Маймы, онъ все училъ меня. Возвратившись домой, я спряталъ букварь подъ сарай. Послѣ этого, отправляясь на работу, я бралъ букварь съ собой и дорогой учился разбирать слова. Если замѣчалъ, что кто нибудь ѣдетъ мнѣ на встрѣчу, то я, еще издали увидавши его, пряталъ мой букварь за пазуху; а когда онъ проѣзжалъ, то я опять продолжалъ учить. Иногда я просилъ брата указывать мнѣ, а иногда вечеромъ, тайно отъ отца, уходилъ къ о. Макарію и учился у его келейныхъ.

Въ одинъ день вечеромъ я пришелъ къ о. Макарію. Когда я зашелъ, о. Макарій вышелъ, подошелъ ко мнѣ на встрѣчу и

спросилъ меня: ну, что научился-ли грамотѣ? Я отвѣтилъ: Слава Богу! не много знаю. Онъ мнѣ вынесъ книгу —Ветхаго Завѣта и заставилъ меня изъ нея прочитать. Я прочиталъ строкъ пять. Онъ обратилъ взоръ свой къ небу и сказалъ: да благословитъ тебя Господь отъ Сіона, сотворивый небо и землю! Сказавши это, благословилъ эту книгу мнѣ. Послѣ этого за руки подвелъ меня къ стулу и посадилъ, а самъ сѣлъ возлѣ меня и началъ мнѣ повѣствовать Слово Божіе. Онъ сказалъ: кто терпитъ горькое, тотъ найдетъ сладкое, кто плачетъ, тотъ будетъ радоваться, — ты не обижайся, что люди оскорбляютъ тебя, не питай ненависти къ тѣмъ, которые сдѣлали тебѣ зло и довели тебя до слезъ. —Господь за насъ грѣшныхъ сошелъ съ небесъ на землю и претерпѣлъ за насъ крестныя страданія, но не мстилъ своимъ мучителямъ. Такъ, Богъ нашъ, Іисусъ Христосъ своими страданіями, своей кровію искупилъ насъ отъ вѣчной смерти и огня неугасимаго. Кто ради Бога претерпитъ скорбь, тотъ симъ путемъ Божіимъ достигнетъ Его блаженства, ибо Богъ сказалъ: возьми крестъ Мой и иди за Мной, и еще сказалъ: кто ради Меня душу свою погубитъ, тотъ найдетъ ее, Выслушавши эти слова, сладчайшія мода, я возвратился домой, какъ бы послѣ обильнаго обѣда. Когда я пришелъ домой, отецъ спросилъ: гдѣ ты былъ? Я досталъ изъ-за пазухи книгу и, показывая ее, сказалъ: я ходилъ къ о. Макарію,—онъ далъ мнѣ эту книгу и велѣлъ учиться. Отецъ сказалъ: ну-ка, почитай. Я началъ ему читать съ запинками. Отецъ мой, послушавши, сказалъ: „ужъ если ты столько знаешь, то, пожалуй, на свободѣ учись“. Отъ этихъ словъ свѣтло и радостно стало у меня на душѣ, подобно тому, какъ въ темную ночь освѣтитъ огонь или въ пасмурный день покажется солнце.

Получивши столь отрадное для меня благословеніе отца моего, по вечерамъ, давши скоту корму, я сталъ ходить къ келейнымъ о. Макарія, чтобы продолжать ученіе. Когда у нихъ не было свободнаго времени, я послѣ напрасныхъ ожиданій возвращался домой.

Тамъ былъ одинъ вдовый священникъ по имени о. Василій. Онъ мнѣ много разъ говорилъ: „что у тебя дома дѣла пѣтъ что ли,—что ты шатаешься сюда?“ Слушая эти упреки, я воз-

вращался домой со слезами, говоря самъ себѣ: должно быть я такой ужъ несчастливецъ, что встрѣчаю себѣ въ этомъ такія препятствія.

Еще,—въ одинъ день я пришелъ къ о. Макарію. Онъ тогда пилъ чай. Я подошелъ къ нему, получилъ благословеніе, потомъ отошелъ назадъ и сталъ у двери. О. Макарій сказалъ, „садись тамъ на стулъ“. Я поклонился и сѣлъ. Онъ налилъ мнѣ чаю. Я сталъ пить. Онъ спросилъ меня: „каковъ? хорошо ли живешь?“ Я сказалъ: „слава Богу,—хорошо“. Онъ еще спросилъ: „по утрамъ молишься ли Богу?“ „Молюсь *же*“ — отвѣчалъ я. „Такъ ты молишься *же*? Значитъ, ты лѣниво молишься. Ты такъ не молись, но молись вотъ какъ: войди въ сердце свое и молись Богу втайнѣ. Когда ты будешь такъ молиться, то Отецъ Небесный дастъ тебѣ царствіе небесное явѣ; когда же молишься, стой со страхомъ какъ будто видишь предъ собою Бога; молясь же, говори такъ: Боже мой, Іисусе Христе, спаси меня грѣшнаго! Много я содѣлалъ грѣховъ предъ лицемъ Твоимъ, спаси меня! Ты незримо для меня видишь меня, знаешь помышленія сердца моего!“ Послѣ этого онъ всталъ, взялъ въ руки евангеліе и, стоя предо мною, сказалъ: въ этой книгѣ написано житіе самого Бога и Его ученіе, а также дѣла и ученіе учениковъ Его. Ты каждый день читай отсюда по одной главѣ. Если ты будешь читать отсюда съ вѣрою, то ты подобенъ будешь слышавшему слово изъ устъ Самого Бога. Сказавши это, онъ перекрестилъ меня, далъ поцѣловать книгу и благословилъ ею меня. Принявши это благословеніе, я съ великою радостію и облегченіемъ пришелъ домой, какъ будто нашедши самоцвѣтный дорогой камень. Эту книгу я показалъ отцу. Отецъ сказалъ: если у тебя есть смыслъ разумѣть слово Божіе, то по этой книгѣ ты будешь учить другихъ, а если нѣтъ, то она будетъ напрасно валяться въ домѣ. Теперь молись Богу, да поможетъ Тебѣ Богъ!

Эта книга была напечатана на двухъ языкахъ: на одной сторонѣ по русски, а на другой по славянски Да даруетъ Господь, сотворившій небо и землю, блаженство и свѣтъ о. Макарію, чрезъ котораго я сподобился такого блага и счастія, ибо я, подобно птицѣ, собирающей зерна, по наставленію его, нау-

чаясь заповѣдямъ Божіимъ, сталъ проводить дни въ радости. Иногда же въ моемъ сердцѣ начинали забываться благодѣянія Божіи, тогда я подобно птицѣ, у которой истощились зерна, собранныя ею въ пищу себѣ, опять приходилъ къ о. Макарію, и онъ опять насыщалъ, услаждалъ и согрѣвалъ меня словами Божіими. Такъ я въ продолженіи трехъ лѣтъ ходилъ къ о. Макарію, подобно пчелѣ, нашедшей для себя готовый медъ. Иногда, когда я дѣлалъ что-нибудь противное Богу, онъ заставлялъ меня плакать, ставя меня на колѣни, чтобы молиться Богу. Да дарусть ему Господь Богъ свѣтъ и блаженство! Не худому онъ училъ меня, но только доброму и полезному для души моей.

Однажды я пришелъ къ о. Макарію. У него сидѣли Осипъ Наурчаковъ и Павелъ Сурочаковъ. Отецъ Макарій, увидѣвши меня, подошелъ ко мнѣ и, благословивъ меня, посадилъ на стулъ. Они трое переводили житіе Іосифа, а я сидѣлъ въ сторонѣ. Переводя это житіе на Алтайскій языкъ, они не могли подобрать для перевода русское слово „ибо“. О. Макарій подошелъ ко мнѣ и спросилъ: „какъ по вашему сказать „ибо“? Я отвѣтилъ: „вы мнѣ скажите примѣръ“. Онъ представилъ примѣръ. Я сказалъ: „это по нашему значитъ „*тезе*“. О. Макарій, призвавши послушника Стефана Васильевича, сказалъ: „наставь-ко „желтый“ [1]),— будемъ на радостяхъ чай пить; много лѣтъ необрѣтаемое слово теперь нашлось!“ Послѣ этого о. Макарій сказалъ мнѣ: „въ свободные дни ты приходи ко мнѣ,—мы вдвоемъ будемъ переводить житіе Іосифа; тебѣ это будетъ полезно и будешь изучать Свящ. Писаніе“. Послѣ этого я въ свободное время приходилъ къ о. Макарію до тѣхъ поръ, пока кончили переводъ житія Іосифа. По окончаніи этого перевода, о. Макарій благословилъ меня образомъ Святителя Митрофана и сказалъ при этомъ: „Съ этого дня ты будешь моимъ толмачемъ для перевода Слова Божія“. Съ этого времени я служилъ у о. Макарія толмачемъ около пяти лѣтъ. Мы вдвоемъ переводили молитвы, а также перевели нѣсколько и изъ Евангелія. Однажды, въ почное время, во время занятія переводомъ Евангелія, о Макарій закрылъ глаза и, по-

---

[1]) Самоваръ.

ложивши руки на столъ, сидѣлъ. Я подумалъ, что онъ заснулъ. Онъ такъ неподвижно сидѣлъ около часа; потомъ открылъ глаза и показывая на устье рѣчки Улалы, при впаденіи въ р. Майму, сказалъ: „нѣтъ ли тамъ ключика?“ (маленькой рѣчки). Я сказалъ: на той сторонѣ Маймы есть рѣчка, которая никогда не мерзнетъ. Онъ сказалъ: „тамъ нужно поставить избушку“. Послѣ этого, по прошествіи еще недѣли, онъ такимъ же образомъ, посидѣвши и открывъ глаза, спросилъ, указывая рукой туда же: „нѣтъ ли тамъ ключика?“ Я отвѣтилъ: „тамъ есть рѣчка, которая никогда не мерзнетъ“. Онъ сказалъ: „тамъ надо поставить избушку“. Я подивился этимъ вопросомъ его. Это было зимой. По прошествіи зимы, весной, послѣ Троицы, я пришелъ къ о. Макарію. Онъ, шутя, сказалъ мнѣ: „богатые люди на пирахъ вино пьютъ, а мы бѣдные на пиру будемъ чай пить“, — потомъ прибавилъ,—„если вмѣсто вина будешь чай пить, то будешь здоровъ“; послѣ этого угостилъ меня чаемъ и самъ пилъ. Напившись чаю, онъ сказалъ: „пойдемъ въ поле, походимъ“. Мы вышли, прошли по берегу Маймы противъ острова. Здѣсь на берегу острова росъ черемуховый кустъ. О. Макарій, остановившись подъ этимъ черемошникомъ, сорвалъ одинъ листикъ и долго разсматривалъ его, перевертывая на обѣ стороны. Я подумалъ въ себѣ: „этотъ о. Макарій ровно ребенокъ, еще ничего не видавшій; разсматриваетъ листокъ дерева и дивится, какъ будто въ первый разъ видитъ“. Когда я такъ думалъ, о. Макарій сказалъ: „въ этомъ листикѣ есть и жилки и сѣмечки, нужныя для самого дерева; кромѣ того, есть еще и внутреннее устройство, котораго глазъ человѣческій не можетъ видѣть. Все это полезно для самого дерева и всему такъ быть повелѣлъ создавшій Богъ“. Послѣ этого онъ долго говорилъ мнѣ въ наставленіе. Потомъ пришли мы къ устью Улалы, при впаденіи въ Майму. Когда мы пришли сюда, онъ сказалъ: „на той сторонѣ нѣтъ ли ключика?“ И поднявшись на пальцахъ, внимательно разсматривалъ: нѣтъ ли на той сторонѣ ключика? Я отвѣтилъ: „тамъ есть ключикъ“. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы остановились, былъ островъ Улалы; вода тутъ была небольшая. Я хотѣлъ было положить черезъ нее „переходъ“ (дерево), но о. Макарій оста-

новилъ меня и сказалъ: „ничего“. Потомъ о. Макарій сказалъ: „тамъ на ключикѣ нужно поставить домикъ“. И далъ мнѣ пятирублевую синюю бумажку, сказавши: „это тебѣ нужно будетъ“. Оттуда мы возвратились домой. Потомъ, благословляя меня, онъ сказалъ: „ты завтра приди ко мнѣ чай пить“. На слѣдующее утро я опять пришелъ и, напившись тамъ чаю, опять пошли туда же. О. Макарій, остановившись на томъ же мѣстѣ, съ котораго мы вчера смотрѣли, и, опять приподнявшись на пальцы ногъ, разсматривая, сказалъ: „тамъ нѣтъ ли ключика?“ Я отвѣтилъ: „на той сторонѣ Маймы при подошвѣ горы есть ключикъ, который не мерзнетъ“. Онъ сказалъ: „тамъ надо сдѣлать маленькую избушку“ и съ этимъ далъ мнѣ десятирублевую красненькую бумажку, говоря: „это тебѣ нужно будетъ“. Затѣмъ мы возвратились домой. Когда пришли къ дверямъ, онъ благословилъ меня и велѣлъ идти домой. Пришедши домой, я удивлялся случившемуся. Съ того времени до нынѣ это не изглаживается изъ моей памяти и я не понимаю: для чего онъ меня опрашивалъ объ одномъ и томъ же нѣсколько разъ?

Однажды о. Макарій, отслуживши обѣдню, пришелъ домой. Въ это время одинъ человѣкъ, пріѣхавшій изъ Маймы, зашелъ къ нему. О. Макарій съ гнѣвомъ сказалъ ему: „зачѣмъ ты сегодня, не почитая праздника, нечистымъ приходилъ въ церковь? Развѣ нѣтъ для тебя другихъ дней, кромѣ этого?“ Тотъ стоялъ молча, и потомъ сказалъ: „виноватъ я“. О. Макарій сказалъ: „очисти свой грѣхъ и впередъ такъ не дѣлай“.

Еще въ одинъ день вечеромъ, напившись чаю, о. Макарій сказалъ Михаилу Петровичу [1]): „ты пристрастіемъ своимъ къ деньгамъ сталъ уподобляться Іудѣ, а Степанъ Васильевичъ [2]) будетъ миссіонеромъ“. Такой отзывъ о. Макарія о Михаилѣ Петровичѣ Негритскомъ я слышалъ дважды. Онъ былъ сынъ священника. Возвратившись къ отцу, женился, потомъ былъ діакономъ, послѣ этого, судившись съ управителемъ, лишился дьяконскаго сана и сталъ торговать. Вскорѣ послѣ этого, я слышалъ, что онъ умеръ.

---

[1]) Одинъ изъ послушниковъ.

[2]) Ландышевъ, впослѣдствіи протоіерей и начальникъ миссіи.

Еще однажды, — въ великій постъ во время говѣнія въ церкви народу было много; нѣкоторые пріѣхали изъ деревни Ерихалки. Въ числѣ ихъ былъ старикъ Андрей Табакаевъ. Этотъ старикъ, послѣ приготовленія къ причащенію Св. Таинъ, стоя въ Церкви, увидѣлъ таракана, ползущаго по полу, пошелъ за нимъ и задавилъ его. О. Макарій, увидѣвши это, прогнѣвался и сказалъ старику: „это Божіе созданіе, оно идетъ для своей надобности, а ты,—разумный человѣкъ, не заботясь о себѣ,— зачѣмъ сдѣлалъ злое дѣло? Поговѣй же еще недѣлю, а потомъ приступи къ причащенію Св. Таинъ". И старикъ это исполнилъ.

О. Макарій вечерній чай пилъ всегда вмѣстѣ со всѣми тѣми, кто только находился въ его квартирѣ. Чай онъ пилъ, ходя на ногахъ. Такъ онъ, прохаживаясь взадъ и впередъ, въ это время преподавалъ находившимся свои наставленія, а мы всѣ, сидя, слушали внимательно, не оглядываясь по сторонамъ. Однажды о. Макарій по таковому обычаю своему говорилъ слово назиданія изъ Св. Писанія. Когда Михаилъ Петровичъ оглянулся къ дверямъ, о. Макарій, переставши говорить, подошелъ въ передній уголъ и остановился. Такъ, молча, стоялъ онъ тамъ долго. Потомъ, подошедши опять къ намъ, спросилъ Михаила Петровича: „ты что увидалъ тамъ у дверей?" Михаилъ Петровичъ отвѣтилъ: „я смотрѣлъ, какъ бѣжала тамъ мышь". О. Макарій сказалъ: „тебѣ Господь повелѣлъ, чтобы ты трудился по заповѣди Его, чтобы ты помышлялъ о немъ день и ночь, а ты развѣ не хочешь учиться Его заповѣдямъ? Смотри на эту мышь и учись у ней. Она, исполняя заповѣдь Божію, ищетъ себѣ пищи, а ты не желаешь развѣ насытить свою душу добрыми дѣлами?" Послѣ этого онъ заставилъ его молиться Богу, а насъ отпустилъ каждаго на свои работы.

Однажды Павелъ Сурочаковъ, стоя въ церкви сзади всѣхъ, надъ чѣмъ-то разсмѣялся. О. Макарій былъ въ алтарѣ. Вышедши оттуда, онъ вызвалъ Павла отъ двери и сказалъ ему: „люди ходятъ въ церковь для того, чтобы плакать или радостно хвалить и славить Бога, а ты пришелъ смѣяться. Не уходи же отсюда, не поплакавши"—и поставилъ его на колѣни, заставивъ класть поклоны до конца службы.

Еще однажды, нѣкоторые изъ Улалинцевъ отправились въ Ерихалку на праздникъ въ Николинъ день. Тамъ они пили вино и пиво. Возвратились домой нѣкоторые черезъ два дни, а нѣкоторые черезъ три. Когда они возвратились и подъ воскресенье пришли къ вечернему богослуженію, — въ это время служилъ о. Анастасій, — о. Макарій, увидѣвши, что сказанные люди пришли въ Церковь, и похваливъ ихъ за это, сказалъ: „я радуюсь, что вы были на праздникѣ Св. Николая, ибо вы ѣздили туда чествовать его; ради этого вы потили своихъ лошадей и сами терпѣли холодъ. Св. Николай будетъ молиться о васъ". Потомъ онъ спросилъ ихъ: „а вы тамъ молились ли Святителю Николаю: былъ ли тамъ священникъ?" „Нѣтъ", — отвѣтили они. О. Макарій спросилъ ихъ: „можетъ быть тамъ есть молитвенный домъ въ честь Святителя Николая?" „Нѣтъ", — отвѣчали они. О. Макарій зашелъ въ алтарь, потомъ опять вышелъ и сказалъ: „я ранѣе радовался, а теперь отъ скорби плакалъ бы, если бы были слезы. Горе мнѣ! Я ранѣе радовался, предполагая, что вы ѣздили чтить Святителя Николая, а вы ѣздили, чтобы прогнѣвлять его. Вы доньяна пили вино, пили пиво, извергали блевотину, вы сквернословили, доходили до безчувствія на радость бѣсамъ. Вы ѣздили, чтобы осквернить досточтимый праздникъ Св. Николая". Послѣ этого онъ всѣхъ ихъ заставилъ класть земные поклоны и они молились до конца службы.

Когда о. Макарій былъ въ Маймѣ, то тамъ учился грамотѣ одинъ крестьянскій мальчикъ. Этотъ мальчикъ привезенъ былъ изъ деревни Кокши; когда настало пахатное время, отецъ пріѣхалъ за нимъ и увезъ его. Зимой отецъ его, Алексѣй Замятинъ, опять привезъ его. Вмѣстѣ съ мальчикомъ они приняли благословеніе отъ отца Макарія. О. Макарій этому Алексѣю сказалъ: „ты зачѣмъ этого мальчика давалъ опрыскивать водой?" Замятинъ отвѣтилъ: „когда онъ хворалъ, одна старушка „попрыскала" на него водицей". О. Макарій сказалъ: „что же онъ выздоровѣлъ, когда „попрыскали" водицей?" Замятинъ сказалъ: „когда попрыскали водицей, стало легче и онъ выздоровѣлъ". Въ это время я былъ тутъ. О. Макарій сказалъ: „ты прогнѣвилъ Бога и осквернилъ свое дитя. Зачѣмъ ты далъ окропить сына

своего бѣсовской водой?“ Замятинъ сказалъ: „старушка наперед освятила воду, потомъ окропила. О. Макарій сказалъ: „а какой священникъ освящалъ ее?“ Алексѣй отвѣтилъ: „та старушка прочитала молитвы надъ водой и подула на нее“. О. Макарій отвѣтилъ: „Ты вѣришь этой старухѣ? Не бѣса ли она призывала на воду?“ Замятинъ сказалъ: „если бы это было отъ бѣса, то мальчикъ не выздоровѣлъ бы, а когда окропили его этой водой, онъ выздоровѣлъ“. О. Макарій сказалъ: „есть бѣсъ, который принимаетъ видъ добраго. Этотъ бѣсъ многихъ ловитъ на уду свою и дѣлаетъ своими рабами, и когда товарищъ его производитъ въ какомъ-либо человѣкѣ болѣзнь, этотъ притворно добрый бѣсъ говоритъ товарищу: освободи этого человѣка отъ болѣзни; оставь его: послѣ мы всѣхъ ихъ введемъ въ обманъ, и они всегда будутъ насъ призывать. Они не будутъ вѣрить Богу, но будутъ близки намъ. Такъ хвалятся таковые бѣсы. Обманутые ими люди будутъ вмѣстѣ съ ними въ аду. Зачѣмъ ты сына своего осквернилъ этою бѣсовскою скверной?“ Послѣ этого о. Макарій поставилъ его на поклоны.

Когда Улалинцы начали креститься, то одинъ старецъ нѣкто Борисъ Кочаевъ оставался некрещенымъ. О. Макарій долго его уговаривалъ. Каждую недѣлю онъ ходилъ въ его домъ и разсказывалъ ему о Богѣ. Борисъ сталъ съ ненавистью смотрѣть на о. Макарія, когда онъ приходилъ къ нему. Однажды, когда Борисъ сидѣлъ у дверей своего дома, пришелъ къ нему о. Макарій и, сѣвши возлѣ него, по обычаю, началъ говорить ему о Богѣ: Борисъ, ненавидя его, говорилъ ему напротивъ. О. Макарій долго сидѣлъ и говорилъ съ нимъ. Не могши его убѣдить, о. Макарій сказалъ: „я тебѣ желаю добра, чтобы на твою главу низошла благодать Господня. Много разъ бесѣдовалъ я съ тобой, но ты, кажется, не желаешь сей благодати Божіей. Теперь не я, а ты будешь виноватъ. Мнѣ Богъ повелѣлъ говорить тебѣ и я много говорилъ тебѣ о Богѣ, о Его правдѣ, о Его благости, обо всемъ говорилъ тебѣ. Ты говоришь: слухъ мой не принимаетъ такихъ словъ; теперь вмѣсто счастія отъ Бога придетъ къ тебѣ несчастіе, вмѣсто милости падетъ на

голову твою гнѣвъ Божій.“ Сказавши это, онъ погладилъ его по головѣ и ушелъ. Съ тѣхъ поръ о. Макарій уже не ходилъ въ его домъ. 'По прошествіи мѣсяца у этого Бориса пропали изъ ящика четыреста рублей денегъ. Черезъ два мѣсяца вымеръ у него весь скотъ, а его было 110 головъ. Изъ всѣхъ лошадей остался у него чалый двухлѣтній жеребенокъ. Этотъ Борисъ Кочаевъ, бывшій богачемъ, въ одинъ годъ обѣднѣлъ. Бѣгая отъ крещенія, онъ переселился въ Бачатъ. Потерявши тамъ послѣднее имущество, пріѣхалъ назадъ и поселился въ Монгойтѣ. По недостатку въ скотѣ, находясь въ такомъ бѣдственномъ положеніи, опять перекочевалъ въ Улалу. Здѣсь онъ крестился. Этотъ Борисъ дожилъ до 137 лѣтъ—и умеръ крещенымъ,—имя ему было дано—Василій. [1])

Въ одинъ день вечеромъ о. Макарій у себя въ домѣ, съ послушниками своими напившись чаю, пѣлъ изъ „Ленты“. Я тогда еще грамотѣ не учился. Я съ удовольствіемъ слушалъ ихъ пѣніе. По окончаніи пѣнія, о. Макарій подошелъ ко мнѣ и спросилъ: „здоровъ ли сынъ твой—Григорій?“ „Здоровъ“,—отвѣтилъ я. О. Макарій сказалъ: „отчего твой мальчикъ такъ красивъ?“ Я молчалъ. А онъ прошелъ въ передній уголъ, потомъ воротился назадъ и, ставши возлѣ меня, сказалъ: „если у тебя будутъ дѣти, отдашь ли ты ихъ на служеніе Богу?“ Я отвѣтилъ: „если будутъ двое, я одного отдамъ“. О. Макарій сказалъ: „ты говори: если Богу угодно будетъ, то всѣхъ отдамъ!“ Сказавши это, онъ спросилъ послушника Степана Васильевича: „ты слышалъ? вотъ онъ обѣщалъ, что если будетъ у него двое дѣтей, то одного изъ нихъ онъ отдастъ на служеніе Богу“. Онъ благословилъ меня.

Возвратившись домой, я нашелъ сына своего больнымъ, а на слѣдующій день онъ отошелъ къ Господу. Когда онъ померъ, я пришелъ къ о. Макарію и только что я вошелъ въ дверп, онъ спросилъ: „здоровъ ли Григорій Михайловичъ?“ Я сказалъ: „отошелъ къ Богу“. О. Макарій перекрестился и сказалъ: „слава Богу!“ А мнѣ сказалъ: „ты не скорби: онъ за тебя будетъ Богу

[1]) Въ отчетѣ за 50-е годы въ Твореп. Отцовъ.

молиться; ты же послѣ будешь радоваться. У Бога осталось милостей еще недарованныхъ больше, чѣмъ сколько дано".

Еще однажды вечеромъ я пришелъ къ о. Макарію. О. Макарій съ псаломщиками, съ Анастасіемъ и о. Василіемъ въ одной комнатѣ пили чай. Подавши мнѣ чаю, о. Макарій сказалъ: „ну-ка, толмачъ, масляные глаза,—пей чай". Я началъ пить. Онъ мнѣ еще сказалъ: „ты не постригай свои волосы". И я съ того времени отпустилъ свои волосы Отецъ мой, замѣтивши это, сказалъ: „почему ты не подстригаешь свои волосы". Я отвѣтилъ: „мнѣ такъ велѣлъ о. Макарій". Отецъ мой сказалъ: „не хорошо смотрѣть; такіе волосы носятъ Шорцы" [1]). Послѣ этого я опять сталъ подстригать свои волосы. Когда пришелъ я къ о. Макарію, онъ сказалъ: „ты, кажется, воруешь свои волосы".

И еще однажды вечеромъ я пришелъ къ о. Макарію. Онъ преподавалъ намъ наставленіе и Слово Божіе. Когда я началъ уходить съ бывшими у него людьми, онъ сказалъ мнѣ: „я хочу просить тебя у отца твоего; не желаешь ли ты быть моимъ?" Я сказалъ: „буду, если отецъ благословитъ". Послѣ этого въ одинъ вечеръ онъ призвалъ отца моего и долго продержалъ его у себя. Отецъ мой, пришедши отъ него, сказалъ: „говоритъ, отдай мнѣ сына своего и потому долго меня продержалъ. Я сказалъ, если желаешь, возьми Адріана, а отецъ Макарій настаивалъ, чтобы тебя взять. Если я тебя отдамъ, пойдешь ли ты?" Я сказалъ: „онъ меня хочетъ везти въ Россію". Отецъ сказалъ: „пусть Адріанъ ѣдетъ: у него нѣтъ жены и дѣтей".

Когда я служилъ у о. Макарія толмачемъ, отецъ мой началъ гнѣваться на меня, говоря: „ты постоянно ходишь къ о. Макарію и оттого плохо работаешь". Послѣ этого, когда усыновившій Адріана отецъ его—Николай померъ, Адріанъ возвратился къ родному отцу и сталъ жить съ нами. Отецъ, надѣясь на младшаго сына, меня отдѣлилъ отъ себя. Это случилось такъ. Въ одинъ день я собрался ѣхать рубить дрова; надѣлъ на себя два армяка и сижу; а отецъ говоритъ мнѣ: „куда это ты собрался ѣхать?" Я отвѣтилъ: „въ лѣсъ рубить дрова". Отецъ

---

[1]) Инородцы Кузнецкаго округа.

сказалъ: „если хочешь рубить, такъ руби себѣ“. Я отвѣтилъ: „кому же какъ не себѣ,—развѣ людямъ рубить буду?“ Отецъ сказалъ: „вѣдь я приказалъ тебѣ для *себя* рубить; а ты развѣ думаешь, что я велю рубить для людей? У тебя все „абызъ“ на умѣ; ты къ нему постоянно ходишь, а дѣла хорошенько не дѣлаешь, теперь отойди отъ меня и живи особо“. Я сказалъ: „у меня нѣтъ ни дома, ни хлѣба, куда я пойду?“ Отецъ отвѣчалъ: „ты молодой человѣкъ; самъ найдешь себѣ хлѣба и выстроишь домъ. А если самъ не сможешь, то выстроитъ тебѣ твой абызъ“. Послѣ этого я не могъ ничего проговорить, сидѣлъ и плакалъ. Отецъ сказалъ: „о чемъ ты плачешь? Сегодня же пойди, ищи себѣ мѣсто“. Я сказалъ: „если ты мнѣ ничего не дашь — какъ же я буду жить?“ Отецъ сказалъ: „я женилъ тебя, уплативши калымъ за жену; чего же еще я тебѣ дамъ? Уходи въ этой одеждѣ, въ которой сидишь“. Я отвѣтилъ: „дай мнѣ, по крайней мѣрѣ, чашку да ложку“. Отецъ сказалъ: „ничего не дамъ“. И отдавая мнѣ мою шубу, сказалъ: „кромѣ этого, ничего тебѣ не достанется“. Я, взявши въ руки эту шубу и возвращая ее отцу, сказалъ: „эта шуба не будетъ для меня хлѣбомъ и домомъ; возьми ее назадъ: вмѣсто этого дай мнѣ твое благословеніе“. Отецъ заплакалъ. Посидѣвши, всталъ и благословилъ меня образомъ Іисуса Христа. Получивши родительское благословеніе, я пошелъ и, выпросивши у свояка своего Александра Пояркина амбаръ, сталъ тамъ жить. Четыре дня я плакалъ, сердце мое сжалось отъ горя; я скорбѣлъ, не зная за какую бы мнѣ работу приняться. На пятый день призвалъ меня о. Макарій. Когда я пришелъ, о. Макарій сказалъ: „что твое лицо такъ мрачно? что случилось?“ Я, не сказывая о томъ, что отдѣлился отъ отца, отвѣтилъ ему: „нѣтъ,—ничего не случилось,—не знаю“. О. Макарій посмотрѣлъ нѣсколько времени, взялъ евангеліе, положилъ на столъ и сказалъ: „будемъ теперь переводить изъ этой книги“. Я подошелъ и сѣлъ. О. Макарій говорилъ мнѣ изъ этой книги, а я переводилъ на алтайскій языкъ. Позанявшись нѣсколько этимъ переводомъ, о. Макарій опять меня спросилъ: „что дурное ты сдѣлалъ? Не утаивай отъ меня; тебя видно по лицу; ты что-то, кажется, сдѣлалъ“. У меня за-

хватило дыханіе и я не могъ ничего выговорить; потомъ, заплакавши, сказалъ: „отецъ меня прогналъ, не давши мнѣ ничего“. Тогда о. Макарій всталъ и сказалъ: „слава Богу! Если родной отецъ тебѣ ничего не далъ, то дастъ тебѣ отецъ небесный. Не испытавши горькаго, не поѣшь и сладкаго; не испытавши холода, не одѣнешься въ теплое; поплачешь вечеромъ, будешь радоваться утромъ“. Сказавши это, онъ спросилъ: „ты теперь гдѣ живешь?“ „У Александра Пояркина въ амбарѣ“. Тогда о. Макарій далъ мнѣ 4 пуда муки. На другой день велѣлъ мнѣ купить чашекъ, ложекъ и далъ для этого 10 рублей. Получивши это, я купилъ у Андрея Щетинина сколько нужно чашекъ, ложекъ. На третій день, позвавши меня, далъ мнѣ горшокъ и топоръ. Послѣ этого купилъ мнѣ кобылицу сѣрую. Прошло еще около мѣсяца—и онъ купилъ для меня у Ермолая Шабалина домъ, амбаръ и дворы. Съ той поры въ свободное время я сталъ ходить къ о. Макарію и заниматься переводомъ Слова Божія на алтайскій языкъ, не переставая также и работать.

Въ одинъ день меня позвали съ пашни. Прихожу: сидятъ много людей. О. Макарій, благословивши меня, сказалъ: „я теперь ѣду въ Россію,—назадъ не возвращусь; вы за меня грѣшнаго молитесь Человѣколюбцу Господу Іисусу Христу. Я васъ не забуду и буду за васъ молиться“. Сказавши это, онъ прослезился. Мы, видя его слезы, не могли удержаться и заплакали. Когда мы плакали, о. Макарій сказалъ: „не плачьте, братіе: у насъ у всѣхъ отецъ Іисусъ Христосъ; не будемъ отъ Него отлучаться. Если мы отъ Него отлучимся, то это будетъ и худо, и горько. Тогда будетъ такое горе, что люди непрестанно будутъ плакать и никто не утѣшитъ; будутъ непрестанно скрежетать зубами и никто не избавитъ ихъ отъ этой скорби. Вы думаете, что я ухожу отъ васъ и уже никогда не увижусь, а я думаю, что увидимся съ вами въ царствіи небесномъ. Молитесь другъ за друга, любите другъ друга, ибо Богъ есть Любовь. Онъ всѣхъ любитъ; такъ и вы всякаго человѣка любите, какъ себя. Я желалъ бы, чтобы вмѣстѣ съ вами жить на небесахъ“. Когда онъ сказалъ это, изъ глазъ его брызнули слезы.

Видя его слезы, и мы не могли удержаться и плакали. О. Макарій сказалъ: „теперь вашимъ отцемъ будетъ о. Степанъ. Я оставляю его вмѣсто себя и призываю на васъ Божіе благословеніе. Пусть онъ учитъ васъ во имя Божіе всякому добру. Какъ вы меня слушали, такъ и его слушайтесь". Такъ о. Макарій до самаго отъѣзда училъ насъ доброму, подобно тому, какъ отецъ, умирая, даетъ наставленіе своимъ дѣтямъ. Онъ уѣхалъ. Мы, оставшись послѣ него, плакали, подобно сиротамъ, лишившимся своего отца.

Когда о. Макарій уѣхалъ въ Россію, я сталъ прилежно заниматься пашнею. Когда всѣ ровныя мѣста выпахались, а въ косогорахъ пахать было трудно, то я скорбѣлъ объ этомъ. У кого лошадей было много, тѣмъ было легко, ибо тѣ могли много и запрягать для пашни, а я мучился, ибо лошадей у меня было мало.

Въ это время въ одну ночь, я не могъ заснуть, думая, какой бы способъ изобрѣсти и какую соху бы сдѣлать, чтобы удобно можно было пахать въ косогорахъ. И вдругъ мнѣ придумался въ мысляхъ моихъ этотъ способъ такъ ясно, какъ будто я вижу глазами. Я немедленно устроилъ такую соху, попробовалъ пахать — легко даже для двухъ лошадей. Подымаемые такой сохой пласты земли отваливались свободно по склону косогора [1]). При такомъ устройствѣ сохи, она могла двигаться по одной бороздѣ. Я весьма радовался и благодарилъ Бога.

Послѣ этого я поставилъ мельницу. Эта мельница работала *хорошо. Я радовался и благодарилъ Бога.*

Научился я также и желѣзо ковать; потомъ научился выдѣлывать сыромять; учился и столярному искусству; научился и тесъ пилить; научился и оспу прививать. Всѣ эти ремесла могли бы быть мнѣ полезными, но они не сдѣлали меня богатымъ, потому что мысли мои все двоились.

---

[1]) Когда соха идетъ впередъ, пласты обычно сваливаются на одну сторону; когда же она идетъ назадъ пласты сваливаются на другую. Когда приходится пахать на косогорѣ, то, слѣдовательно, пласты при поворотѣ сохи должны были отваливаться въ сторону горы, что чрезвычайно трудно Приспособленіе, сдѣланное о. Михаиломъ и состояло въ томъ, что пласты земли всегда отваливались въ одну и ту же сторону и именно по склону горы.

Однажды позвалъ меня къ себѣ о. Степанъ и сказалъ: „будемъ переводить Слово Божіе: будь моимъ толмачемъ. Я тебѣ въ годъ буду платить по 40 рублей“. Я отвѣтилъ: „я имѣю жену и дѣтей; сорока рублей для меня мало“. О. Степанъ сказалъ: „ты такъ поживи на первый годъ, а далѣе я каждый годъ буду прибавлять тебѣ“. И я служилъ у него толмачемъ въ теченіи 4-хъ лѣтъ. Но въ теченіи четырехъ лѣтъ мнѣ было прибавлено только 10 рублей. И такъ, во время этого четырехлѣтняго служенія моего въ должности толмача мы занимались переводомъ Слова Божія. Когда кто-либо приходилъ креститься, то я, съ благословенія о. Степана училъ ихъ по-алтайски молитвамъ и разсказывалъ имъ о Святой вѣрѣ, а иногда отецъ Степанъ самъ говорилъ имъ по-русски, а я переводилъ. Черезъ два года послѣ этого пріѣхалъ изъ Кузнецка одинъ чиновникъ по имени Николай Ивановичъ Ананьинъ. Онъ, остановившись у о. Степана, позвалъ меня къ себѣ. „Я занимаюсь собираніемъ свѣдѣній о нравахъ инородцевъ одного съ вами языка, ихъ пѣсняхъ и камланіи. Такія свѣдѣнія у меня собраны о Кузнецкихъ инородцахъ, но для перевода ихъ на русскій языкъ способнаго человѣка тамъ не нашлось. Услышавши, что ты умѣешь переводить, я позвалъ тебя: займись со мной переводами“. Я отвѣтилъ: „я служу у о. Степана толмачемъ и не могу располагать самъ собой; попросите отца Степана“. Онъ сказалъ: „я тебя у него выпросилъ и онъ обѣщалъ отпустить тебя“. Въ это время о. Стефанъ вышелъ изъ двери другой комнаты и сказалъ мнѣ: „я ѣду въ Бійскъ, а ты позаймись съ нимъ переводомъ“. И такъ я съ этимъ Ананьинымъ болѣе недѣли переводилъ легенды на русскій языкъ. Когда воротился о. Степанъ, Ананьинъ сказалъ: „ты мнѣ напиши о вѣрованіяхъ здѣшнихъ инородцевъ, ихъ пѣсни, повѣсти и преданія, какія есть отъ прежнихъ временъ“. Сказавши это, онъ далъ мнѣ два цѣлковыхъ и уѣхалъ. Все, что я писалъ объ этомъ, я передавалъ о. Стефану, а онъ почтой посылалъ Николаю Ивановичу. На другой годъ онъ опять пріѣхалъ и взялъ меня съ собой въ г. Бійскъ. Тамъ я прожилъ 9 дней, занимаясь переводомъ. Онъ мнѣ далъ за это три цѣлковыхъ и уѣхалъ. Послѣ этого, по прошествіи трехъ

мѣсяцевъ, о. Стефанъ получилъ бумагу о томъ, чтобы я ѣхалъ на подводахъ въ Кузнецкъ и я черезъ 5 дней пріѣхалъ къ Ананьину. Тамъ прожилъ около 2-хъ мѣсяцевъ. Кончивши переводы, я возвратился домой. Николай Ивановичъ далъ мнѣ 10 цѣлковыхъ. Съ тѣхъ поръ я его не видалъ, а онъ мнѣ говорилъ: „я тебѣ буду помогать деньгами,“ - но ничего отъ него я не получалъ. Когда я возвратился изъ Кузнецка, была весна. Въ эту весну въ Улалѣ вода была весьма большая. Былъ какой-то праздникъ; въ этотъ день собрались ко мнѣ молодые люди; я ихъ училъ пѣть церковныя пѣсни. Въ это время вдругъ домъ мой затрещалъ: нѣкоторые поэтому, засмѣявшись, сказали: „много народу собралось сюда, не можетъ держать и трещитъ;“ а другіе сказали: „не вода-ли подходитъ;“ а вода въ р. Улалѣ была ровна съ берегами. Тогда Илья Корольковъ сказалъ: „я пойду посмотрю“. И лишь только онъ отворилъ дверь, изба повалилась на сторону; тогда нѣкоторые выбѣжали черезъ дверь, а другіе выскочили чрезъ окошки, а вещи, какія были въ избѣ, вытаскали черезъ окна. Дверями вытащили только одинъ ящикъ. Такъ какъ народу было много, то они не дали разнести водой бревна, но повытаскали ихъ на берегъ. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ всетаки нѣкоторыя бревна унесло, а многія были уже гнилы; то снова поставить избу было невозможно. И такъ мы въ этотъ день пѣли, а вечеромъ плакали. Я лишился избы. На слѣдующій день пришелъ я къ о. Степану со слезами. Отецъ Степанъ въ счетъ моего жалованья купилъ мнѣ у Михаила Наурчакова недодѣланную избу. Лѣтомъ я ее перевезъ и поставилъ.

Однажды о. Степанъ послалъ меня съ миссіонеромъ о. Арсеніемъ къ Кузнецкимъ Телеутамъ-Шорцамъ. Мы, ночевавши въ дорогѣ, на слѣдующій день пріѣхали въ с. Енисейское къ волости. Когда я тамъ сидѣлъ въ домѣ у ямщика, вошелъ какой-то человѣкъ, поцѣловалъ мою руку и сказалъ: „здравствуй, ангелъ Божій!“ Онъ говорилъ это много разъ и всякій разъ цѣловалъ руку. Я спросилъ. „Гдѣ ты живешь?“ Онъ сказалъ: „я пріѣхалъ издалека,“ „Какъ зовутъ тебя?“ Онъ сказалъ: а ты развѣ не узнаешь меня? Я тебя видѣлъ въ Бачатскомъ селѣ въ церкви“.

Когда онъ сказалъ это, я узналъ его. Это былъ тотъ, съ которымъ мы встрѣтились, когда я ѣхалъ съ дядей моимъ на праздникъ Св. Николая и дядя мой Чепотъ сказалъ: „ это дурачекъ Евсей.“ Узнавши его, я спросилъ: „не ты ли Евсей?“ Онъ мнѣ что-то сказалъ, но я не понялъ. Онъ скоро вышелъ. Я удивился этому и съ тѣхъ поръ онъ не выходитъ изъ моей памяти. Съ о. Арсеніемъ мы оттуда отправились и черезъ три дня прибыли въ Кузнецкъ. Тамъ прожили одинъ день. Оттуда поѣхали въ аилы Шорцевъ, вверхъ по рѣкѣ. Эти Шорцы живутъ, какъ русскіе, ихъ избы и одежды такія же какъ и у русскихъ; только женщины носятъ другую одежду. Въ домахъ у нихъ есть образа, а у нѣкоторыхъ есть и камскіе бубны. Увидѣвши это, я спросилъ: „вѣдь вы крещеные? Зачѣмъ же это у васъ стоятъ камскіе бубны?“ Они отвѣтили: „мы, хотя и крещеные, но какъ можемъ жить безъ камланія?“ Я спросилъ: „а вы молитесь Богу, по русскому обычаю?“ „Какъ же, молимся.“ Я спросилъ: „какъ именуете вы Бога.“ „Никола-батюшка, еще Илья пророкъ,“—отвѣтили они, а иные сказали „Іисусъ Христосъ также Богъ.“ Я сказалъ: „Одинъ Богъ І. Христосъ. Кромѣ Него нѣтъ Бога, а св. Николай и Илья пророкъ—не боги; они были угодники Божіи: теперь они пребываютъ въ свѣтломъ, прекрасномъ и радостномъ мѣстѣ. Нѣкоторые изъ нихъ сказали: „мы слышали, что Іисусъ Христосъ истинный Богъ, но мы немного Ему молимся“. Я побесѣдовалъ съ ними нѣсколько объ истинномъ Богѣ. Спросилъ я также у нихъ: „въ этомъ селеніи всѣ крещеные?“ „Да, всѣ крещеные,“—отвѣтили они. „А священники учатъ васъ молиться Богу?“ „Иногда учатъ.“ „Чему же васъ учатъ священники?“ „Учатъ молиться Богу.“ Только? Они отвѣтили: „чему же еще насъ учить! Мы русскаго языка вполнѣ не понимаемъ, а жены наши и дѣти и совсѣмъ не знаютъ“.

Мы прожили въ этомъ селеніи одинъ день; на слѣдующій день, когда ѣхали мы вверхъ по Мрасѣ, встрѣтился намъ одинъ человѣкъ, который везъ на волокушѣ бересто. Лошадь подъ о. Арсеніемъ испугалась и начала бить. Мы не могли догнать и поймать ее. Когда лошадь мчалась, о. Арсеній упалъ, нога за-

вязла въ стременахъ и онъ нѣсколько времени былъ влачимъ по землѣ; потомъ освободился. Когда мы подошли къ нему, чтобы поднять его, онъ сказалъ: „погодите, не троньте; я полежу немного.“ Я спросилъ: „каково? благополучно-ли“ Онъ отвѣтилъ.: „благополучно.“ Мы поймали его лошадь, посадили его и поѣхали дальше. Пріѣхали въ аилъ, называемый Мысъ. Я спросилъ тамошнихъ Шорцевъ: „Вы, кажется, крещеные.“ Знаете ли вы Бога?“ „Знаемъ, отвѣтили они.“ „Какъ зовутъ Бога?“ Іисусъ Христосъ; а другой сказалъ: „Микола.“ Послѣ этого я имъ разсказалъ о Богѣ и о Св. Николаѣ.

Потомъ пріѣхали мы въ одинъ аилъ, находившійся выше по р. Мрасѣ. Имя этого аила я забылъ. Въ этомъ мѣстѣ росъ густой черный лѣсъ по обѣимъ сторонамъ дороги. Тутъ живетъ ямщикъ, который возитъ заводскія подводы. Мы остановились у него. Въ это время пришли два человѣка. Я спросилъ у нихъ: „въ этомъ мѣстѣ у васъ, кажется, нѣтъ пахотной земли? Чѣмъ-же вы питаетесь?“ Они отвѣтили: „весной мы ловимъ рыбу и сплавляемъ ее на лодкахъ въ Кузнецкъ, продаемъ ее тамъ, на деньги покупаемъ хлѣбъ и назадъ возвращаемся лодкой на шестахъ. Нѣкоторые изъ насъ продаютъ медъ и покупаютъ хлѣбъ; богатые занимаются торговлей“. Поговоривши со мной, они ушли домой. О. Арсеній сказалъ: „ты здѣсь походи по домамъ. Если встрѣтишь некрещеныхъ, побесѣдуй съ ними, сколько умѣешь. И я посѣтилъ шесть домовъ. Въ нѣкоторыхъ домахъ я видѣлъ образа, въ другихъ бубны и спросилъ:“ отчего это у васъ въ нѣкоторыхъ домахъ находятся образа, а въ другихъ бубны?—„Вѣдь мы не русскіе, у которыхъ нѣтъ камовъ, отвѣчали они; когда придетъ горячка, то какъ жить безъ камланья.“ Я побесѣдовалъ съ ними о десяти заповѣдяхъ, о святой вѣрѣ. Вышедши оттуда и идя по улицѣ, я встрѣтилъ двухъ человѣкъ, которые стругали тесъ, а двое сидѣли возлѣ нихъ и я сѣлъ съ ними. И тѣ, подошедши, сѣли возлѣ меня и спросили: „ты откуда пріѣхалъ?“ Я сказалъ, гдѣ и на какой рѣкѣ я живу, куда и для чего мы ѣздимъ. Пока мы такъ разговаривали, изъ проходящихъ мимо по дорогѣ собралось къ намъ около двадцати человѣкъ. Я спросилъ ихъ: „вы всѣ крещены?“ Они отвѣчали: „Здѣсь всѣ крещены“.

„Знаете-ли какъ зовутъ Бога?“ „Знаемъ“. Кого-же вы призываете, когда молитесь?“ Они отвѣтили: „молимся Миколѣ-батюшкѣ, также пророку Иліи“. Я сказалъ: „а Іисусу Христу молитесь?“ Они отвѣтили: „объ Іисусѣ Христѣ мы слыхали, но хорошенько о немъ не знаемъ“. Я спросилъ: „развѣ священникъ васъ не учитъ?“ Они отвѣтили: „священникъ сюда пріѣзжаетъ, соберетъ сборъ и немедленно возвращается домой“. Я спросилъ: „и такъ священникъ васъ не учитъ?“ Они отвѣтили: „какъ-же онъ будетъ учить насъ, когда мы не знаемъ по русски?“ Тогда я имъ разсказалъ обо всемъ, начиная отъ Адама до Рождества Христова, а также разсказалъ и о воскресеніи мертвыхъ, о второмъ пришествіи Христовомъ, о судѣ живыхъ и мертвыхъ. Они сказали: „въ старину, при нашихъ предкахъ какой-то священникъ пріѣзжалъ сюда съ военными людьми, окрестилъ ихъ и возвратился домой. Мы — потомки этихъ крещеныхъ ничего не знаемъ, колеблемся въ ту и другую сторону. У насъ нѣтъ человѣка, который бы научилъ насъ Слову Божію. У кого-же намъ научиться? Поэтому мы и держимъ камовъ для камланья“. Я сказалъ: „вы не вѣрьте, что говорятъ вамъ камы: камы и сами не знаютъ истиннаго Бога; обманываемые дьяволомъ, они камлаютъ вамъ“. Они сказали: „мы издари чествуемъ жертвами землю, на которой живемъ, воду, небо; какъ-же мы теперь осмѣлимся оставить чествованіе ихъ?“ Тогда я разсказалъ имъ о Богѣ, какъ Онъ словомъ исцѣлялъ больныхъ, воскрешалъ мертвыхъ. И, вставши, отправился на свою квартиру. Когда я шелъ по улицѣ, то встрѣтилъ около 30-ти человѣкъ, которые плыли на лодкѣ внизъ по Мрасѣ, занимаясь ловлею рыбы. Увидѣвши ихъ, я остановился и подождалъ на томъ мѣстѣ, гдѣ слѣдовало имъ вытаскивать неводъ. Когда они вытаскивали неводъ, я замѣтилъ, что они рыбачили въ три невода. Въ томъ, который былъ вытащенъ сперва, оказалось 8 тайменей, въ слѣдующемъ за нимъ окуни, щуки, а въ третьемъ чебаки. Кромѣ этой, другой рыбы я не видалъ.

Послѣ этого, когда я возвратился въ квартиру, мы отправились съ о. Арсеніемъ на лодкѣ внизъ по Мрасѣ, и пріѣхали въ селеніе, находившееся выше Кузнецка, ибо тамъ оставался

нашъ экипажъ. Отсюда мы пріѣхали въ Кузпецкъ. Ночевавши тамъ, черезъ день пріѣхали къ Бачатскимъ Телеутамъ. Тамъ среди этихъ Телеутовъ мы встрѣтили нѣкоторыхъ родившихся уже отъ крещеныхъ; но родители воспитали ихъ некрещеными и сыновей своихъ пожепили, а дочерей выдали за некрещеныхъ. Мы ихъ не узнали бы, но здѣсь жилъ нѣкто Александръ, новокрещенный. Его крестилъ о. Стефанъ. Этотъ Александръ пересчиталъ намъ всѣхъ, которые родились отъ крещеныхъ, но оставались до старости некрещенными. Мы тамъ спросили: „почему они не крестились, когда ихъ родители крещены?“ Александръ отвѣтилъ: „въ прежнія времена, когда пріѣзжалъ сюда священникъ, чтобы крестить дѣтей крещеныхъ, то они почему-то не давали ихъ крестить. Это оттого, что они, какъ крестились, такъ никогда и не слышали ученія о Св. Вѣрѣ и, живя среди некрещеныхъ, не зная сами вѣры, не дозволяли и дѣтей крестить. Теперь родители ихъ померли; у дѣтей ихъ есть дѣти и они также остаются не крещенными“. Тогда мы собрали и спросили ихъ объ этомъ, они отвѣтили: „почему мы знаемъ: отъ крещеныхъ или отъ некрещеныхъ мы родились: мы и сами-то не знаемъ“, а иные сказали: „правда, мы слыхали объ этомъ отъ родителей нашихъ“. Тогда я побесѣдовалъ съ ними о Богѣ, о св. вѣрѣ Божіей. На третій день мы крестили тутъ 30 человѣкъ. Одинъ не сталъ креститься, ибо онъ былъ камъ. Мы прожили тутъ 3 дня, поучили ихъ вѣрѣ и возвратились домой.

По возвращеніи оттуда[1]), послуживши еще нѣсколько времени толмачемъ, такъ какъ получаемаго мною небольшого жалованья не доставало на хлѣбъ и на одежду для четырехъ дѣтей моихъ, я пересталъ быть толмачемъ и началъ торговать. Благодаря Бога, питался этимъ, а въ свободные дни переводилъ на Алтайскій языкъ изъ Святаго Писанія и читалъ это незнающимъ русскаго языка. Любители Слова Божія приходили и слушали. Послѣ этого я напялъ двухъ человѣкъ и съ своей женой и съ зятемъ отправился на Телецкое озеро ловить рыбу. Вы-

---

[1]) Отъ Бачатскихъ Телеутовъ

ѣхавши изъ дома, мы прибыли на рѣчку, называемую Иша. Тамъ одинъ чиновникъ, по фамиліи Сосуновъ, собравши общество трехъ зайсановъ, занимался разборомъ судебныхъ дѣлъ. Собравшійся народъ, человѣка по два и по три, стояли своими станами подъ деревьями. Когда я пріѣхалъ къ нимъ, одинъ Алтаецъ, по имени Суулукъ, сказалъ мнѣ: „слава Богу, что ты пріѣхалъ, эти Тубинцы [1]) помогаютъ своимъ ворамъ. Они, кажется, подружились съ начальникомъ и разбираютъ мое дѣло: на моей сторонѣ никого; Бога ради вы мнѣ помогите. Ихъ толмачъ нашего языка хорошо не знаетъ". Я пересказалъ объ обидѣ его начальнику, начальникъ приказалъ удовлетворить его. Тубинцы хотѣли меня побить, говоря: къ чему ты вступаешься въ наши дѣла? Но когда пришелъ казенный толмачъ Карбышевъ, они остановились. Тубинцы подобны стаду безъ пастуха: кто у нихъ богатъ, того они и почитаютъ какъ начальника; а кто бѣденъ, тѣ, какъ запуганные рабы, боятся суда. У нихъ бѣдняки не приносятъ жалобъ на обиды, боясь суда. Когда я спросилъ: почему вы не объявляете суду о вашихъ обидахъ?— они отвѣтили: какъ просить суда тому, у кого нѣтъ большихъ табуновъ скота и денегъ въ сумахъ! Они боязливы, какъ зайцы и молчаливы, какъ рыба. „Мы народъ съ закономъ не знакомый, что мы можемъ знать? Начальникамъ нашимъ нравятся рѣчи только тѣхъ, кто добываетъ чернаго соболя и убиваетъ жирнаго звѣря".

Я тамъ почевалъ; на слѣдующій день мы отправились къ крещенымъ инородцамъ, живущимъ въ селеніи „Иныргѣ". Когда я хотѣлъ взойти въ домы новокрещеныхъ, то нашелъ ихъ пустыми, ибо новокрещеные не живутъ въ избахъ, выстроенныхъ имъ миссіонерами, а устроили себѣ берестяныя юрты, гдѣ и живутъ, сидя около огня, разведеннаго посреднѣ [2]). Я спросилъ: отчего это вы не живете въ домахъ, а сидите въ такомъ дыму и портите себѣ глаза? Они отвѣтили: мы не умѣемъ жить въ русскихъ избахъ,—и устроивать внутри ихъ по-русски не умѣемъ; для насъ лучше эти берестяныя юрты, гдѣ можно и покурить

---

[1]) Тубинцами (Тубаларъ) Алтайцы называютъ черневыхъ инородцевъ, живущихъ по верх. р. Би съ притоками ея.

[2]) Такъ было 40 лѣтъ тому назадъ; теперь такихъ пустыхъ домовъ нѣтъ.

и толканъ (толокно) изготовить. Я сказалъ: пашете ли вы землю, какъ русскіе? Они отвѣтили: мы сѣемъ хлѣбъ, воздѣлыя мягкую землю „былами“ (мотыками), а нѣкоторые работаютъ у русскихъ за то, чтобы они имъ немножко посѣяли хлѣба. Я сказалъ: почему вы сами не устраиваете сохъ и не пашете? Они отвѣтили: не умѣемъ, потому что не научены этому. Я сказалъ: вы лѣнитесь учиться; если бы вы пахали землю, какъ русскіе, то за хлѣбъ не впали бы въ долги. Они отвѣтили: „хорошо было бы, если бы могли устроить русскую соху и пахать землю. Правда и то, что мы лѣнимся“. Я сказалъ: „вы хлѣба много не сѣете, русскую работу не работаете, откуда же вы находите подать для царя и хлѣбъ для себя?“ Они отвѣтили: „когда наступаетъ тѣто, мы приготовляемъ сѣно для скота; когда бываетъ урожай орѣха, мы собираемъ орѣхи; когда приходитъ осень, мы занимаемся звѣринымъ промысломъ“. Я спросилъ: а много вы пріобрѣтаете отъ сбора орѣховъ и звѣринаго промысла? Они отвѣтили: въ урожайный для орѣховъ годъ достаточно добываемъ себѣ на хлѣбъ, а когда не родятся орѣхи, то отъ одного звѣринаго промысла едва остается на подати. А тѣ, у которыхъ не достаетъ на подать царскую, тѣ нанимаются къ русскимъ въ работу на годъ.

Разскажу теперь о томъ, что водится у нихъ въ мѣстахъ ихъ жительства. Кругомъ — черный лѣсъ, покрывшій все пространство до снѣжныхъ вершинъ горъ. Рѣка Инырга, вытекающая съ запада, впадаетъ въ Каракопшу; истокъ этой Инырги беретъ свое начало изъ горы называемой „Ая“ (скала). Живущіе около этой горы Тубинцы приносятъ ей жертвы. Тубинцы говорили мнѣ: „въ старину, когда приходили войной Монголы, то богомъ нашимъ, спасшимъ тогда отъ нихъ предковъ нашихъ, была вотъ эта гора со скалой, и мы теперь каждое лѣто приносимъ ей жертвы. И теперь она со своими, растущими на ней орѣхами и добычей, даетъ намъ и хлѣбъ, и подати“. Я спросилъ: „эта гора, называемая „Черной Скалой“, какъ избавила предковъ вашихъ отъ нашествія монголовъ?“ Они отвѣтили: когда Монгольское войско преслѣдовало народъ нашъ, и онъ, взойдя на эту гору, принесъ ей жертву, то она стала непрохо-

димымъ и какъ ночь, темнымъ лѣсомъ (черною). Тогда Монголы не могши найти дороги, возвратились домой.

Вершина р. Караконши выходитъ изъ снѣжныхъ горъ съ юга и впадаетъ въ Бію версты четыре пониже Кебезеня. Въ Караконшу впадаетъ р. Уймень; вытекаетъ она съ зимняго солновосхода горы, а съ зимняго солнозаката выпадаетъ Сарыконша и впадаетъ въ Караконшу повыше Инырги, а рѣка Ныжа вытекаетъ съ зимняго солнозаката и впадаетъ въ Бію повыше Кебезеня. Всѣ эти рѣки вытекаютъ съ снѣговыхъ горъ, находящихся между Бісй и Катунью. Всѣ онѣ рыбны и отъ устья до вершины испещрены сѣрыми камнями (по берегамъ) и чернымъ лѣсомъ. На нихъ растетъ: кедръ, пихта, береза, осина, тополь, желтый, бѣлый, красный и черный талъ. Около устья рѣкъ растутъ сосна, черемуха, рябина, калина, малина, черная и красная смородина, акація, пищальникъ (бузина), собачьи ягоды, сѣрый талъ, оскорь, алагакъ (пестрая курица), сль, тая (трость), таваложникъ, сѣоскосъ, терновникъ, боярка, жимолость.

Теперь скажу о животныхъ по шерстямъ имъ. Болѣе всѣхъ водятся: бурундукъ, бѣлка, колонокъ, горностай, сурокъ, землеройка, водяная крыса, три рода мышей, водяная мышь, хорекъ (хомякъ), лисица, заяцъ, дикая коза (антилопа), маралъ, рысь, медвѣдь, бѣлый олень, лось, соболь, пищуга (сѣноставъ), россомаха. Перечислю и рыбъ: таймень, щука, кускучъ, налимъ, хайрюзъ, балбак-башъ, урюпъ, тилмай.

Въ Иныргѣ мы прожили три дня, потомъ спустились къ устью Копши и тамъ почевали. На слѣдующій день, переправившись черезъ Бію, пріѣхали въ Кебезень и тамъ почевали. Тамъ было три двора русскихъ и два дома новокрещеныхъ. По рѣчкамъ, вытекающимъ изъ горъ, съ восточной стороны отъ Кебезеня, кочуетъ Тиргешское (Кергешское) племя. Эти Тиргешскіе инородцы народъ честный — воровства у нихъ нѣтъ Здѣсь въ Кебезени мы прожили до весны. Послѣ праздника Пасхи я отправился искать дикихъ пчелъ; нашелъ 9 колодокъ; эти 9 колодокъ дали 11 роевъ, а всего въ этомъ году стало 20 колодокъ. Послѣ этого, прожившн до Ильина дня, мы отправились на Телецкое озеро для рыбной ловли. Тамъ мы около мѣсяца

ловили сельдей; всего поймали около 40 пудовъ. Обитающіе здѣсь Тиргешцы каждый день по ночамъ неводятъ рыбу. Ихъ невода въ длину имѣютъ не больше 10 саженъ, и такими короткими неводами они добывали рыбы больше нашего, а у насъ неводъ былъ въ 50 саженъ. Это потому, что они, когда неводятъ, то одни изъ нихъ веревки, которыми привязанъ неводъ, тащатъ по дну, придавляя ихъ ногами, а другіе, стоя въ лодкахъ, двигаются на шестахъ. Отъ этого ихъ неводъ захватываетъ рыбы болѣе, чѣмъ нашъ; мы однажды вытащимъ закинулый неводъ, они въ это время успѣютъ закинуть трижды; вслѣдствіе этого и уловъ у нихъ былъ удачнѣе. На дресвѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ они вытаскиваютъ неводъ, они разводятъ огонь и сидятъ, ожидая невода. Всякій разъ, когда вытащатъ неводъ, они садятся и закуриваютъ трубки.

Во время пребыванія моего здѣсь я выслушалъ у нихъ слѣдующую пѣсню:

Какъ прекрасно золотое озеро
Съ своимъ разстилающимся бѣлымъ туманомъ!
Какъ вкусна рыба его,
Которой кормитъ оно народъ свой!
Какъ прекрасны горы его,
Покрытыя сплошь чернымъ лѣсомъ.
Какъ тучны стада звѣрей его,
Коими онъ питаетъ народъ свой!

Когда у насъ истощился весь запасъ, то мы съ женой отправились на лошадяхъ въ Кебезень, пробыли тамъ два дня и, изготовивши запасовъ, отправились опять къ озеру. По пути заѣхали въ юрту Тадужека, живщаго на берегу озера. Въ юртѣ сидѣлъ одинъ старикъ съ сѣдой трясущейся головой. „Дѣдъ! сколько тебѣ лѣтъ?“ — спросилъ я. Старикъ сказалъ мнѣ: „90 лѣтъ“. Я спросилъ: „сколько же еще ты, старецъ, проживешь?“ Старецъ сказалъ: „сынъ мой! долго ли ужъ мнѣ теперь жить! Можетъ быть, сегодня умру, а если не сегодня, то завтра. Развѣ ты не видишь меня? Я сижу на самомъ краю могильной ямы, сижу и каждый день жду смерти“. Я сказалъ:

„ты ожидаешь смерти, а послѣ смерти гдѣ будешь жить? разскажи мнѣ, почтенный старецъ". Старикъ сказалъ: „откуда мнѣ знать, сынъ мой? Мы выросли, какъ полевые звѣри: вотъ вамъ то лучше это знать; вѣдь вы читаете Божьи книги и бесѣдуете съ Богомъ". Я отвѣтилъ ему: „пожалуй, я разскажу тебѣ изъ Божьей книги: повѣришь ли ты?" Старикъ сказалъ: „чему же больше вѣрить, какъ не Божьему слову?" И я сказалъ: единъ Богъ — Іисусъ Христосъ, Который создалъ небо и землю и птицъ летающихъ и звѣрей бѣгающихъ и все дышущее и всѣхъ людей. Кромѣ Него, никакого Бога нѣтъ; кто въ Него не вѣруетъ, тотъ не можетъ войти въ Его блистающій свѣтъ, исполненный блаженства, ибо Богъ есть величайшій свѣтъ, величайшее благо. Свѣтъ Его никогда не меркнетъ, блаженство Его никогда не оскудѣваетъ, но существуетъ всегда, вѣчно и превѣчно. Тѣ люди, которые въ Него не вѣруютъ, не могутъ жить въ Его блаженномъ свѣтѣ". Тогда старикъ сказалъ: „и мы тоже вѣруемъ въ „Азу" [1])". Я сказалъ: „въ какого же Бога вы вѣруете, какъ имя его — скажи мнѣ". Старикъ сказалъ: „мы поклоняемся и жертвы приносимъ Алтай-хану, Небу-хану, а также приносимъ хлѣбныя жертвы высокимъ горамъ и рѣкамъ, которыя кормятъ насъ, какъ матери". Я спросилъ: „кто же изъ нихъ больше всѣхъ?" Старикъ отвѣтилъ: „больше всѣхъ — отецъ всѣхъ — Богатый Ульгень [2]), а за нимъ Эрликъ" [3]). Я сказалъ: „итакъ, ваша душа которому изъ нихъ достанется?" Старикъ отвѣтилъ: „мы пойдемъ къ общему отцу, прадѣду Эрлику". Я сказалъ: „а прочіе-то такъ ни съ чѣмъ и останутся?" Старикъ разсмѣялся и сказалъ: „весь этотъ народъ произошелъ отъ отца Эрлика; конечно къ нему и пойдутъ, ибо отъ него произошли всѣ люди; мы потомство его, гдѣ онъ будетъ, тамъ и мы". Я сказалъ: „Эрликъ — не Богъ и Ульгень не Богъ; Единъ Богъ, создавшій все видимое и невидимое есть Іисусъ Христосъ, а всѣ прочіе — не боги. Вы поклоняетесь горамъ и водамъ, — они не боги, но твореніе Истиннаго Бога. Поэтому, вамъ вмѣсто того,

[1]) Злое божество — демонъ.
[2]) Доброе божество.
[3]) Злое божество.

чтобы поклапяться твари, слѣдуетъ поклапяться Господу Богу Іисусу Христу, создавшему эти горы и воды и за все Его благословлять". Старикъ сказалъ: „какъ же Ему надобно молиться?" Я отвѣтилъ: „Боже мой, Іисусе Христе, Ты создалъ всякую рѣку, всѣ высоты горъ, Ты создалъ и небо, и землю, и все, что въ нихъ, будь Ты благословенъ!"—Такъ надобно молиться". Старикъ замолчалъ, а я еще сказалъ: „если бы кто-нибудь устроилъ человѣку домъ, полный всякихъ сокровищъ, то получившій его кого бы за это сталъ благодарить—сталъ ли бы онъ домъ благодарить, или того, кто далъ этотъ домъ?" Старикъ отвѣтилъ: „конечно, не домъ же будетъ благодарить, а того, кто далъ этотъ домъ". Я сказалъ: „почему же вы приносите благодареніе небу и землѣ и всему, что на нихъ есть, а не благодарите Бога, Который создалъ ихъ?" Старикъ отвѣтилъ: „мы подобны звѣрямъ, которые живутъ и ростутъ въ полѣ: что мы знаемъ? Вотъ вы это знаете, которые держите въ рукахъ Божіи книги и съ Богомъ бесѣдуете". Я сказалъ: „ты крестись и будешь, какъ чадо Божіе: Богъ дастъ тебѣ блаженный свѣтъ". Онъ сказалъ: „если хочешь ты крестить меня, то скажи мнѣ, что значитъ крещеніе, и, сказавши это, прибавилъ: я думаю, что если и не крещусь, по по твоему наставленію буду молиться Христу Богу, то буду угоденъ Богу". Я отвѣтилъ: „Самъ Богъ сказалъ: кто не родится снова отъ воды и Духа, тотъ и не войдетъ въ свѣтъ Божій, въ царство Небесное". Старикъ отвѣтилъ: „какъ же это отъ воды родиться? скажи мнѣ, сынъ мой". Я отвѣтилъ: „Истинный Богъ Іисусъ Христосъ за грѣхи всѣхъ народовъ сошелъ съ небесъ на землю и во чревѣ святой Дѣвы принялъ на Себя тѣло человѣческое, былъ распятъ на крестѣ, умеръ, въ третій день воскресъ изъ мертвыхъ и потомъ, пожившп на землѣ 40 дней, возшелъ на небеса: поэтому, когда человѣкъ во образъ тридневной смерти и погребенія троекратно погружается въ воду во имя Божіе, то онъ снова рождается отъ воды и отъ Св. Духа; такимъ образомъ возрожденная душа человѣка сіяетъ Божіимъ свѣтомъ, уподобляясь Богу, ибо сей крестившійся человѣкъ облекается во Христа; поэтому онъ дѣлается подобнымъ Сыну Божію". Старикъ сказалъ: „за какую же вину некрещеные люди

не войдутъ въ свѣтъ Божій?“ Тогда я разсказалъ ему все, начиная отъ Адама, о ихъ грѣхопаденіи, о рожденіи Іисуса Христа, о томъ, какъ Онъ страдалъ, какъ по воскресеніи въ третій день въ сороковой день возшелъ на небеса, какъ опять придетъ на землю въ послѣдній вѣкъ судить живыхъ и мертвыхъ. Старикъ, все это выслушавши со вниманіемъ, сказалъ: сегодня или завтра я умру, сынъ мой: здѣсь безъ священника кто меня окреститъ? Я отвѣтилъ: съ попутнымъ человѣкомъ я пошлю къ священнику письмо, а ты пока здѣсь учи молитвы. Старикъ сказалъ: „ты мнѣ дай свой крестъ, который будетъ для меня Божіимъ знаменемъ“. Я возложилъ на него свой крестъ и нѣсколько поучилъ его молиться Богу. Отправившись оттуда, я прибылъ въ свой станъ на озеро. Когда я добывалъ тамъ рыбу, изъ Кебезеня о. Стефанъ прислалъ за мной человѣка звать къ себѣ. Когда я пріѣхалъ, онъ сказалъ: когда я хотѣлъ крестить этого старика, котораго ты приготовлялъ ко крещенію, то онъ мнѣ сказалъ: „я дотолѣ не крещусь, пока не пріѣдетъ тотъ, кто далъ мнѣ крестъ“; поэтому-то я послалъ за тобой. Тогда я спросилъ у старика: почему ты отъ этого священника не крестишься? Старикъ отвѣтилъ: „этого священника я прежде не видывалъ и удержался креститься, думая, не хочетъ ли меня крестить какой нибудь ложный священникъ“. Я сказалъ: это нашъ старшій Улалинскій священникъ о. Стефанъ. Онъ сказалъ: „ну, крестите“. И о. Стефанъ окрестилъ его, назвавъ его Петромъ. На слѣдующій день о. Стефанъ вмѣстѣ со мной пріѣхалъ въ мой станъ къ озеру. Въ тотъ день, когда мы пріѣхали, работники мои, собирая дрова около стана, нашли дерево съ пчелами. Оттуда мы получили около пуда меду. На слѣдующее утро о. Стефанъ далъ мнѣ нѣсколько крестовъ, сказавши: я даю тебѣ благословеніе и эти кресты, чтобы ты давалъ ихъ тѣмъ, кто пожелаетъ креститься. Послѣ этого о. Стефанъ отправился обратно въ Улалу.

Въ одинъ день, когда я въ своемъ станѣ сидѣлъ и пилъ чай, пришли два человѣка. „Здорово!“ — „Здорово“ — отвѣтилъ я. „Что новаго?“ „Нѣтъ ничего“. „Много рыбы добываете?“ — „Ничего, добываемъ“. — „Куда вы ѣдете, братцы?“ — „Только до

сюда. Есть хочется: нѣтъ-ли сухарей?“ – спросили они.—„Есть; погодите,—я вамъ испеку рыбы: съ сухарями ѣсть ее хорошо“. Я испекъ имъ рыбы и далъ. Они стали разговаривать со мной помягче. Я спросилъ: „Вы откуда ѣдете?“—„Отсюда мы поѣдемъ въ Чулышманъ“—отвѣчали они. „Какая у васъ нужда въ Чулышманъ, что вы такъ торопитесь, оставивши добычу орѣховъ?“—спросилъ я. Они отвѣтили: „ѣдемъ туда по необходимости“. Я спросилъ: „какая же такая необходимость?“ Одинъ изъ нихъ отвѣтилъ: „въ прошедшую зиму у меня умеръ отецъ, а у этого товарища умерла жена,—для этого мы и плывемъ въ Чулышманъ: тамъ есть камъ Ніасъ: хотимъ привезти его, чтобы онъ очистилъ нечистоту нашихъ юртъ“. Я спросилъ: „какая же это нечистота въ вашихъ юртахъ?“ Они отвѣтили: „у нашего народа есть вѣрованіе, что когда умретъ кто-либо, то въ той юртѣ, гдѣ онъ умеръ, остается его нечистота – его „алдачи“—„ангелъ смерти“ и онъ, говорятъ, возьметъ еще душу, если его не изгонятъ при помощи сильнаго кама, и онъ, говорятъ, унесетъ и всѣхъ остальныхъ людей“. Я сказалъ: „развѣ среди Тергешцевъ не нашлось кама, который бы могъ его выгнать?“ Они отвѣтили: „во всей этой черни нѣтъ кама, который былъ бы такъ же силенъ, какъ Чулышманскій камъ Ніасъ“. Тогда я началъ имъ говорить: „Богъ Іисусъ Христосъ, Который могъ создать небо и землю, Онъ одинъ можетъ очистить человѣка отъ скверны и изгнать отъ него бѣса; кромѣ же Его, никакой камъ человѣка очистить не можетъ“. Они сказали: „да вѣдь наши камы, когда изгоняютъ бѣсовъ, тоже призываютъ Бога“. Я сказалъ: „какого же Бога призываютъ ваши камы?“ Одинъ изъ нихъ сказалъ: „отца всѣхъ богатаго Ульгеня, а также призываютъ хозяина земли и воды“. Я сказалъ: „и землю, и воды, все видимое и невидимое, все живущее, все, что на этомъ свѣтѣ есть, создалъ истинный Господь Богъ въ 6 дней и послѣ всего сотворилъ отца всѣхъ народовъ Адама. Кромѣ Него никакого другаго Бога нѣтъ. Тотъ, въ кого вы вѣруете, именуя его богомъ,—не Богъ. Богъ не земля, не небо, не мѣсяцъ и солнце,—не гора высокая, не воды морскія и что-либо такое подобное этому. Истинный Богъ — Іисусъ

Христосъ: Онъ всегда былъ, всегда есть и всегда будетъ". При этомъ одинъ изъ нихъ молодой сказалъ: „вы мнѣ разскажите объ этомъ Адамѣ, котораго вы назвали отцомъ всѣхъ людей. Я вамъ сегодня ночью попевожу рыбы". Я отвѣтилъ: „если я полѣнюсь говорить Слово Божіе тому, кто вопрошаетъ о томъ, то мнѣ будетъ грѣхъ, ибо Богъ сказалъ: грядущаго ко Мнѣ не изгоню вонъ. Поэтому, если я полѣнюсь говорить Слово Божіе желающему слушать его, то будетъ мнѣ грѣхъ, а если кто, выслушавши слово, не повѣритъ ему, то ему грѣхъ". Онъ отвѣтилъ: „почему не вѣрить тому, что говоритъ человѣкъ,—научившійся изъ Божіей книги?" Послѣ этого я разсказалъ ему все, начиная отъ Адама до Рождества Христова, а затѣмъ о послѣднемъ вѣкѣ и о воскресеніи мертвыхъ и страшномъ судѣ. Стало уже смеркаться. Этотъ молодой инородецъ остался ночевать у меня въ станѣ, а другой пошелъ ночевать въ другую юрту. Послѣ этого этотъ молодой инородецъ въ продолженіи ночи неводилъ вмѣстѣ съ нами; на утро Тибапъ (такъ звали инородца) сказалъ: „чрезъ два дня я приведу сюда своихъ домашнихъ; вы побесѣдуйте съ ними о Богѣ". Я отвѣтилъ: „почему не побесѣдовать,— приведи". И такъ Тибапъ не поѣхалъ къ Чулышманскому каму, а отправился къ своимъ домашнимъ. Пріѣхавшій вмѣстѣ съ нимъ товарищъ его по имени Чалъ отправился къ Чулышманскому каму Ніасу, а Тибапъ поѣхалъ къ своимъ домашнимъ. Чрезъ три дня, на четвертый онъ пріѣхалъ ко мнѣ, взявши съ собой мать, сестру и младшаго брата. Какъ только они пріѣхали, я имъ испекъ рыбы, а самъ говорилъ съ ними изъ Божьяго Писанія и они съ удовольствіемъ слушали эту бесѣду мою. Насталъ вечеръ и они ночевали у насъ. На утро Тибапъ сказалъ: „сегодня помочь у зайсапа Орожока:— мы пойдемъ къ нему на помочь: какъ бы меня послѣ люди не побили за то, что я хочу креститься; вы послѣ придите посмотрѣть меня". Сказавши это, Тибапъ съ домашними отправился къ зайсапу на помочь. Когда я, надѣвши ружье, отправился на ихъ пашни, гдѣ они жнутъ хлѣбъ, стрѣлять рябчиковъ, то встрѣтилъ около тридцати человѣкъ, которые жали ячмень. Нѣкоторые изъ нихъ жали серпомъ, а другіе, вырывая хлѣбъ съ

корнями, прижимали его къ землѣ ногами и рѣзали ножемъ. Я сказалъ: „почему вы такъ мучаетесь, а не жнете хлѣбъ серпами?“ Они отвѣтили: „среди насъ есть такіе, которые отъ рожденія не бирали въ руки серпа, поэтому, по старому обычаю мы выдергиваемъ хлѣбъ и отрѣзываемъ корни ножами“. Я сказалъ: „развѣ нельзя научиться жать серпомъ!“ „Если бы Кумандинцы не привезли къ намъ для продажи серповъ, то у насъ не было бы и этихъ. Мы привыкли дѣлать по старымъ обычаямъ, поэтому, когда бываемъ у русскихъ, то забываемъ купить серпы“. Послѣ этого я опять возвратился въ станъ. Солнце закатилось за гору. Отъ зайсана Орожока на лодкѣ прибыли ко мнѣ два человѣка и сказали: „васъ зоветъ къ себѣ зайсанъ;—поѣдете-ли къ нему?“ Я вмѣстѣ съ женой сѣлъ въ лодку и отправился къ зайсану. Когда мы пришли, то нашли тамъ около 40 человѣкъ пьяныхъ; посрединѣ разложенъ огонь, а на немъ поставленъ треножный очагъ съ большимъ котломъ, въ которомъ варились цѣльныя кости животныхъ. Зайсанъ, замѣтивши приходъ нашъ, взялъ насъ за руки и посадилъ на войлокѣ (шердекъ), гдѣ и самъ сидѣлъ; потомъ взявши мѣхъ съ виномъ, поставилъ его предъ нами, говоря: „вотъ мое пріобрѣтеніе“. По обычаю ихъ, я, принявши это въ руки, сказалъ: „принялъ, выпилъ, угощайте этимъ другихъ“ [1]). Зайсанъ, позвавши одного „молодца“, сказалъ: „угощай этимъ“. Молодецъ началъ наливать намъ изъ мѣха и подавать. Мы съ зайсаномъ пили, а жена моя не пила. Въ это время выняли мясо въ большія деревянныя блюда и начали ѣсть. Я посмотрѣлъ и увидѣлъ, что никто изъ нихъ не мылъ рукъ и начали глодать кости, держа ихъ своими грязными руками. Когда сало съ мяса, смѣшавшееся съ грязью рукъ, текло по рукамъ, они ладони облизывали языкомъ, а пальцы клали въ ротъ и обсасывали. Пили и вино. Настала темная ночь. Нѣкоторые стали пѣть, а другіе драться. У иныхъ были оторваны косы, иные дрались головнями. Подравшись, они, какъ малыя дѣти, опять стали вмѣстѣ пить и курить, забывши всякій гнѣвъ. Посидѣвши нѣсколько времени,

[1]) Удовлетворитесь этимъ, т. е. что не пивши сказалъ: „ярадыгар“.

опять начали шумѣть. А потомъ, смотрю,—они хотятъ бить того Тибана за то, что онъ хочетъ креститься. Тибанъ, взглянувши на меня, сказалъ: „ради Бога на небѣ и царя на землѣ я хочу креститься, — они меня за это хотятъ бить; ради Бога вступитесь за меня“. Тогда я сказалъ: „вы его не троньте; если вы побьете его, я подамъ бумагу въ судъ“. Зайсанъ сказалъ: „добромъ говорите, и не троньте его“. Послѣ этого нѣкоторые изъ нихъ начали Тибана обнимать и цѣловать, а другіе просто сѣли. Въ это время Тибанъ вышелъ и отправился домой. Я подождалъ и такъ какъ онъ не возвращался, то и самъ также отправился въ свой станъ. Пріѣзжаю, а Тибанъ сидитъ здѣсь въ станѣ. Послѣ того, какъ мы возвратились въ станъ, прошло полчаса времени и вслѣдъ за нами пріѣхали на лодкѣ 8 человѣкъ. Въ это время Тибанъ лежалъ, снявши съ себя обувь. Въ числѣ восьми одинъ былъ дюмича Данила. Онъ сказалъ Тибану: „тебя Зайсанъ зоветъ, обувайся скорѣй,— поѣдемъ“. Тибанъ сказалъ: „что хочетъ со мной Зайсанъ дѣлать ночью? не поѣду я“. Они сказали: „Зайсанъ хочетъ тебя поставить дюмичей вмѣсто отца твоего“. Тибанъ отвѣтилъ: „если Зайсанъ хочетъ меня дѣлать дюмичей, то зачѣмъ выслалъ за мной цѣлый полкъ? Вы хотите возбудить противъ меня Зайсана за то, что я хочу креститься,—не поѣду я!“ Тогда они стали надѣвать на него обувь. Тибанъ снялъ и бросилъ обувь. Данила сказалъ: „мы тебя свяжемъ и повеземъ“. Въ это время мы лежали и смотрѣли, что будетъ. Они откуда-то достали веревку и начали Тибана связывать. Тибанъ закричалъ, говоря: „Бога ради, освободите меня отъ нихъ“. Тогда я сказалъ зятю моему и работникамъ: „выгоните ихъ нагайкой“. Зять мой Іаковъ съ работниками поднялись съ своихъ мѣстъ, а тѣ люди, подобно испуганнымъ животнымъ, разбѣжались. Нѣкоторые сѣли въ лодку, другіе побѣжали берегомъ. Послѣ ухода ихъ, мы спокойно заснули. На слѣдующій день опять отъ Зайсана пріѣхали люди: 8 женщинъ и 4 мужчины. Они сказали Тибану: „ты Тибанъ— человѣкъ полезный для общества; мы тебя хотѣли поставить вмѣсто отца твоего дюмичей; ты, кажется удаляешься отъ насъ;— теперь, если ты крестишься, то мы — не родня тебѣ; конечно,

и твое сердце станетъ для насъ другимъ". „Развѣ я умирать хочу, что удалюсь отъ васъ и измѣню расположеніе сердца моего къ вамъ? Развѣ я послѣ, крестившись, забуду васъ и улечу, какъ птица и убѣгу, какъ звѣрь, отъ васъ? Что вы плачете о мнѣ?" И женщины нѣкоторыя плакали, а нѣкоторыя бранили его, а нѣкоторыя говорили: „съ чего ты это, братъ, вздумалъ креститься? развѣ у тебя хлѣба не доставало? развѣ у тебя одежды не было? или родные тебя обидѣли? На что ты осердился, оставляешь насъ и хочешь креститься? Если ты въ чемъ нибудь нуждаешься, не скрывай, — скажи намъ: во всѣхъ нуждахъ твоихъ мы поможемъ тебѣ, вѣдь вотъ здѣсь все твои родственники; развѣ тебѣ не жаль ихъ? оставь, братъ, намѣреніе твое". Тибанъ сказалъ: „я разъ уже задумалъ: вверху — Богъ, внизу — царь и вамъ ужь меня къ себѣ не возвратить. Лучше отправляйтесь домой и ко мнѣ не пріѣзжайте". Тогда всѣ заплакали. Тибанъ, видя плачущихъ свою мать, сестру и братьевъ, не могъ удержаться и самъ заплакалъ. Послѣ этого Тибанъ сказалъ: „ну, теперь посылай бумагу къ священнику; пусть пріѣдетъ крестить насъ". На другой день я возложилъ на этихъ четырехъ кресты, которые далъ мнѣ о. Стефанъ. Чрезъ три дня пріѣхалъ ко мнѣ въ станъ Миронъ Кулашевъ изъ с. Маймпнскаго, которое недалеко отъ Улалы. Я написалъ письмо о. Стефану и послалъ его съ Кулашевымъ. Послѣ отправки письма прошло около мѣсяца; пріѣхали изъ Улалы о. Василій и о. Смарагдъ и крестили ихъ. Тибанъ нареченъ былъ Іоанномъ, а мать его Анной, сестра Евдокіей, младшій братъ Симеономъ. Кромѣ нихъ крестили еще 5 человѣкъ, а всего было 9.

Послѣ этого я съ женой своей, двумя работниками и зятемъ отправился въ Чулышманъ, на пути занимаясь торговлей и рыбной ловлей. Проплывши по озеру по направленію къ вершинѣ его, отъ Арту аша около 5 верстъ, мы ночью здѣсь остановились ловить рыбу. Когда мы хотѣли вытаскивать неводъ, то онъ задѣлъ и остановился и нисколько не подвигался. Тогда мы развели на берегу огонь, нѣсколько посидѣли, потомъ еще потянули и также не трогается. Въ посу лодки нашей была же-

лѣзпая коза, на которой раскладывался огонь. Мы развели тутъ огня, подплыли къ неводу и замѣтили, что въ глубинѣ и не видно невода, а виднѣлись только концы его. Когда мы потянули за конецъ, который былъ на виду, то не могли сдвинуть невода. Мы потеряли надежду и сѣли къ огню погрѣться. Въ это время я весьма скорбѣлъ въ душѣ и сталъ въ сердцѣ своемъ молиться Святителю Николаю. Чрезъ нѣкоторое время въ сердцѣ моемъ внезапно какъ бы возсіялъ свѣтъ. Мнѣ стало отрадно. Всѣ въ скорби сидѣли молча. Я, съ радостью поднявшись, сказалъ: „ну, ребята, вставайте: Святитель Николай поможетъ намъ; будемте тащить теперь неводъ. Трое мы потянули и неводъ свободно пошелъ. Разсмотрѣли неводъ и въ немъ не оказалось ни одной дыры. Тогда работникъ мой, по имени Степанъ, закричалъ: о Боже, Боже! Тебѣ да будетъ благодареніе! Никола-батюшка, ты намъ помогъ!“ Въ эту ночь мы больше не стали неводить, а я, не могши заснуть отъ волненія, говорилъ самъ себѣ: „на этомъ берегу озера ты поставь часовню [1]) во имя Св. Николая“. Послѣ этого мы поплыли правой сторопой озера по направленію къ р. Камыгѣ и достигли устья одной рѣчки, называемой Яйлюашъ, впадающей въ Телецкое озеро. Мѣсто здѣсь— плоскогорье, покрытое, большею частію, мелкимъ березникомъ. Я спросилъ Артуашскихъ жителей: „отчего здѣсь по Яйлю-ашу ростетъ этотъ густой и красивый березникъ?“ Они сказали: „прежде здѣсь жили Тергешцы, потомъ начали многіе изъ нихъ умирать отъ горячки. Спасаясь отъ этого, они переѣхали ниже по Телецкому озеру на Артуашъ, гдѣ и живемъ мы по обѣимъ сторонамъ Біи. Этотъ густой и красивый лѣсъ выросъ на прежнихъ пашняхъ нашихъ отцовъ“. Послѣ этого мы пріѣхали на Камгу и тамъ почевали. Она впадаетъ въ Телецкое озеро съ лѣтняго солповосхода. Лѣвая сторона ея до самой тайги [2]) покрыта лѣсомъ. Вершины тайги покрыты снѣгомъ съ сѣрокаменистыми прогалинами. На правой сторонѣ—голая высокая тайга, испещренная лишь по мѣстамъ выросшимъ на ней лѣсомъ. На

---

[1]) Что впослѣдствіи и исполнено.

[2]) Тайгой у Алтайцевъ называются голыя вершины высокихъ горъ.

этихъ горахъ, говорятъ, водится много медвѣдей, оленей, сохатыхъ, мараловъ, а въ Камгѣ,—говорятъ,—водится много рыбы и выдры, а также много и соболей. Въ лѣсу около рѣчекъ, говорятъ, много пчелъ. Мы, пробывши тамъ, на устьѣ Камги два дня, поѣхали далѣе правымъ берегомъ озера и встрѣтили недалеко отъ конца озера высокій камень, выходящій изъ воды и проѣхали на лодкѣ въ промежутокъ, образовавшійся посрединѣ этого камня. Теолёсы (мѣстные жители) называютъ его раздвоеннымъ камнемъ. Говорятъ, что въ старыя времена Монгольское войско, ѣхавшее на плоту мимо этого камня, погибло въ волнахъ во время бури на озерѣ. Мы встрѣтили на пути рѣку, падающую со скалы (водопадъ). Эта скала, съ которой она падаетъ, высока. Когда мы, проѣзжая здѣсь мимо, разговаривали, то голоса человѣка нельзя было слышать отъ шума водъ. Шумъ при паденіи воды подобенъ сильному вѣтру. Ѣдемъ мы далѣе: съ восточной стороны падаетъ въ озеро еще рѣка: по обѣимъ сторонамъ ея высокія горы и скалы. Чрезъ эту рѣку невозможно переѣхать на лошади. Названіе ея Копша; въ вершинѣ ея снѣжная тайга. Недалеко отъ устья этой рѣки мы остановились ночевать. На слѣдующій день пріѣхали къ Теолёсамъ, живущимъ при рѣчкѣ Чюлюшѣ. Тамъ мы ночевали, я купилъ 12 пудовъ орѣховъ по 15 коп. пудъ. При Чюлюшѣ находятся 12 юртъ. Пашни жителей находятся между частыми пнями. Я спросилъ: почему вы не пашете на ровныхъ мѣстахъ, а среди такихъ пней? Они отвѣтили: мы стали бы пахать и на чистыхъ мѣстахъ, но тамъ земля жесткая; мотыкой воздѣлывать ее трудно; въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы предполагаемъ воздѣлывать землю, года за три напередъ вырубаемъ густой мелкій лѣсъ. Когда этотъ валежникъ пролежитъ года три, то подъ вѣтвями его трава сгниваетъ. Сверхъ того и собирающіеся тутъ мыши-землеройки копаютъ землю и она становится мягкою. Я спросилъ также: въ этихъ мѣстахъ выпадаетъ ли глубокій снѣгъ? Они отвѣтили: въ этомъ мѣстѣ, начиная отъ средины горъ къ низу снѣгъ не выпадаетъ, а если какой годъ и выпадаетъ, то не бываетъ глубокъ, а тотъ снѣгъ, который выпадаетъ по берегамъ рѣчекъ, снѣдаетъ вѣтеръ, поэтому у насъ здѣсь стоятъ на зимовкѣ овцы и козы.

Ѣдемъ далѣе. Показались устья Чулышмана, впадающаго въ озеро. Намѣреваясь доѣхать туда, чтобы ночевать, мы стали грести поскорѣе, но, прежде чѣмъ мы успѣли доѣхать, настала ночь и стало темно. Въ устьяхъ Чулышмана въ двухъ мѣстахъ показался огонь; намъ хотѣлось доѣхать туда и мы поплыли ночью. Когда мы стали приближаться къ тому мѣсту, гдѣ виденъ былъ огонь, то лодка наша остановилась на мели, недоплывши до берега. Мы поворотили назадъ на глубину озера и стали искать русло Чулышмана, гдѣ онъ впадаетъ въ озеро; между тѣмъ озеро сильно стало волноваться отъ поднявшагося вѣтра и мы, плывя около мели, едва нашли русло Чулышмана. Весьма обрадовались мы и благодарили Бога. Поднявшись немного вверхъ по самому Чулышману, мы вышли на ту сторону берега, гдѣ виденъ былъ огонь. У огня никого не было, но дровъ собрано много. Люди, услышавши наши голоса, убѣжали. Въ этомъ мѣстѣ я острогой закололъ двухъ тайменей. Одного изъ нихъ сварили и съѣли. На слѣдующій день, когда мы поднимались на шестахъ вверхъ по Чулышману, то встрѣтили на островѣ двѣ рѣшетчатыя (кирэгэ) юрты. Намѣреваясь побывать въ этихъ юртахъ для торговли, мы расположились на дресвѣ, недалеко отъ нихъ, и сварили чай. Изъ юрты подошли къ намъ два человѣка старикъ и старуха. Поздоровавшись съ нами, спросили: какой у насъ товаръ? Я отвѣтилъ: *даба*, полотно, а также есть и соль. Они сказали: берите товаръ и заходите къ намъ въ юрту; и мы принесли товаръ въ юрту, а старикъ принесъ войлока на двѣ одежды и положилъ это возлѣ насъ. Положивши это возлѣ насъ, онъ изъ моего товара взялъ двѣ лощанки [1]) и положилъ въ передней сторонѣ юрты. Я, не зная ихъ обычаевъ, спросилъ у него: сколько вы даете за эти два куска полотна? Они сказали: ты, вѣроятно, еще не торговалъ въ этихъ мѣстахъ и не знаешь торговыхъ обычаевъ здѣшнихъ жителей. За эти два куска лощанки я отдалъ тотъ войлокъ, который положилъ возлѣ тебя. У нашихъ жителей таковъ обычай, что, когда начинаютъ торговать, то дѣлаютъ это молча и не спрашиваютъ о цѣнѣ, но про

[1]) Синее лощеное полотно.

себя оцѣниваютъ товаръ и обмѣниваются. И я про себя сдѣлалъ оцѣнку и разсчиталъ, что полученное мною отъ него не будетъ невыгодно, но даже копѣйки на двѣ будетъ пользы.

Возвратившись въ свой станъ, сѣли въ лодки и опять стали подниматься на шестахъ вверхъ по Чулышману. Когда отъѣхали мы отъ устьевъ Чулышмана верстъ семь, встрѣтили тамъ пять юртъ и вышли на песчаный берегъ вблизи этихъ юртъ, заходили въ эти юрты и торговали тамъ, по ихъ обычаю. За одну овчину мы отдали около фунта соли; за маралью кожу двѣ руки (мѣра) лощанки. Производя, такимъ образомъ, торговлю мы зашли въ юрту одного Теолёса. Здѣсь находились два (камскихъ) бубна и сидѣли двѣ женщины и одинъ мущина. Поздоровавшись и поговоривши кое о чемъ, я спросилъ: здѣсь въ юртѣ, кажется, двѣ женщины: отчего же дѣтей нѣтъ? Одинъ здѣсь мущина, для чего же здѣсь два бубна? Мущина отвѣтилъ: я взялъ двѣ жены, но дѣтей не имѣю; не знаю, то ли Богъ не даетъ, то ли самъ я безплоденъ. Мы съ старшей женой оба камы и сдѣлали для себя два бубна; хотя и камлаемъ усиленно, но пользы намъ нѣтъ. Тогда я спросилъ: какого бога вы призываете во время камланья? Они отвѣтили: когда камлаемъ, призываемъ и семь горъ, землю и воды, и отца всѣхъ, богатаго Ульгеня, а также Ерлика. Тогда я разсказалъ имъ все, начиная отъ созданія неба и земли до послѣдняго вѣка. Они внимательно слушали разсказъ о святой вѣрѣ.

Въ этомъ станѣ мы прожили шесть дней. Когда мы дѣлали лодку, то женщина-камъ каждый день приходила къ нашему стану, спрашивала и со вниманіемъ слушала о Богѣ и о вѣрѣ христіанской. Я разсказывалъ ей всякій разъ, какъ она приходила. Если бы тогда былъ здѣсь священникъ, то они, кажется, готовы были бы креститься. Женщина эта говорила мнѣ: вы крестите кого-нибудь? Я отвѣтилъ: крестятъ только священники. Имя этой женщины было Той-чипъ, а мужа ея звали Кучипекъ. Эта Тойчинъ послѣ крестилась и ея имя было Наталія. Сдѣлавши лодку, опять стали на шестахъ подниматься по Чулышману; пріѣхали къ устью рѣчки, называемой Каэрылыкъ и тамъ почевали. На слѣдующій день производили торговлю съ тамош-

ними Теолёсами; еще почевали и на слѣдующій день у одного Теолёса, по имени Ырынъ, выпросили двѣ лошади, отправились вмѣстѣ съ женой на устье Башкоуса, впадающаго въ Чулышманъ, чтобы тамъ поторговать. Пріѣзжаемъ туда, стоятъ около тридцати рѣшетчатыхъ юртъ. Здѣсь мы продали весь остальной товаръ.

Теперь разскажу, гдѣ Теолесы сохраняютъ свое имущество. Имущество ихъ находится въ пещерахъ скалъ вдали, гдѣ никто не бываетъ. Если они хотятъ съ тобой производить торговлю, то говорятъ: если вы хотите торговать, какъ слѣдуетъ, то пріѣзжайте черезъ два дня, а я приготовлю вамъ, что есть получше изъ моего имущества. Когда же спрашиваютъ у нихъ, откуда же придутъ ваши товары, то они отвѣчаютъ: нашъ народъ имущество свое дома не хранитъ, но кладетъ въ горныхъ пещерахъ, закрывая камнями; что похуже, оставляютъ дома. Когда я спросилъ: зачѣмъ же вы прячете имущество далеко въ пещерахъ, они отвѣчали: таковъ обычай нашихъ предковъ, ибо въ старыя времена, когда бывали войны, всѣ жители прятали свое имущество въ пещеры и закрывали камнями. Теперь и мы также скрываемъ наше имущество.

У Чулышманскихъ Теолесовъ богатые люди имѣютъ по двѣ жены; старшая жена сидитъ дома и распоряжается слугами, а младшая на дворѣ управляетъ скотомъ, а также заботится объ изготовленіи дровъ, варитъ пищу. Старшая жена сидитъ впереди, а младшая здѣсь не сидитъ.

По обѣимъ сторонамъ Чулышмана и Башкоуса тянутся высокія скалистыя горы: путь по берегу этихъ рѣкъ—каменистый и имѣетъ много бомбовъ (горныя карнизы съ узкой дорожкой). Въ этихъ горахъ водятся слѣдующіе звѣри: дикая коза, маралъ, лось, козель (антилопа), медвѣдь, кабарга, рысь, волкъ, олень, россомаха, барсукъ, сурокъ, бурундукъ, заяцъ, сѣноставь, землеройка, мыши, бѣлка, солонокъ, суслякъ, горностай, хорекъ, соболь, летяга, выдра, водяная мышь, лисица. Въ р. Чулышманѣ водятся рыбы: таймень, щука, хайрюзъ, кускучъ, налимъ, а въ озерахъ, въ вершинѣ Чулышмана, рыбы: асманъ и хайрюзъ. Въ Башкоусѣ водится хайрюзъ, а въ озерахъ у вершины рѣки: асманъ и хайрюзъ. Кромѣ этихъ, другой рыбы тамъ нѣтъ. Въ

Телецкомъ озерѣ водятся: таймень, щука, кускучъ, палимъ, сельдь, крупная (сѣроватая) сельдь, окунь, чебакъ, стерлядь, одоръ (мелкая рыбка). Кромѣ этой другой рыбы здѣсь нѣтъ.

Разложивши на три лодки купленныя нами вещи, мы спустились къ низовьямъ Чулышмана и остановились на ночлегъ на берегу озера. Отправившись оттуда, ночевали у устья рѣки Аю-кечпесь (Медвѣдь не переплыветъ). Тамъ пробыли одинъ день и прибыли къ тому мѣсту, гдѣ неводили. На слѣдующій день отправились внизъ по Біѣ. По пути останавливались въ одномъ мѣстѣ и неводили рыбу.

Неводъ у насъ задѣлъ за лѣсину, бывшую на днѣ рѣки, и я, не могши его отдѣть, весьма скорбѣлъ. Поэтому, привязавши веревки невода къ дереву, стоявшему на берегу рѣки, сами стали варить и пить чай. Въ это время я вспомнилъ о томъ, какъ у насъ задѣвалъ неводъ на озерѣ и какъ помогъ намъ Святитель Николай. Поэтому, я въ надеждѣ, что Св. Николай поможетъ и теперь, сталъ про себя молиться. На душѣ у меня стало свѣтло; я возрадовался, всталъ и говорю зятю своему Іакову: зачѣмъ же мы скорбимъ? Тотъ, кто помогъ намъ на озерѣ освободить задѣвшій неводъ, онъ же поможетъ намъ и теперь. Іаковъ сказалъ: правда, почто же мы забыли Св. Николая? Сказавши это, онъ вмѣстѣ съ Степаномъ сѣлъ въ лодку, поплылъ, подплылъ къ неводу, и когда потянули, то неводъ тотчасъ всплылъ кверху; тутъ мы увидѣли, что дерево, за которое задѣлъ неводъ—была пихта съ тремя сучьями. Всѣ эти три сука переломились такъ, какъ будто они перерѣзаны были пилой. Самый большой изъ нихъ имѣлъ толщины около $3^1/_2$ вершковъ. Мы смотримъ, не гнилые ли они, нѣтъ,—крѣпки. Тогда работникъ Степанъ сказалъ: здѣсь одного сука не переломятъ пять человѣкъ; это Богъ перерѣзалъ пилой". Сказавши это, сталъ благодарить Бога. Съ того времени и доселѣ я помню это и далъ обѣщаніе поставить на берегу озера въ честь Св. Николая молитвенный домъ.

Поплыли дальше внизъ и, доѣхавши до того мѣста, гдѣ прежде нашли дикихъ пчелъ, — здѣсь ночевали. На слѣдующій день прибыли въ Кебезень.

Дѣти мои! Разскажу Вамъ про жизнь Черневыхъ людей, какъ я видѣлъ ихъ въ молодости моей, а Вы посмотрите, каковы они стали въ ваши времена и тогда скажете, что прежняя жизнь ихъ была не такова, какъ теперь. Прежде они были дики, ничего не знали. Есть пословица старыхъ людей: *„озо чыккан кулактан сон чыккан мюусь узаир“*. то есть: Рога, которые ростутъ позднѣе, длиннѣе ушей, которыя выростаютъ раньше. Это изреченіе истинно и оно непремѣнно такъ сбудется. Черневой народъ составляетъ четыре волости (зайсанства): Тиргешскую. Кузенскую, Юсскую, Комдошскую. Всѣ они живутъ въ черни. Пищу ихъ составляетъ: ячмень, пшеница и ярица; пшеницы и ярицы сѣютъ мало. Ячмень высушиваютъ и толкутъ въ ступѣ, чтобы освободить отъ мякины, которую провѣиваютъ вѣялкой, мелютъ на ручномъ каменномъ жерновѣ и дѣлаютъ толокно, разводятъ его въ водѣ, въ молокѣ и пьютъ. Пьютъ толокно также и съ чаемъ. Пшеницу и ярицу также высушиваютъ, трутъ на басмакѣ (ручной каменный жерновъ), дѣлаютъ муку, которую разводятъ въ водѣ, мѣсятъ въ лепешки и варятъ въ горшкѣ, который ставятъ въ горячую золу, и потомъ ѣдятъ. Лѣтомъ доятъ коровъ, молоко кипятятъ, потомъ ставятъ въ котлѣ, пока остынетъ. На слѣдующій день снимаютъ сливки, — сливаютъ это въ мѣхъ, сшитый изъ коровьей кожи. Когда устоится и начнетъ киснуть, то взбалтываютъ его мѣшалкой. Послѣ этого на верхъ поднимаются масляпистыя части. Ихъ снимаютъ рукой и дѣлаютъ изъ нихъ лепешки, а скисшее молоко сливаютъ въ котелъ, закрываютъ деревянной крышкой, скважины замазываютъ глиной. У крышки на верху находится отверстіе; въ это отверстіе вкладывается одинъ конецъ трубы [1]), щели замазываются глиной, а другой конецъ трубы вставляется въ устье кувшина. Послѣ этого подъ котелъ кладутся дрова. Вскисшее молоко начинаетъ бурлить и кипѣть и черезъ трубу стекать въ кувшинъ. И такъ выходитъ вино. Его постоянно пробуютъ таткугуромъ [2]). Если натечетъ много вина, то оно бываетъ слабо. Послѣ этого снимается съ котла крышка, творогъ сливается; сливши творогъ въ хол-

[1]) Деревянной, дугообразной.

[2]) Палка, на концѣ которой утверждается кружокъ изъ бересты

щевый мѣшокъ, привязываютъ его на палку и вѣсятъ. Сыворотка къ утру вся стекаетъ, мѣшокъ потомъ снимаютъ, творогъ изъ него высыпаютъ на кожу, разбиваютъ волосяной щеткой, сушатъ и дѣлаютъ сырчики (аарчи), а сдѣланныя изъ маслянистыхъ частей лепешки называются „курутъ". Этотъ курутъ нанизываютъ на нитки и подвѣшиваютъ. Когда отправляются на промыслъ, то приготовляютъ изъ этого для себя „азыкъ" (запасъ). Аарчи—(дорожныя лепешки) кладутъ въ высушенный скотскій пузырь, вливаютъ туда масла, потомъ замораживаютъ и сберегютъ это также на запасъ. Когда на зимній запасъ колютъ скотину, то, очистивши скотскій пузырь, кладутъ въ него мелко искрошенное мясо, взятое отъ всѣхъ частей зарѣзанной скотины, и замораживаютъ. Зимой, когда захотятъ ѣсть мяса, отъ этого пузыря отрубаютъ часть топоромъ, кладутъ это въ супъ съ крупой и варятъ. Когда варятъ мясо, то его не довариваютъ и ѣдятъ сыроватое, а супъ, когда сварится, снимаютъ съ огня и, не закрывая, остужаютъ его. Когда онъ остынетъ и изъ котла начинаютъ локать собаки, ихъ бьютъ и отгоняютъ; потомъ изъ этого же котла наливаютъ и сами ѣдятъ. Когда спрашиваютъ у нихъ: зачѣмъ вы ѣдите то, что уже ѣли собаки? то они отвѣчаютъ: собачья морда чистая, только шерсть поганая. При принятіи пищи, они рукъ не моютъ; кровь животныхъ ѣдятъ сваренною. Иногда наливаютъ кровь въ скотскую кишку и, связавши оба конца, пекутъ и ѣдятъ. Когда хотятъ пить вино, то обмакиваютъ въ него пальцы и брызгаютъ въ переднюю сторону и къ дверямъ юрты и потомъ пьютъ. Когда спрашиваютъ у нихъ: для чего вы кропите виномъ, то они отвѣчаютъ: мы напередъ приносимъ богамъ нашимъ кропленіе, а потомъ сами пьемъ. Когда бываютъ въ полѣ, то предъ принятіемъ пищи также дѣлаютъ кропленіе горамъ и водамъ. Когда спрашиваютъ у нихъ: *для чего вы это дѣлаете?*,—они отвѣчаютъ: мы дѣлаемъ кропленіе хозяину земли и воды.

Одежды ихъ, большею частію, войлочныя. Войлокъ пріобрѣтаютъ они изъ Алтая, Чулышмана и Кемчика. Обувь ихъ изготовляется: головки изъ самодѣланной кожи, а голенища изъ холста. Они, хотя и имѣютъ обувь изъ булгайры (юфти), но

надѣваютъ ее только тогда, когда отправляются въ гости. Когда же отправляются на промыслы, то надѣваютъ обувь съ холщевыми голенищами, обвивая ноги потничной травой (ойонгот). Когда она отсырѣетъ, то высушиваютъ ее предъ огнемъ. Большую часть домашнихъ работъ у нихъ исполняютъ женщины. Даже когда женщины бываютъ и беременны, и тогда они носятъ дрова на себѣ. Нѣкоторыя же подвозятъ ихъ лошадью. Для этого они привязываютъ дерево на веревку; одинъ конецъ ея обматываютъ за переднюю луку сѣдла и волокомъ подтаскиваютъ лѣсину. Саней и телегъ дѣлать они не умѣютъ. Зимой собираютъ дрова на лыжахъ. На промыслы ходятъ также на лыжахъ. Чашекъ никогда они не моютъ. Когда спрашиваютъ ихъ, почему вы не моете чашекъ, они отвѣчаютъ: у насъ нѣтъ обычая отмывать счастье, какое даетъ Богъ. Наши люди говорятъ, что кто моетъ чашки, у того скотъ бываетъ неблагополученъ. Если вымыть въ рѣчной водѣ посуду, въ которой было молоко, то, говорятъ они, у скота не будетъ счастья (т. е. не будетъ удою въ молокѣ). На ущербѣ мѣсяца чужимъ людямъ молока не даютъ, а нѣкоторые не даютъ и въ повомѣсячіе. Но кто хочетъ пить у нихъ въ юртѣ, тому даютъ. „Такъ не уйдетъ изъ юрты чистота“ —говорятъ они. Нѣкоторые не даютъ огня въ чужія юрты. Если въ 5-й день новолунія кипятятъ или варятъ молоко на огнѣ, отъ котораго нужно дать другимъ, то они не даютъ молоку кипѣть черезъ край, потому что, говорятъ они, если молоко прольется на огонь, то скотина потеряетъ свое молоко. Нѣкоторые не продаютъ скота на ущербѣ мѣсяца, а во время полнаго ущерба луны ничего чужимъ не даютъ. Если въ это время отдать скотину, думаютъ они, то вмѣстѣ съ нею уйдетъ и счастье въ скотѣ (плодовитость скота). Когда хотятъ кому-либо дать что-нибудь и въ это время кто-нибудь позоветъ съ лѣвой стороны, то не станутъ давать. „Счастья-де не будетъ“. Когда кто-нибудь умретъ, то въ этотъ день никому ничего не даютъ.

Когда я ѣхалъ обратно отъ Телецкаго озера въ Улалу и мы переѣзжали черезъ высокій перевалъ, то съ нами были и черневые люди. На вершинѣ этого перевала были складены въ кучу (обого) древесныя вѣтви. Сказанные инородцы сошли съ

лошадей, привязали на кучи ленточки, а другіе—волосы, выдернутые отъ лошадей; нѣкоторые же бросили на верхъ кучи древесные сучья. Послѣ этого они поклонились кучѣ. Увидѣвши, что они дѣлали, я спросилъ: для чего вы, сдѣлавши привязки къ древеснымъ вѣтвямъ, сложеннымъ въ эту кучу, поклонились ей? Они отвѣтили: кто ничего не положитъ на кучу или не поклонится ей, тому худо будетъ или самому или его лошади; мы кланяемся хозяину этой горы. Я спросилъ: какъ же зовутъ хозяина ея? Они отвѣтили: „должно быть, хозяинъ ея есть хозяинъ земли и воды“; а нѣкоторые сказали: про это знаютъ побольше—камы. Послѣ этого я, во время пути, разсказалъ имъ объ истинномъ Богѣ, сотворившемъ все—и небо и землю. Они ѣхали вокругъ меня до самой Салаганды (селеніе). Оставивши ихъ, я пріѣхалъ оттуда въ Карасукъ. Тамъ, недалеко отъ дороги, на чистомъ мѣстѣ собралось много народу. Я, увидѣвши ихъ, подъѣхалъ къ нимъ и увидѣлъ, что среди ихъ стоитъ молодая кобылица. Одинъ человѣкъ держитъ ее за поводъ, а другіе привязываютъ къ четыремъ ногамъ четыре веревки. Я сошелъ съ лошади и сталъ смотрѣть. Въ это время четверо стали растягивать въ разныя стороны четырьмя веревками ноги кобылицы. Кобылица упала внизъ на брюхо: тогда люди положили на хребетъ ея большую жердь, на концы жерди сѣло много людей. Носъ и ротъ кобылицы обмотали веревкой и стали завертывать клячемъ. Кобылица стала задыхаться, перестала дышать, животъ вздулся. Я смотрѣлъ, пока она издохла; потомъ сказалъ: зачѣмъ вы убиваете животное такой мучительной смертью? Они сказали: такъ приносятъ жертву отцу всѣхъ, Ульгеню; иначе жертва не будетъ пріятна. Я сказалъ: истинный Богъ такого закона не давалъ. Богъ создалъ для человѣка лошадь, чтобы онъ ѣздилъ на ней и чрезъ нее исполнялъ свои работы, для того, чтобы люди за это благодарили Его. Вамъ бы слѣдовало благодарить Творца-Бога за таковыя благодѣянія Его, а вы какъ бы злословите Бога, оскорбляете Его, мучительно убивая животное, которое Онъ далъ вамъ. Птицѣ Богъ далъ крылья и птица, летая, бережетъ свои крылья, не выдергиваетъ изъ нихъ перья; когда загрязнятся, моетъ ихъ въ водѣ; а лошади, которыхъ даетъ Богъ,

не крылья ли человѣка? Ужели у васъ не достало разума настолько, насколько имѣетъ его птица? Они отвѣтили: намъ дано такое повелѣніе отъ Бога. „Если такъ опредѣлилъ Богъ, то покажите мнѣ ваши книги, я посмотрю". Они молчали. Ночевалъ я на берегу рѣчки, недалеко отъ нихъ. На слѣдующее утро — смотрю,—кожу кобылицы съ копытами и съ головой они сняли цѣликомъ, и цѣликомъ же повѣсили на длинный шестъ по направленію къ востоку; въ ротъ засунули сѣна; ноги съ копытами висѣли, опустившись внизъ. Увидѣвши это, я пошелъ на то мѣсто, гдѣ происходило камланье, и сказалъ: сегодня вы еще болѣе насмѣялись надъ Богомъ, чѣмъ вчера. „Какъ такъ?" — сказали они. Я отвѣтилъ: вы какъ бы такъ говорите Богу: вотъ лошадь, которую ты намъ далъ; мы распяли ее, задушили ее, убили, содрали кожу съ нея; теперь, чтобы выразить всю нашу злобу, мы повѣсили кожу ея на дерево, заткнули ротъ ея сѣномъ; теперь смотри, — не такъ ли вы поступаете съ Богомъ. Богъ придетъ въ послѣдній вѣкъ съ небесъ отъ востока солнца на землю судить живыхъ и мертвыхъ. Какой же вы тогда дадите отвѣтъ Богу? Они отвѣтили: „таковъ у насъ обычай" и разошлись по юртамъ, а я отправился и въ полдень пріѣхалъ въ Улалу.

Послѣ этого я въ продолженіи трехъ лѣтъ ѣздилъ торговать въ тѣ мѣста (въ Чулышманъ и въ чернь). Возвращаясь оттуда, дома исправлялъ свои дѣла. Прежде, когда я служилъ толмачемъ у отца Степана, я отдалъ всѣхъ моихъ дочерей учиться грамотѣ монахинѣ Евдокіи. Получивши благословеніе отъ о. Степана и наше, съ Божіимъ благословеніемъ они стали учиться. Улалинцы же осмѣивали насъ, говоря: Чевалковъ отдалъ дочерей своихъ учиться, чтобы сдѣлать ихъ писарями; теперь онѣ будутъ писарями и въ Быстрянской волости, и въ Коншинской— говорили они, насмѣхаясь; а особенно богатые сильно осмѣивали насъ. Нѣкоторые говорили: какая польза для женщины учиться грамотѣ? А другіе: нѣтъ и такого обычая, чтобы женщины учились грамотѣ. Иные же говорили: ты дѣтей своихъ не учишь рукодѣльямъ,—кто ихъ возьметъ? Когда жена моя говорила мнѣ объ этомъ, смущаемая разными толками, то я возражалъ ей: и женщины, и мущины — всѣ Божіе созданіе; всѣмъ нужно знать

законъ Божій; если мы оставимъ свое намѣреніе, боясь людскихъ насмѣшекъ, то надъ нами діаволъ будетъ смѣяться. Они не дурному чему учатся; зачѣмъ ты обижаешься? Тѣ, которые смѣются, будутъ плакать. Когда я ей разсказалъ о томъ, что Богъ не оставляетъ тѣхъ, кто учится доброму, то жена моя сказала мнѣ: монахиня говорила мнѣ, что наши дѣти учатся успѣшно; я этому радуюсь. Въ это время, когда о. Степанъ и матушка Евдокія стали въ народѣ хвалить нашихъ дочерей, то и прочіе стали отдавать своихъ дѣвочекъ учиться. Вслѣдствіе этого и тѣ, кто смѣялся, также стали отдавать своихъ дѣтей учиться. Изъ Уралинскихъ прежде всѣхъ грамотѣ стали учиться наши дочери. Когда онѣ кончили ученье, я сталъ ихъ учить пѣть изъ „Лепты“. Каждый день вечеромъ я училъ ихъ пѣть, выходя съ ними на улицу и садясь на крыльцѣ. Сестры мои, слыша это, приходили и пѣли вмѣстѣ съ дѣтьми моими. Тогда я сказалъ имъ: если въ какой вечеръ я буду учить пѣть дѣтей изъ Лепты и буду подпѣвать на кларнетѣ, тогда вы, слыша звукъ кларнета, приходите къ намъ пѣть. Онѣ такъ и дѣлали, какъ я сказалъ. Поэтому, онѣ, какъ только услышатъ звукъ кларнета, стали приходить ко мнѣ учиться. Въ одинъ день, когда я училъ пѣть изъ Лепты сестеръ и дѣтей моихъ, проходившій мимо насъ Павелъ Тюдюнековъ сказалъ: отецъ что ли умеръ у васъ или мать умерла, что вы каждый день по вечерамъ воете? И слушать-то не хорошо“. Я сказалъ ему: если тебѣ слушать не нравится, то ты здѣсь въ нашемъ мѣстѣ и не живи, а живи въ своемъ Алтаѣ. Мы въ своемъ мѣстѣ пѣніемъ хвалимъ Бога. Онъ ушелъ съ ропотомъ. Впослѣдствіи этого Павла Тюдюнекова Алтайцы убили; ибо онъ былъ богатый человѣкъ.

Когда я, такимъ образомъ, училъ по вечерамъ пѣть, то и народъ, по окончаніи работъ своихъ, сталъ приходить ко мнѣ. Я имъ разсказывалъ житія святыхъ; не знавшимъ русскаго языка говорилъ по-Алтайски. Въ это время въ нашу миссію пріѣхалъ студентъ. Я въ субботу вечеромъ пошелъ въ церковь молиться. Тамъ увидѣлъ я его, читающаго въ церкви, и спросилъ у бывшихъ тутъ, какъ зовутъ этого чтеца? Михаиломъ Андреевичемъ — отвѣтили они. Я подумалъ про себя: я съ нимъ познакомлюсь;

можетъ быть, онъ мнѣ поможетъ. Послѣ этого я долго не могъ съ нимъ увидѣться. Однажды, когда, возвратившись съ работъ вечеромъ и, собравши поющихъ, я пѣлъ съ ними, Михаилъ Андреевичъ проходилъ мимо насъ, прислушиваясь къ пѣнію. Такъ онъ прошелъ взадъ и впередъ нѣсколько разъ. Я, видя его каждый день, подумалъ: этотъ чтецъ, должно быть, любитъ пѣть. Еще однажды вечеромъ, когда мы собрались пѣть, сказанный чтецъ потихоньку проходилъ мимо насъ. Я его пригласилъ: Михаилъ Андреевичъ! идите сюда! Онъ какъ будто обрадовался, подошелъ и поздоровался. Я сказалъ: вы съ нами попойте. И онъ сталъ пѣть съ нами. Пѣли около часа. Послѣ этого, напившись чаю, всѣ разошлись по домамъ. Я сказалъ: Михаилъ Андреевичъ! приходите къ намъ, когда услышите пѣніе. Онъ далъ обѣщаніе, простился и ушелъ. Послѣ этого, когда мы собирались на крыльцѣ нашего дома пѣть, Михаилъ Андреевичъ приходилъ и пѣлъ. По окончаніи пѣнія, читалъ намъ изъ Св. Писанія. Чрезъ нѣкоторое время онъ сказалъ: поющихъ изъ Лепты намъ надобно научить пѣть церковныя пѣсни. Я про себя порадовался этому и сказалъ: мнѣ и самому хотѣлось бы учить дѣтей моихъ, но я хорошенько не умѣлъ пѣть, вы, Мих. Андр.. — поучите ихъ. Онъ сказалъ: хорошо, въ свободное время я буду учить. Послѣ этого, онъ въ свободные дни сталъ приходить къ намъ и учить церковному пѣнію. Дѣти мои научились скоро, а съ ними научились и сестры мои. Я радовался этому. Съ этого времени Мих. Андр. сталъ любезнымъ для меня, знакомымъ и товарищемъ. До прибытія его въ миссію я весьма скорбѣлъ и думалъ: вотъ, если бы въ нашу миссію пріѣхалъ какой-нибудь псаломщикъ. Здѣсь, хотя псаломщики и есть, но они лѣнятся учить людей пѣнію. Поэтому народъ въ Церкви не поетъ. Новокрещенные русскаго языка вполнѣ не знаютъ, въ Церкви всѣ молитвы совершаются по-русски; поэтому, новокрещенные, стоя въ церкви, дремлютъ и лѣнятся ходить въ церковь. Вотъ, еслибы были священныя книги на Алтайскомъ языкѣ. Эта моя скорбь была какъ бы моей молитвой предъ Богомъ. Я слышалъ много разъ, какъ учившіеся пѣть дѣти и сестры мои говорили: этого Михаила Андреевича какъ будто Богъ намъ прислалъ. Я, слыша

эти рѣчи, весьма радовался и, думая про себя, говорилъ: Дѣти мои, какъ видно, весьма желаютъ учиться. Михаилъ Андреевичъ усердно продолжалъ обучать пѣнію. Дѣти мои, такимъ образомъ, научились хорошо пѣть церковное пѣніе. Тогда Михаилъ Андреевичъ сказалъ: теперь они могутъ пѣть въ церкви. Я попрошу на это благословеніе о. Степана, чтобы онъ благословилъ ихъ пѣть. Я сказалъ: прилично ли женщинамъ пѣть въ церкви? Михаилъ Андреевичъ сказалъ: Бога должны прославлять пѣніемъ всѣ—и мущины, и женщины. Послѣ этого о. Степанъ, призвавши дѣтей и сестеръ моихъ къ себѣ, далъ имъ благословеніе пѣть въ церкви. И они съ тѣхъ поръ стали пѣть. Отцы и матери, смѣявшіеся прежде надъ нами, теперь какъ бы стали стыдиться, что ихъ дѣти ничего не знаютъ и съ тѣхъ поръ стали отдавать ихъ учиться. Къ тѣмъ, которые сами не отдавали дѣтей, я приходилъ и разсказывалъ имъ, что нужно, и, такимъ образомъ, убѣждалъ ихъ отдавать дѣтей учиться грамотѣ. Нѣкоторые дѣти, встрѣчаясь со мною, говорили: „намъ хочется учиться, да родители не отпускаютъ. Ты попроси у нихъ за насъ; и я ходилъ и выпрашивалъ ихъ у родителей, чтобы отпустили учиться грамотѣ. Въ это время увеличилось и число учащихся, и изучаемое. Учившій пѣнію Михаилъ Андреевичъ въ то время жилъ въ училищѣ. Когда я приходилъ къ нему, онъ угощалъ меня чаемъ. Я посмотрѣлъ, что онъ ѣстъ: одни картошки,—больше ничего. Жаль мнѣ его стало, я сталъ его приглашать къ себѣ и угощать. Такимъ образомъ, мы въ это время стали переводить изъ Священныхъ книгъ на Алтайскій языкъ и съ этого времени онъ сталъ изучать Алтайскій языкъ. Около двухъ лѣтъ онъ не могъ научиться, но потомъ вдругъ сталъ понимать языкъ. Я удивился этому и сказалъ: вы не могли научиться Алтайскому языку, а теперь, кажется, вдругъ научились ему! Михаилъ Андреевичъ отвѣтилъ: „мнѣ Матерь Божія помогла“.—Съ того времени мы стали учить другихъ пѣнію (по Алтайски). Михаилъ Андреевичъ начиналъ пѣніемъ, а потомъ читалъ житія святыхъ, потомъ опять пѣлъ. Такимъ образомъ, люди во множествѣ стали собираться каждый день, особенно же въ праздничные дни собиралось полное училище. До этого новокрещенные не знали ни ученья о

Богъ, ни житія святыхъ. Михаилъ Андреевичъ училъ усердно и новокрещенные, дотолѣ спавшіе, какъ бы пробудились. Послѣ такого усерднаго ученья, Михаилъ Андреевичъ вскорѣ сталъ монахомъ-священникомъ. Имя его „Макарій". Онъ сталъ усерднѣе прежняго учить. Мы съ нимъ двое перевели многое изъ священныхъ книгъ. Чрезъ нѣкоторое время перевели литургію. Я, въ теченіи болѣе двухъ лѣтъ, занимался съ нимъ переводами безъ всякой платы.

Большую часть года я занимался торговлей и работой. Въ одинъ день, когда я возвратился оттуда, гдѣ я торговалъ, пріѣхалъ въ Улалу архіерей и остановился въ домѣ о. Степана; меня позвали туда, показали архіерею; я, принявши отъ него благословеніе, пошелъ—было назадъ, но архіерей сказалъ: ты, Чевалковъ, почему не служишь въ миссіи толмачемъ? Я сказалъ: платы, которую я получалъ за служеніе, не доставало на хлѣбъ и одежду намъ двоимъ съ тремя дѣтьми. Онъ спросилъ: сколько ты получалъ платы? Я сказалъ: 50 рублей. Тогда онъ сказалъ о. Степану: конечно, пятьдесятъ рублей мало, — надо прибавить ему; и спросилъ меня: если прибавить еще семьдесятъ рублей, довольно ли будетъ? Я отвѣтилъ: одинъ годъ послужу толмачемъ. Архіерей благословилъ меня. Съ того времени я сталъ служить толмачемъ. Съ упомянутымъ выше іеромонахомъ Макаріемъ я, по званію толмача, переводилъ священныя книги. Послѣ этого мои дѣти стали мнѣ говорить: мы замужъ не пойдемъ, до смерти будемъ служить Богу. Если бы гдѣ былъ монастырь, мы стали бы тамъ жить. О таковомъ желаніи заявляли вмѣстѣ съ ними и другія; всего было 11 дѣвицъ. Всѣ онѣ были грамотныя. Я говорилъ имъ: вы, не видавши монастыря, вѣроятно, думаете, что тамъ жить легко; наперед испытайте себя; можете ли перенести или нѣтъ? Онѣ говорили: Матерь Божія поможетъ намъ. За среднюю мою дочь сталъ свататься у меня сынъ одного богатаго человѣка изъ Бачата, по имени Александръ. Я сказалъ дочери: за тебя сватается сынъ богатаго человѣка; выдать ли тебя? Она отвѣтила: не пойду, какой бы богатый человѣкъ ни сваталъ. Я когда-нибудь пойду въ монастырь и тамъ буду жить до смерти. Я не рѣшился отдавать ее силою.

Послѣ этого я сталъ говорить о. Макарію объ этомъ желаніи дѣвицъ, много разъ высказываемомъ ими. О. Макарій сказалъ: пусть они напередъ испытаютъ себя и молятся Богу. Послѣ этого о. Макарій научилъ ихъ читать каждый день утреннее и вечернее правило и указывалъ имъ, какъ нужно жить, чтобы Богу угодить. Послѣ этого они собирались для молитвы у меня въ домѣ и, совершивши правило, расходились по домамъ. Съ каждымъ днемъ у нихъ усиливалось желаніе молиться Богу. Такъ какъ у меня была одна комната, то это меня стѣсняло. Вслѣдствіе этого я купилъ для нихъ особую избу и перевезъ ее на устье Улалы, при впаденіи ея въ Майму, для того, чтобы тамъ удобно было завести имъ и огородъ. За годъ до постановки этой избы къ намъ въ Улалу привезли икону Божіей Матери Мальковъ и Суслоновъ. Они поставили эту икону въ церкви и, зашедши къ о. Степану, пили чай и говорили: мы эту икону Божіей Матери везли въ Макарьевское село и пріѣхали сюда повидаться съ вами. О. Степанъ сказалъ: развѣ вы ее туда везете? Мальковъ сказалъ: „мы и сами не знаемъ, въ Томскѣ Домна Карповна [1]) сказала намъ: эту икону Божіей Матери увези въ Мію на Алтаѣ. Она будетъ тамъ для нихъ Матерью-Владычицей. Мія не значитъ ли миссія? говорили они. Вотъ для этого мы и пріѣхали сюда; а также думаемъ: не значитъ ли это Макарьевское село, которое находится недалеко отъ Біи? О. Степанъ сказалъ: пойдемте въ церковь и помолимся Божіей Матери; положимъ два жребія на два мѣста, а послѣ молитвы посмотримъ жребій и узнаемъ, въ какомъ мѣстѣ оставить икону Божіей Матери. И такъ они написали жеребьи на два мѣста и положили ихъ къ иконѣ Божіей Матери. Послѣ этого вынули жеребій и вышло на Улалинскую миссію. Они не повѣрили; еще разъ положили жеребій и помолились, посмотрѣли и опять вышло на Улалу. Мальковъ и Суслоновъ тогда заплакали и сказали: „да будетъ воля Божіей Матери“. Когда Мальковъ изъ Улалы собрался ѣхать домой, о. Макарій сказалъ ему: здѣсь въ Улалѣ есть дѣвицы; онѣ другой годъ служатъ Богу молитвою. Маль-

[1]) Юродивая.

ковъ обрадовался и сказалъ: пусть эти дѣвицы напишутъ бумагу и, подписавшись, дадутъ мнѣ ее; я похлопочу за нихъ предъ большими людьми. Тогда подписались одинадцать дѣвицъ и одна вдова. Мальковъ послалъ бумагу къ высшимъ властямъ. Оттуда получено было благословеніе и бумага, что имъ дана будетъ земля. Улалинцы сильно гнѣвались на меня за это.—Какіе законы ты это выдумываешь? развѣ хочешь монастырь здѣсь устроить и сдвинуть (выжить) насъ съ этого мѣста? хочешь отнять у насъ пашу землю? сдѣлать насъ монастырскими служителями? Зачѣмъ ты перевезъ и поставилъ тамъ избу? Мы не дадимъ тебѣ тамъ ставить ее". Я сказалъ: хоть бы и въ самомъ дѣлѣ здѣсь былъ монастырь, вашей земли у васъ не отнимутъ; возьмутъ ту землю, которая находится за вашей землей. Тамъ казенная земля". Послѣ этого я поставилъ на мохъ до половъ перевезенную избу. Выше одинъ поднять не могъ. Въ такомъ положеніи она находилась полтора мѣсяца. Я хотѣлъ—было нанять, но мнѣ отвѣчали: говорятъ, что общество постановило, что того накажетъ розгами, кто наймется поставить твой домъ на мохъ. Я хотѣлъ—было нанять людей изъ другой деревни. Въ это время пришла бумага отъ Майминскаго старшины, въ которой говорилось, чтобы прибыло туда Улалинское общество; что туда пріѣхалъ межевщикъ осмотрѣть границы земли между Улалой и Маймой. Улалинское общество собралось и отправилось въ Майму. Межевщикъ сказалъ имъ: вы выберите изъ среды вашей человѣка, знающаго грамоту, неопороченнаго и вѣрнаго, пусть онъ будетъ довѣреннымъ вашимъ, чтобы указывать грани вашего сена. Улалинцы, не находя такого человѣка, пришли ко мнѣ и сказали: ты не будешь ли довѣреннымъ нашего общества, чтобы указывать нашу грань? Мы изъ среды своей не находимъ знающаго человѣка. Тогда я сказалъ: я много разъ служилъ обществу. Довольно для меня этой истомы. Никто изъ васъ столько не служилъ для общества". Они сказали: „мы знаемъ, что ты много служилъ по дѣламъ общества; если у тебя есть какая-нибудь работа, мы заработаемъ тебѣ обществомъ; а если не вѣришь, то дадимъ отъ себя подписку". Я сказалъ: мнѣ нужно поставить на мохъ избу, которую я вывозилъ. Они отвѣтили: мы обществомъ въ

одинъ день поставимъ и землю наверхъ набросаемъ. Вслѣдствіе этого, я въ тотъ же день отправился къ межевщику въ Майму и въ одинъ день копчилъ указаніе границъ и возвратился домой. На третій день собралось общество; поставили мою избу и набросали на потолокъ земли. Я сказалъ имъ: „спасибо“. Когда возвратились они домой, я сѣлъ у избы и поплакалъ, думая: „вѣрно, этотъ домъ угоденъ Божіей Матери, ибо общество прежде запретило даже наниматься строить его, а теперь, по милости Матери Божіей, сердце людей смягчилось и вотъ они сами поставили этотъ домъ. Да будетъ воля Божія“. Съ такими чувствами я возвратился домой. По прошествіи недѣли, изъ деревни Одус-Тёбё (Устюба) пріѣхалъ крестьянинъ Пихтовниковъ и я его подрядилъ покрыть домъ тесомъ; онъ покрылъ его въ теченіи недѣли.

По окончаніи работъ, когда я сидѣлъ у этого дома, изъ подъ яра (берега рѣки) вышелъ священникъ и подошелъ ко мнѣ. Я посмотрѣлъ—незнакомый мнѣ священникъ. Онъ поздоровался и сказалъ: я—священникъ Іоаннъ Смольяницковъ. Я принялъ отъ него благословеніе. Онъ спросилъ: ты зачѣмъ на этомъ мѣстѣ построилъ домъ? Я сказалъ: здѣсь мѣсто хорошо—огородъ завести. Онъ сказалъ: кто тебѣ позволилъ поставить здѣсь домъ? Когда онъ это сказалъ, то мнѣ тотчасъ припомнились давно сказанныя слова о. Макарія („см. выше“). Поэтому я сказалъ: приказалъ строить прежній о. Макарій. Онъ, стоя подъ этимъ яромъ, далъ мнѣ тогда денегъ. „Хорошо“—отвѣтилъ онъ. Послѣ этого я устроилъ печку. Тогда дѣвицы, посвящавшія себя на служеніе Богу, сказали: мы боимся жить тамъ однѣ сами по себѣ; среди насъ нѣтъ никого старшаго, вы поставьте возлѣ этого дома для себя особую избу и сами тамъ живите: и мы не будемъ опасаться; вслѣдствіе этого, я построилъ себѣ тамъ избу. Тамъ прожилъ я два года. Богомолицы-дѣти каждый день утромъ и вечеромъ исполняли молитвенныя правила. Одна изъ моихъ дочерей завѣдывала молитвеннымъ правиломъ; нѣкоторыя, по окончаніи молитвы, отправлялись ночевать домой и на слѣдующій день опять приходили.

На второй годъ изъ Россіи пріѣхала монашка, по имени

Анастасія. Она стала управлять ими и руководить молитвеннымъ правиломъ. До прибытія этой монахини пріѣхалъ межевщикъ отводить землю. Улалинцы смутились и на сходкѣ стали меня бранить. Ты, на зло обществу, хочешь отрѣзать монахинямъ землю. Теперь мы здѣсь не будемъ жить, — переселимся. Я отвѣтилъ: „не вашу землю будутъ брать; въ бумагѣ написано, чтобы нарѣзать свободную землю, начиная отъ Уахты“, но они моихъ словъ не слушали, кричали,—готовы были побить меня и бранили. Я, отошедши отъ нихъ, возвратился домой и сказалъ женѣ: мнѣ хочется чаю пить, поставь самоваръ. Сказавши это съ скорбью на душѣ, постлавши на полу, легъ. И вижу, комнату мою наполнили Алтайцы (некрещеные язычники)—всѣ въ черныхъ одеждахъ;—окружили меня и стали кидаться на меня. Я не могъ пошевелиться съ мѣста и смотрѣлъ на нихъ, а жена моя, вижу, ходитъ вокругъ самовара. Въ это время явился возлѣ меня прежній о. Макарій. „Зачѣмъ ты боишься ихъ? у нихъ силы нѣтъ; они легче хмѣля; ты вотъ такъ дунь на нихъ“. Сказавши это, онъ дунулъ на этихъ черныхъ людей и всѣ вылетѣли въ окно, подобно листьямъ хмѣля. Смотрю дальше. Жена моя ставитъ на столъ самоваръ. Я спросилъ у ней: сюда Алтайцы заходили ли? Нѣтъ, не заходили—отвѣтила она. Тогда я всталъ, напился чаю и разсказалъ видѣнное мною о. Макарію. Іеромонахъ о. Макарій сказалъ: иди скорѣй домой, я приду къ вамъ и въ скоромъ времени, вслѣдъ за мной, пришелъ и совершилъ моленіе Божіей Матери. Вскорѣ послѣ этого пришелъ десятникъ сказать, что меня зоветъ межевщикъ. Когда я хотѣлъ войти къ нему, то общественники меня остановили и сказали: ты будь довѣреннымъ отъ общества; завтра для монастыря будутъ отрѣзать землю. Я удивился и сказалъ: я этого надлежащимъ образомъ не знаю. Меня звалъ межевщикъ. Сказавши это, я зашелъ, поздоровался и сказалъ: наши общественники хотятъ меня сдѣлать своимъ довѣреннымъ. Межевщикъ засмѣялся и сказалъ: ты съ ними не ссорься; Богъ самъ знаетъ: а они и сами не знаютъ, что дѣлаютъ; ссорятся съ тобой изъ за того, чтобы не давать монастырю земли, а тебя же просятъ быть своимъ довѣреннымъ. Это Богъ имъ вложилъ такую мысль. Ты—довѣ-

ренный отъ монастыря, чтобы пришимать землю. Какъ же они хотятъ сдѣлать тебя своимъ довѣреннымъ? Пусть общественники найдутъ довѣреннаго изъ своей среды, а ты не скорби: Богъ поможетъ. Этотъ межевщикъ, пока кончилъ нарѣзку земли, питался только сухимъ хлѣбомъ съ водой. Такъ онъ прожилъ три дня. Когда я давалъ ему приготовленную пищу, то онъ не ѣлъ, говоря: это—Божіе дѣло; мнѣ слѣдуетъ поститься: жить на землѣ мнѣ осталось не много. Я путешествовалъ на поклоненіе мощамъ святыхъ. На ночлегѣ онъ мнѣ разсказалъ много назидательныхъ повѣстей. Начертивши планъ земли, онъ отправилъ его къ начальству. На второй годъ пріѣхалъ другой межевщикъ — и поставилъ столбы.

Однажды, когда общественники на сходкѣ составляли приговоръ, чтобы меня сдѣлать старшиной, пріѣхалъ къ нимъ одинъ чиновникъ. Вышедши изъ экипажа, онъ спросилъ у собравшихся людей: есть ли здѣсь миссіонерскій толмачъ Михаилъ Чевалковъ? Тогда староста Селифонъ, указывая на меня, сказалъ: вотъ онъ. Чиновникъ, подошедши ко мнѣ, сказалъ: прошедшую зиму я послалъ тебѣ изъ Петербурга письмо, чтобы ты поѣхалъ вмѣстѣ со мной на китайскую границу и былъ моимъ толмачемъ. Получилъ ли ты это письмо? Я отвѣтилъ: такого письма я не видалъ. Онъ сказалъ: я писалъ начальнику миссіи, чтобы ты никуда не отлучался и находился дома. Сказавши это, онъ взялъ меня и пошелъ къ о. Степану; здѣсь онъ спросилъ у него; я посылалъ письмо, чтобы Чевалковъ находился дома, дошло ли оно до васъ? О. Степанъ отвѣтилъ: я хотѣлъ сказать Чевалкову, но забылъ, потому что у меня дѣла много. Чиновникъ сказалъ: отпустите его со мной. О. Степанъ отвѣтилъ: онъ теперь не служитъ у меня толмачемъ. Общество хочетъ его сегодня поставить старшиной. Чиновникъ спросилъ меня: правда ли, что тебя хотятъ поставить старшиной? Я отвѣтилъ: вы видѣли, что народъ собрался и пишутъ приговоръ; они пишутъ о томъ, чтобы меня поставить старшиной. Чиновникъ, напившись чаю, потребовалъ къ себѣ старосту и сказалъ: Чевалковъ долженъ по казенной надобности быть при мнѣ толмачемъ и сопутствовать мнѣ на китайскую границу. Имя его извѣстно и въ Петер-

бургѣ; онъ мнѣ нуженъ; вы напишите приговоръ, что онъ освобождается отъ должности старшины. Тогда они поставили старшиной Константина Чевалкова. Я, пробывши дома два дня, отправился съ „Принцемъ“ (фамилія чиновника). Напередъ мы обозрѣвали и собирали свѣдѣнія о Кумандинскихъ и черневыхъ инородцахъ; на ночлегахъ я разсказывалъ имъ изъ Св. Писанія. Оттуда, по берегу р. Біи, мы прибыли въ Кебезень; тамъ продневавши, отправились на Телецкое озеро; на Телецкомъ озерѣ, при Артуашѣ, ночевали. Собиравшемуся тамъ народу я разсказывалъ о Богѣ. Чиновникъ сказалъ: о чемъ ты разсказываешь этому народу? О Богѣ,—отвѣтилъ я. Чиновникъ сказалъ: если не лѣнь, говори: это не худо. Оттуда мы отправились далѣе на лодкѣ; сдѣлавши два ночлега, прибыли на устье Чулышмана, при впаденіи въ озеро. Тамъ на Кырс-аѣ семь человѣкъ Соёнцевъ занимались торговлей. Они сказали: мы здѣсь живемъ седьмой день; здѣшній народъ не позволяетъ намъ ѣхать дальше. Въ этомъ Кырс-аѣ китайскій чиновникъ анбынъ поставилъ здѣсь обою̀ (насыпь изъ камней) и сказалъ: я у васъ здѣсь возобновилъ прежнее китайское обою̀. Изъ русской земли безъ ярлыка чрезъ это мѣсто (нашу землю) пусть никто не проѣзжаетъ. Теперь мы и хотимъ возвратиться домой, говорили Соёнцы. Чиновникъ мой сказалъ: если эти люди и насъ не пропустятъ, то какъ мы поѣдемъ? они, кажется, намъ и подводъ не дадутъ. Я отвѣтилъ: я найду способъ проѣхать; завтра же утромъ мы поѣдемъ отсюда вверхъ: чиновникъ мой сказалъ: ты ихъ не раздражай: это по виду дурные люди. Я отвѣтилъ: нѣтъ, они боязливый и смирный народъ; я прежде бывалъ у нихъ. Въ это время собралось сюда до тридцати человѣкъ Теолёсовъ. Я сказалъ имъ: дайте намъ подводы. Они отвѣтили: вы куда ѣдете? „Ѣдемъ въ верховья Чуи,—отвѣтилъ я“. — Сюда пріѣзжалъ изъ китайской земли большой чиновникъ анбынъ, отрѣзалъ эту землю и сказалъ: чтобы отъ устья Чулышмана вверхъ русскій народъ не проѣзжалъ; поставленное имъ обою̀ находится вотъ здѣсь на Кырс-аѣ. Я сказалъ: „изъ русскихъ чиновниковъ кто-нибудь былъ съ нимъ?“ Они отвѣтили: „нѣтъ“; были одни китайскіе чиновники и юрганы. Я сказалъ: если такъ, то это значитъ,

что они украдкой отрѣзали землю бѣлаго царя; вѣдь землю два государя обыкновенно дѣлятъ между собой. Поэтому, должны быть чиновники и отъ бѣлаго царя; какъ же китайскій амбынъ своею властью отрѣзалъ землю, принадлежащую бѣлому царю? Они отвѣтили: отъ амбына есть и бумаги о нарѣзкѣ земли: одна бумага у Чулышманскаго бошки (младшій волостной чинъ) Тоарги, а другая у дюмючи Сомокака, живущаго въ Коо. Я сказалъ: пошлите людей, чтобы привезли эти бумаги. Они послали человѣка; мы напились чаю и легли спать. На утро, смотримъ, возлѣ огня сидитъ народу больше вчерашняго. Я подошелъ къ нимъ. Они сказали: бумаги привезли ночью; будете ли теперь смотрѣть? Я взялъ бумаги въ руки, немного посмотрѣлъ и пошелъ въ станъ. Пришедши сюда, сѣлъ и сталъ смотрѣть, потомъ положилъ бумагу въ карманъ. Спустя немного времени они пришли вслѣдъ за мной и спросили: прочитали ли вы эти бумаги? Я сказалъ: читалъ.—Что же написано? спросили они. Я наугадъ сказалъ: въ этихъ бумагахъ о нарѣзкѣ земли не говорится: а написано здѣсь, чтобы готовы были подводы, запасы, чтобы народъ собрался и ожидалъ. Тогда они сказали: мы неграмотные, почемъ мы знаемъ? Когда они стали послѣ этого просить бумаги назадъ, я отвѣтилъ имъ: я вамъ не дамъ; это фальшивыя бумаги; теперь поѣдемъ въ верховья Чуи и тамъ покажемъ ихъ Зайсанскому писарю, а отъ васъ пусть ѣдутъ съ нами два „бошки". Во время этого разговора Андрей Густавовичъ Принцъ вышелъ изъ палатки и спросилъ: о чемъ вы разговариваете? Я разсказалъ все, о чемъ мы говорили. Онъ сказалъ: бумаги не отдавай имъ назадъ. Когда я не сталъ отдавать, то они отправились въ свой станъ, а мы сѣли и стали чай пить. Чиновникъ мой сказалъ: что теперь дѣлать? Я отвѣтилъ: просить подводы. Онъ сказалъ: если не дадутъ, драться нельзя, возвратимся озеромъ назадъ. Я отвѣтилъ: вы смотрите: они не будутъ меня бить; они народъ смирный. Сказавши это, я закричалъ имъ, чтобы они пришли къ намъ и они всѣ къ намъ подошли. Чиновникъ мой былъ человѣкъ молодой. Онъ ушелъ въ палатку. Я сказалъ Теолёсамъ: вы дадите намъ подводу? Мы давать вамъ подводы боимся государя нашего. Я сказалъ: да вѣдь вы живете на землѣ

бѣлаго царя; на его землѣ пашете. Если вы не дадите подводы чиновнику, который назначенъ отъ бѣлаго царя, то мы, не уѣзжая отсюда, пошлемъ человѣка съ бумагой въ Бійскъ. Если оттуда придутъ съ силою, то что вы будете дѣлать? Они отвѣтили: мы боимся, чтобы начальникъ нашъ анбынъ осматривавшій „обою̀“ не обвинилъ насъ въ томъ, что мы пропустили русскаго чиновника. Тогда я сказалъ имъ: вы не будете виноваты, а виноватъ будетъ начальникъ вашъ анбынъ, ибо почему онъ поставилъ пограничный знакъ, не имѣя на то приказаній отъ двухъ государей? Послѣ этого я призвалъ упомянутыхъ Антонова, Лучшева и двухъ братьевъ Тузиковыхъ съ работниками, ѣхавшихъ къ Соенцамъ для торговли, и раскидали вмѣстѣ съ ними „обою̀“. Теолёсы молчали, а я сказалъ: приготовьте скорѣй подводы. Они немедленно приготовили подводы и закололи намъ на запасъ черную овцу. Мы поѣли и отправились. Черезъ три дня прибыли на Кош-агашъ (Кожегачъ); провожавшіе насъ ямщики были бѣдные люди. На ночлегахъ я давалъ имъ сухарей и они были ко мнѣ ласковы. Когда я спросилъ у нихъ: вашъ анбынъ много получилъ подарковъ отъ народа? Они отвѣтили: взялъ около семидесяти лошадей и много лисицъ и соболей. Я спросилъ, какъ онъ говорилъ: за что бралъ это? Они отвѣтили: говорилъ за то, что я вамъ земли отрѣзалъ. Мы ночевали на Кожегачѣ. Къ намъ собрались всѣ Чуйскіе старшины и почетные люди и остановились станомъ недалеко отъ нашего стана. Начальникъ мой сказалъ мнѣ: побываемъ въ юртахъ у зайсановъ. Тогда я отъ общества попросилъ лошадей. Съ чиновникомъ мы отправились въ юрту зайсана Чичкана. Чичканъ зайсанъ угощалъ насъ чаемъ. Посидѣвши, я началъ говорить о пограничныхъ знакахъ, которые поставилъ анбынъ въ Кырсаѣ. Зайсанъ сказалъ: этотъ анбынъ, пока былъ здѣсь, объѣлъ здѣшній народъ до разоренія. Онъ говорилъ, что теперь изданъ какой-то новый законъ. Я сказалъ: вы лучше перейдите въ подданство къ бѣлому царю, чѣмъ быть всегда объѣдаемыми китайцами. Зайсанъ отвѣтилъ: если бы бѣлый царь принялъ насъ, то мы перешли бы къ нему. Я отвѣтилъ: эта земля, на которой вы живете принадлежитъ бѣлому царю; вѣдь вы для этого платите

ему и колапъ. Поэтому вамъ легче будетъ давать подать въ одну сторону, чѣмъ на двое. Анбынъ, коль скоро уже разъ нашелъ на васъ, такъ каждый годъ будетъ поѣдать васъ. Зайсанъ отвѣтилъ: завтра я соберу всѣхъ лучшихъ и почетныхъ людей и приду съ ними въ вашъ станъ, а вы съ ними поговорите. Послѣ этого разговора мы возвратились на ночлегъ въ свой станъ. На слѣдующее утро къ намъ собралось много людей. Съ ними прибылъ и зайсанъ Чичканъ. Чиновникъ мой изъ палатки не выходилъ, онъ писалъ тамъ бумаги. Собравшемуся народу я разъяснилъ обманъ анбына и въ заключеніе сказалъ: анбыны и юрганы обманомъ каждый день собираютъ съ жителей Чулышмана на запасъ себѣ по сороку головъ скота. Изъ нихъ съѣдая на день только по три, остальное продаютъ тамошнимъ жителямъ (китайцамъ). Такое поведеніе ихъ ужели не разорительно для васъ? Съ Чулышманскаго общества они взяли около 70 лошадей, обѣщая имъ нарѣзать земли и сверхъ того взяли много лисицъ и соболей. Это ли благорасположеніе къ вамъ анбына? Вѣдь они хотятъ, обглодавши васъ до чиста, передать васъ ни съ чѣмъ (одни только души) бѣлому царю. Вы теперь напишите все, что дѣлалъ у васъ анбынъ и подайте бумагу старшимъ его начальникамъ. Тогда вы узнаете всю его правду и ложь. Тогда они сказали: мы посовѣтуемся; и потомъ, разведши огонь подъ тальникомъ, долго тамъ сидѣли и совѣщались. Въ это время чиновникъ мой позвалъ меня пить чай. Я зашелъ въ палатку и пилъ вмѣстѣ съ нимъ чай. Онъ сказалъ мнѣ: о чемъ вы съ ними разговаривали? Я разсказалъ все, что я имъ говорилъ. Чиновникъ спросилъ: а согласны ли они? Я отвѣтилъ: они тамъ собрались посовѣтоваться между собой. Напившись чаю, я пошелъ туда, гдѣ они сидѣли. Они сказали: если бѣлый царь насъ не приметъ, то намъ не остаться бы виноватыми предъ обоими государями. Я сказалъ: вѣдь земля, на которой вы живете, принадлежитъ бѣлому царю; поэтому, чего же вамъ бояться? Вы дайте слово перейти къ бѣлому царю, а этотъ чиновникъ пошлетъ къ государю бумагу; тогда два государя посовѣтуются между собой. Они сказали: „что будетъ, то и будь; — перейдемъ къ бѣлому царю“ и всѣ дали мнѣ руки. Тогда я пришелъ и сказалъ

моему начальнику: они дали мнѣ руки, что перейдутъ къ бѣлому царю. Чиновникъ, услышавши это, засмѣялся и сказалъ: неужели въ самомъ дѣлѣ они хотятъ перейти? и больше ничего не сказалъ.

Мы, почевавши здѣсь, пріѣхали въ одни сутки къ пограничному знаку „Соокъ“. Тамъ мы встрѣтились съ однимъ чиновникомъ и почевали. На слѣдующій день на обратномъ пути почевали въ дорогѣ. На четвертыя сутки прибыли въ Яйляушъ. Оттуда чрезъ двои сутки пріѣхали въ Кайрылыкъ. Когда я изъ Кайрылыка собрался ѣхать домой, начальникъ мой далъ мнѣ 67 рублей.

На другой годъ я у себя дома занимался кузнечной работой. Въ это время отъ губернатора пришла ко мнѣ бумага. Когда я бумагу взялъ въ руки, зашелъ ко мнѣ о. Акакій. О. Акакій сказалъ: эту бумагу губернаторъ писалъ въ Бійскѣ при мнѣ. Онъ велитъ тебѣ ѣхать въ с. Алтайское и тамъ дожидаться его. Онъ тебя хочетъ имѣть у себя толмачемъ и взять тебя съ собой на Кожегачъ. Ты завтра утромъ скорѣй поѣзжай туда, въ этой бумагѣ писано, чтобы тебѣ дали подводы. Поэтому я въ слѣдующій день пріѣхалъ туда и ожидалъ у квартиры, гдѣ долженъ остановиться губернаторъ. Черезъ часъ прибылъ губернаторъ. Вышедши изъ экипажа, онъ зашелъ въ домъ и потомъ вскорѣ опять вышелъ изъ дому и спросилъ у общественниковъ: нѣтъ ли здѣсь Чевалкова? Я сказалъ: вотъ я здѣсь. Онъ сказалъ: иди сюда. Когда я подошелъ къ нему, онъ поздоровался со мной, взялъ меня за руку и повелъ въ комнату. Здѣсь онъ сказалъ мнѣ: минувшій годъ ты ѣздилъ на Кожегачъ? Я отвѣтилъ: ѣздилъ съ Принцемъ. Онъ улыбнулся и сказалъ: ты тамъ взялъ въ плѣнъ двѣ волости, а теперь поѣдемъ тудá, чтобы, удостовѣрившись, написать объ этомъ. Тебѣ самому нужно и быть толмачемъ. Есть ли у тебя лишняя одежда? Я сказалъ: я взялъ. — Хорошо, — отвѣтилъ онъ. Послѣ этого мы отправились и черезъ двои сутки прибыли въ Ангудай. На улицѣ собралось много алтайцевъ и зайсановъ ихъ. Губернаторъ сказалъ мнѣ: здѣсь два человѣка судятся между собой; пойди, разбери между ними дѣло; тамъ есть зайсаны, пусть они слушаютъ; когда кончишь разбирательство, приди и скажи мнѣ. Лишь только я вы-

шелъ на улицу, казенный толмачъ Карбышевъ, вышедши къ народу, сказалъ зайсанамъ: губернаторъ приказалъ, чтобы этотъ толмачъ Чевалковъ, разобралъ тяжебныя дѣла.

Гдѣ здѣсь Таакъ и Курманъ Черновъ? Пусть Чевалковъ разбираетъ ихъ дѣло. Я, выслушавши ихъ спорное дѣло, Курмана Чернова обвинилъ, а Тааку передалъ шесть лошадей. Послѣ этого пришелъ и разсказалъ объ этомъ губернатору. Губернаторъ Лерхе вышелъ и спросилъ у зайсановъ: нравится ли вамъ такое рѣшеніе дѣла? — Нравится,—отвѣчали зайсаны. Губернаторъ сказалъ: напишите же мнѣ бумагу, что вы согласны съ такимъ рѣшеніемъ. Они написали и приложили свои печати.

Отправились изъ Ангудая, мы прибыли въ Кош-Агачъ въ четверо сутокъ. Дорогой я скорбѣлъ въ душѣ своей: „что если Чуйскіе зайсаны откажутся и скажутъ, что мы не давали слова перейти въ подданство бѣлому царю? вѣдь мнѣ будетъ худо! со страхомъ думаю я!“ По прибытіи въ Кожегачъ, мы остановились въ домѣ Гилева. Тамъ въ это время собирались Чуйскіе зайсаны, почетные люди и общественники. Губернаторъ, сошедши съ лошади и поставивши меня возлѣ себя, сказалъ имъ: узнаете ли вы этого человѣка? Они отвѣтили: мы его видали много разъ. Губернаторъ спросилъ: въ прошедшій годъ онъ что вамъ говорилъ? Они отвѣтили: говорилъ намъ, чтобы мы перешли къ бѣлому царю. Губернаторъ спросилъ: и вы обѣщались перейти? Они отвѣтили: если бѣлый царь приметъ насъ, то перейдемъ; въ этомъ мы дали и руки этому толмачу. Губернаторъ сказалъ: теперь желаете ли перейти? Желаемъ, отвѣтили они. Тогда на душѣ у меня стало свѣтло и я весьма обрадовался. Губернаторъ же сказалъ засѣдателю Судовскому: ты перепиши весь этотъ народъ и вели зайсанамъ приложить свои печати. На слѣдующій день прибыли для свиданія съ губернаторомъ китайскіе военные чиновники. У нихъ было два толмача и у насъ два толмача; всего насъ переводчиковъ было четверо. На другой день одинъ юрганъ, прибывшій послѣ военныхъ чиновниковъ, сказалъ: тотъ юрганъ, который обманывалъ Чуйскій народъ, обѣщавши имъ нарѣзать земли, не доѣзжая досюда, на дорогѣ удавился. На слѣдующій день утромъ рано я увидалъ, что китайскіе солдаты

сдѣлавши изъ камней большую насыпь и ставши около нея, совершали молитву. Молились около полчаса. Послѣ этого губернаторъ, увидавши меня, сказалъ: ты, Чевалковъ, что сегодня видѣлъ во снѣ?—Во снѣ ничего не видалъ, а такъ видѣлъ, какъ китайскій отрядъ дѣлалъ насыпь изъ камней и совершалъ моленія. Послѣ этого губернаторъ, собравши купцовъ (русскихъ), пригласилъ ихъ пить чай и сказалъ имъ: „сколько вы здѣсь лѣтъ торгуете, а у васъ здѣсь нѣтъ молитвеннаго дома, куда бы можно было придти Богу помолиться. Здѣсь нужно устроить церковь. Посовѣтуйтесь между собой и устройте. Вотъ и монголы-язычники по своей вѣрѣ, устроивши обою, совершаютъ молитвы, а вамъ, исповѣдующимъ святую вѣру, не стыдно ли предъ этими людьми, держащимися черной вѣры? Я сдѣлаю прикладъ денегъ на основаніе церкви, а вы остальное между собой соберите и выстройте церковь! Послѣ этого по подпискѣ пожертвовали, кто сколько могъ. Гилевъ обѣщался завѣдывать постройкой и чего не достанетъ, дать отъ себя. Такимъ образомъ, тамъ устроилась церковь. Мы тамъ прожили трое сутки, а на четвертый день стали подыматься вверхъ по рѣчкѣ Ялъ-Агашъ. Когда подъѣзжали къ вершинѣ рѣчки, то увидѣли, что вся долина отъ горы до горы (отъ берега до берега) была покрыта сплошнымъ льдомъ. По этому льду лежала дорожка, усыпанная землей. Въ это время была средина лѣта и стояли жаркіе дни, но не смотря на такую жару, ледъ нисколько не таялъ. Когда мы ѣхали по этому льду, въ одномъ мѣстѣ увидѣли большой провалъ. Отдавши свою лошадь провожатымъ, я подошелъ посмотрѣть и оказалось, что толщина льда въ этомъ провалѣ была около 5 аршинъ, а пустота подъ этимъ льдомъ около 20 саженъ. Внизу этой пустоты видны были деревья безъ коры: лиственница и пихта. Я спросилъ у тамошнихъ обитателей: когда растетъ этотъ ледъ? Они отвѣтили: и наши-то предки не видывали, чтобы этотъ ледъ таялъ. Это, должно быть, такъ стоитъ споконъ вѣка. Губернаторъ сказалъ: въ прежнія времена въ этомъ мѣстѣ было тепло; вслѣдствіе этого и росли деревья; теперь съ каждымъ годомъ поверхность земли охладѣваетъ; впослѣдствіи чрезъ тысячу лѣтъ рѣка Чуя превратится въ ледъ, который и лѣтомъ не будетъ таять.

Ѣдемъ далѣе. Въ одномъ мѣстѣ земляной провалъ. Подъ землей пустота; толщина слоя земли около аршина, подъ ней ледъ толщиной около аршина; на поверхности земли зеленая трава; подъ льдомъ же земли вовсе нѣтъ — одни камни. Губернаторъ сказалъ: пространство между землей и камнями зимой было наполнено водой. Эта вода подымала землю вверхъ; когда насталъ морозъ, вода обратилась въ ледъ; когда же стало тепло и нижняя часть льда, бывшаго подъ землей, стала таять и, обратившись въ воду, стекла, то вслѣдствіе этого и образовалась пустота. Теперь оставшійся ледъ никогда не растаетъ. Послѣ этого мы поѣхали къ Ажу (перевалу). Я увидѣлъ здѣсь льдины, отколовшіяся отъ ледяныхъ горъ. Самыя большія изъ этихъ льдинъ величиною были съ холмъ. Переѣхавши черезъ перевалъ, мы спустились въ Язадырь. Оттуда спускаясь внизъ, достигли рѣчки, называемой Адаганъ. Переѣхали чрезъ нее на плоту. Далѣе рѣку Коксу переѣхали на лошадяхъ. Тамъ почевали. Послѣ этого сдѣлали ночлегъ среди кустарника, находившагося внизъ по теченію рѣчки Аржана. Отправившись оттуда, прибыли на ночлегъ въ деревню Фыкулку. На слѣдующій день губернаторъ далъ мнѣ 76 рублей и я возвратился домой.

По возвращеніи домой, на слѣдующій день, когда я шелъ по улицѣ въ домъ моего отца, то встрѣтилъ на дорогѣ мно собравшихся людей. Проходя мимо нихъ, я увидѣлъ, что два человѣка приготовляютъ розги. Я воротился и, подошедши, спросилъ: кого хотите наказывать? Они отвѣтили: Ѳеклисту. Что худаго она сдѣлала? Они отвѣтили: ругала мать свою. Я сказалъ: ея мать мачиха. Были-ли свидѣтели, которые слышали, что она ругала ее? Кандидатъ (по старшинѣ) отвѣтилъ: есть два свидѣтеля. Спрашивали-ли вы у свидѣтелей? Нѣтъ, не спрашивали, — отвѣтилъ онъ. Почему же не спросили? Кандидатъ отвѣтилъ: на что свидѣтели? сама мать говоритъ. Я сказалъ: она не родная мать, а мачиха. Доколѣ не услышу отъ свидѣтелей, мачихѣ не повѣрю. Сердце мачихи бываетъ жестко. Кто свидѣтели? позовите ихъ сюда; выслушаемъ ихъ. Вызвали двухъ свидѣтелей; отдѣлили ихъ одинъ отъ другаго и сдѣлали допросъ. Они отвѣтили: Ѳеклиста говорила: чего ты боишься послать ко мнѣ

почевать дочь свою? Когда мужа моего дома нѣтъ, то мужчины ко мнѣ не заходятъ. Больше этого она ничего не говорила,— сказали они. Поэтому Феклисту не наказали и отпустили домой. Въ тотъ же день вечеромъ, одна женщина, по имени Екатерина, пришедши ко мнѣ, сказала: я только что услышала о твоемъ возвращеніи и пришла къ тебѣ; заходила къ Феклистѣ и видѣла ее, какъ она со слезами въ землю молится Богу и когда спросила ее что съ тобой случилось, она отвѣтила: молю Бога за Михаила Васильевича; онъ меня избавилъ отъ розгъ; если бы не онъ, высѣкли бы меня. Сказавши это Екатерина поклонилась мнѣ въ ноги и сказала: кандидатъ обвиняетъ моего сына Николая въ томъ, что онъ будто бы укралъ матку (пчелиную) и велитъ заплатить шесть рублей. Бога ради допросите вы. Я сыну своему вѣрю. Онъ въ эти дни никуда не ходилъ. Я, подумавши про себя, сказалъ ей: почему я буду знать бѣлизну или черноту его? (правъ онъ или виноватъ). Онъ молодой парень; можетъ быть, и правда, что укралъ. Не знаю, какъ я помогу ему. Екатерина со слезами сказала: если бы сынъ мой отлучался въ поле, то и я не повѣрила бы ему. Я сказалъ: если вы правы, то вотъ завтра будетъ обѣдня и ты съ сыномъ приди въ церковь Когда обѣдня будетъ оканчиваться, то вы помолитесь Богу, чтобы онъ праваго оправдалъ; а вора открылъ; а если вы виноваты, то и не молитесь,—вдвое виновнѣе будете. Я потому имъ сказалъ, чтобы они не молились, если виноваты, чтобы поэтому можно было догадаться. На слѣдующій день я увидалъ у обѣдни Екатерину съ сыномъ. Когда кончилась обѣдня, они поставили двѣ свѣчи. О. Іоаннъ служилъ молебенъ и я вмѣстѣ молился за нихъ, говоря: оправдай, Господи, праваго и открой виноватаго. Когда они возвратились изъ церкви домой, Екатерининъ сынъ Филиппъ, пришедши ко мнѣ, сказалъ: когда я одинъ сидѣлъ дома, пришелъ ко мнѣ Федоръ Самдашевъ и сказалъ: двухъ матокъ я укралъ; Николай Александровичъ, не зная этого, берется за тебя. Когда я жилъ въ работникахъ въ Чергѣ, то воровалъ много матокъ и ни одинъ человѣкъ не зналъ этого; я укралъ этихъ двухъ матокъ. Сказавши это, онъ сталъ въ избѣ скакать. Когда онъ скакалъ тамъ, подобно су-

мастедшему, я думалъ, было, засвидѣтельствовать о немъ, но никого тутъ не было. Что теперь мнѣ дѣлать? Если и объявлю обществу, онъ отопрется (откажется)! Тогда я сказалъ: это Богъ не даетъ ему покоя и заставляетъ говорить. Онъ къ тебѣ опять придетъ. Ступай ты скорѣе домой, позови надежныхъ человѣка четыре и посади ихъ въ подпольѣ. Этотъ Ѳедоръ не утерпитъ, опять придетъ къ тебѣ и ты спроси у него какъ ты укралъ матокъ у Николая Александровича? куда ты дѣвалъ ихъ? Богъ его пошлетъ къ тебѣ для того, чтобы онъ сказалъ. Филиппъ исполнилъ по моему совѣту и когда онъ тайно спряталъ людей, Ѳедоръ Самташевъ опять пришелъ и сталъ хвалиться. Тогда сидѣвшіе въ подпольѣ люди вышли оттуда, говоря: слышали! Ѳедоръ Самташевъ тутъ же откровенно разсказалъ объ украденномъ и общество, совершивши надъ нимъ судъ, приговорило его заплатить 3 рубля и наказать 25-ю розгами.

Дѣти мои! Когда желаете оправдать праваго, молитесь Богу, просите Его помощи, ибо Онъ Судія Праведный и сами не подвергнетесь не праведному осужденію. Молитесь Судіи— Праведному Богу и Онъ оправдаетъ васъ. Не мыслите зла человѣку, обвинившему васъ. Не обижайтесь, если придется быть неправедно обвиненными. Блаженны вы будете на томъ свѣтѣ! (на истинной землѣ). Если здѣсь на землѣ претерпите скорбь, то получите на небесахъ блаженное воздаяніе.

Когда я служилъ толмачемъ у о. Степана, въ это время по рѣчкамъ, впадающимъ въ Майму съ обѣихъ сторонъ, жило много некрещенныхъ. Когда я просился у него, чтобы бывать у нихъ для проповѣди объ истинномъ Богѣ, то онъ говорилъ: ты мнѣ нуженъ будешь; когда-нибудь на свободѣ оба поѣдемъ. Такъ мы въ теченіи многихъ лѣтъ и не могли собраться къ нимъ. Отъ этого я въ мысляхъ своихъ не могъ успокоиться. Въ это время прибылъ ко мнѣ одинъ человѣкъ съ вершины Маймы, гдѣ жили некрещенные и сказалъ: васъ зоветъ къ себѣ дюмюча Мотко и Табышту, чтобы вы привили дѣтямъ ихъ оспу. Я сказалъ о. Степану о томъ, что они меня зовутъ. О. Степанъ благословилъ меня ѣхать и я съ большою радостію отправился, куда меня звали. Прибывши туда, я обошелъ всѣ юрты и при-

вивалъ оспу и въ каждой юртѣ разсказывалъ объ Іисусѣ Христѣ, истинномъ Богѣ. Когда обходилъ осматривать оспу, то опять разсказывалъ о томъ же. Вскорѣ послѣ этого дѣти Табышты крестились, а затѣмъ крестилась жена Тарбагана съ двумя сыновьями. Мотко дюмюча остался некрещеннымъ до самой смерти, а жившіе ниже его (по рѣчкѣ), всѣ крестились. На слѣдующій годъ пріѣхалъ ко мнѣ человѣкъ изъ Карасука и также звалъ къ себѣ прививать оспу. Моя лошадь въ это время была въ полѣ. Я полѣнился ее искать и отправился въ Карасукъ пѣшкомъ. Тамъ обошелъ всѣ юрты и привилъ оспу и по пути сталъ проповѣдывать ученіе объ истинномъ Богѣ. Тамошніе жители дали мнѣ лошадь. На этой лошади я ѣздилъ прививать оспу жителямъ селенія Ипырги. И тамъ также попутно проповѣдывалъ слово Божіе. И въ другой разъ когда ѣздилъ туда, то говорилъ тоже.

По прошествіи этого, въ слѣдующее лѣто крестилось много народу, ибо я всякій разъ, когда бывалъ тамъ по своимъ надобностямъ, то заходилъ къ нимъ въ юрты и разсказывалъ о св. вѣрѣ. Богу угодно было не оставить эти мои путешествія напрасными. Теперь изъ тамошнихъ жителей некрещенныхъ осталось немного. Еще однажды я, отправившись въ Карасукъ для рыбной ловли, заходилъ въ юрту одного некрещеннаго, по имени Кадикъ. Тамъ сидѣло много некрещенныхъ. Кадикъ, увидѣвши меня, сказалъ: у васъ голова стала уже сѣдѣть. Я сказалъ ему: еслибъ человѣкъ не старѣлъ, а лошадь не тощала, то и небо не поколебалось бы и земля не разрушилась бы. Кадикъ сказалъ: какже небо поколеблется и какъ земля разрушится? Я сказалъ: въ послѣдній вѣкъ вся тварь измѣнится. Истинный Богъ Іисусъ Христосъ придетъ на землю судить живыхъ и мертвыхъ и пошлетъ своихъ святыхъ ангеловъ. Тогда они, стоя на воздухѣ вострубятъ въ трубы; земля разрушится, небо поколеблется и вся тварь измѣнится. Кадикъ сказалъ: нѣтъ ничего крѣпче камня; ужели и онъ измѣнится? Я сказалъ: кто создалъ огонь? Богъ создалъ,—отвѣтилъ Кадикъ. „Ужели же Богъ, создавшій этотъ огонь, который растапливаетъ камни и превращаетъ въ пепелъ, не совладѣетъ съ камнемъ? Если Богъ могъ создать это, то онъ

можетъ и дѣлать съ этимъ, что хочетъ. Онъ все можетъ. Всякое твореніе онъ создалъ. Созидая все изъ ничего Онъ, сказалъ: „да будетъ это“ и стало то по слову Его. И въ послѣдній вѣкъ, какъ скажетъ, такъ и будетъ. Чему не велитъ быть, то и не будетъ“. Кадикъ замолчалъ, а я послѣ этого сталъ разсказывать ему о созданіи неба и земли и всего, что въ нихъ есть, — до послѣдняго вѣка; разсказалъ также, какія мученія будутъ некрещеннымъ и грѣшникамъ; какое блаженство будетъ вѣрующимъ во Христа и живущимъ по заповѣдямъ Его; — и какъ это блаженство на томъ свѣтѣ будетъ постоянно увеличиваться. Разсказъ этотъ сидѣвшіе тамъ люди слушали со вниманіемъ. Дѣти Кадика впослѣдствіи стали крещеными.

Еще однажды, я пріѣхалъ къ некрещеннымъ, жившимъ въ Сюултѣ; — тамъ было 13 юртъ. Я обошелъ эти юрты съ проповѣдью объ истинномъ Богѣ. Насталъ вечеръ и я тамъ почевалъ. На слѣдующій день, опять ходилъ и разсказывалъ. Жители сказали: мы, живя здѣсь, ничего не можемъ принять въ умъ свой, а когда посмотримъ, да послушаемъ, то начинаемъ и подумывать: Послѣ этого я возвратился домой, но мысль моя не давала мнѣ покоя и я опять поѣхалъ къ нимъ и опять имъ разсказывалъ. Тогда они сказали: мы теперь не свободны, а когда окончимъ лѣтнія работы, то сами поѣдемъ въ Улалу и тамъ будемъ креститься. Послѣ того они не пріѣзжали около двухъ лѣтъ. Поэтому, я еще въ одно время былъ у нихъ. Тамъ прожилъ два дня; разсказывалъ имъ, начиная отъ созданія міра до послѣдняго вѣка. На другой день, помолившись Богу, всѣхъ ихъ собралъ въ одно мѣсто и сказалъ имъ: я вамъ много разъ разсказывалъ ученіе объ истинномъ Богѣ. Всѣ вы это слышали. Кто слышалъ и не повѣрилъ и въ Бога не увѣровалъ, тотъ будетъ сугубо виновенъ. Таковые люди чѣмъ оправдаются на томъ свѣтѣ? Таковымъ Богъ скажетъ: я къ вамъ посылалъ Моего человѣка, знающаго Меня и Мои заповѣди; вы слышали отъ него о Моемъ имени и о Моихъ заповѣдяхъ, слышали также и о благости Моей. Почему же вы пренебрегли Мной? Не Я ли васъ создалъ? Зачѣмъ вы возненавидѣли Меня? — Что тогда вы отвѣтите? — „Я сошелъ съ небесъ, чтобы васъ на небеса возве-

ся; Я предалъ себя на мученія, чтобы васъ искупить отъ мученій, которымъ нѣтъ конца; Я три дня пробылъ мертвымъ, чтобы васъ освободить на томъ свѣтѣ отъ вѣчной смерти и мученій по власти діавола; Я страдалъ на землѣ, чтобы вы на небѣ были живы, добры; чтобы вы на томъ свѣтѣ радовались и блаженствовали; Я подвергался на землѣ злословію, чтобы васъ содѣлать славными на небесахъ; Я жилъ на землѣ, не имѣя мѣста, гдѣ главу преклонить, дабы васъ содѣлать обитателями небесъ. Я пролилъ кровь свою, чтобы очистить и омыть всѣ грѣхи ваши. — Зачѣмъ вы презрѣли столько милостей Моихъ? Я возлюбилъ васъ болѣе, чѣмъ мать любитъ дѣтей своихъ, а вы и не думали обо Мнѣ, когда были въ тѣлѣ. Теперь идите отъ Меня, проклятые, въ геенну огненную на ужасныя мученія. — Что вы скажете тогда?“ Тогда нѣкоторые сказали: мы когда-нибудь увѣруемъ въ Бога и крестимся. Вы пріѣзжайте сюда съ священникомъ; кто захочетъ изъ насъ, тотъ и крестится. Тогда я послалъ въ Улалу письмо. На слѣдующій день пріѣхалъ о. Іоаннъ: крестилъ около 20 человѣкъ, а остальные впослѣдствіи также крестились.

Послѣ этого я ѣздилъ къ некрещеннымъ, живущимъ въ мѣстности, называемой Эмери, и тамъ разсказывалъ объ истинномъ Богѣ. Въ теченія 3-хъ лѣтъ тамошніе всѣ крестились. Еще однажды я убѣдилъ креститься Кочкорапа съ двумя сыновьями и съ дѣтьми ихъ. У сыновей его я былъ крестнымъ отцемъ. Старшій сынъ его Василій сказалъ мнѣ: у меня нѣтъ лошади: ружье мое находится у одного человѣка, по имени Каака, который живетъ въ Паркынаѣ. Не могу я туда доѣхать, дай мнѣ, крестный отецъ, лошади съѣздить туда. Я спросилъ: много тамъ народу? Василій сказалъ: болѣе 10 юртъ. Тогда я съ радостію сказалъ: вмѣсто тебя я съѣзжу. Онъ весьма обрадовался и сказалъ: если вы поѣдете, то онъ побоится, не будетъ держать и отдастъ ружье. На слѣдующій день я отправился къ Каакѣ въ Паркынай. Тамъ много юртъ. Въ теченіе дня я обошелъ эти юрты и говорилъ жителямъ, начиная отъ созданія неба и земли до послѣдняго вѣка. Они слѣдовали за мной въ каждую юрту. Къ вечеру зашелъ я въ юрту Коордёкъ-Поя, гдѣ жилъ Каака,

и тамъ ночевалъ. На слѣдующій день, взявши съ собой Кааку, я пріѣхалъ въ Улалу. Каака, будучи востребованъ для расплаты за Васильево ружье и не имѣя, чѣмъ заплатить, сталъ жить у меня за плату. Я каждый день помаленьку разговаривалъ съ нимъ. Онъ, слушая меня, сказалъ: я хочу увѣровать въ Бога, но что я буду дѣлать, если не станетъ креститься невѣста, которая у меня высватана? За калымъ я работалъ тестю моему 12 лѣтъ. Я сказалъ ему: если она не крестится, то за твои работы взыщемъ плату. Каака крестился и названъ былъ Арсеніемъ. Вскорѣ послѣ этого я отправился къ невѣстѣ, которую высваталъ Каака и сказалъ ей: Каака крестился для Бога: я пріѣхалъ теперь за тобой. Она сказала: я не говорила ему, чтобы онъ крестился: я не буду креститься. Поэтому я сталъ требовать отъ отца ея уплаты за то, что Каака работалъ ему 12 лѣтъ. Отецъ невѣсты Алтайчи сказалъ: я человѣкъ бѣдный, чѣмъ заплачу я? Но если я крещусь, то и дочь моя крестится, и тогда пойдетъ за того, за кого просватана. Я сказалъ: скажи всѣмъ братьямъ своимъ, чтобы и они крестились ради Бога. Алтайчи собралъ къ себѣ всѣхъ братьевъ. Я въ продолженіи ночи разсказалъ имъ о благости Божіей, о томъ блаженномъ свѣтѣ, въ какомъ пребывать будутъ крещеные и о страшныхъ мученіяхъ, какія назначены для некрещеныхъ. Они слушали это съ удовольствіемъ. На слѣдующее утро отправились со мной въ Улалу 12 мущинъ. Послѣ обученія ихъ молитвамъ въ теченіи двухъ сутокъ, о. Акакій крестилъ ихъ. Оставшихся дома женщинъ и дѣтей отправился крестить о. Степанъ. Остальные крестились на второй годъ, такъ что изъ нихъ некрещеныхъ не осталось ни одного человѣка. Всѣхъ крестившихся было около 50 человѣкъ.

Однажды, я отправился искать пчелъ по долинѣ, что около юртъ, находящихся въ верховьяхъ р. Улалы. Нашедши тамъ одну лѣсину съ пчелами, я остался ночевать въ юртѣ одного некрещеннаго Кайбашъ. Тамъ находилось 5 юртъ. Я обошелъ эти юрты, разсказывая о Богѣ. Одинъ сирота по имени Тадужекъ изъявилъ желаніе креститься и я его привезъ въ Улалу для крещенія. За нимъ крестилось около 20 человѣкъ. Остальные крестились чрезъ 2 года.

Когда о. Макарій Невскій былъ въ Чемалѣ, я ѣздилъ къ нему переводить евангеліе и нѣкоторые псалмы. Въ одинъ вечеръ, лежа на полу и разговаривая съ о. Макаріемъ, я увидѣлъ, что въ дверь вошли 3 человѣка и, поднося къ устамъ моимъ какую-то книгу, сказали: это сладко,—съѣшь. Я съѣлъ, начиная съ одного угла до средины, а они сказали мнѣ: довольно съ тебя и того, что ты съѣлъ и послѣ этого они вышли. Я смотрѣлъ, но ничего проговорить не могъ, а о. Макарій что-то говорилъ про себя, находясь на постели. Пока эти три человѣка давали мнѣ ѣсть книгу, въ это время видны были мнѣ и окна и о. Макарій, но не знаю, спалъ ли я въ это время или нѣтъ и до сего времени я дивлюсь этому. Послѣ этого я жилъ тамъ еще около мѣсяца. О. Макарій каждый день училъ дѣтей грамотѣ и около часа времени обучалъ церковному пѣнію. Когда онъ служилъ въ церкви, то дѣти, не имѣя съ собой, кто бы руководилъ ими въ пѣніи, не могли пѣть стройно. О. Макарій сказалъ мнѣ: привези сюда своихъ дѣтей и поживи съ ними около мѣсяца; здѣшніе попоютъ съ ними и научатся. Послѣ этого я привезъ свою жену и дѣтей и жилъ здѣсь около мѣсяца. Когда настало время сѣнокоса,—всѣ мы возвратились въ Улалу. Послѣ этого учащіеся въ Чемалѣ стали пѣть одни. Кончивши мои работы, я послѣ этого пріѣзжалъ сюда уже одинъ.

Когда о. архим. Владиміръ сталъ начальникомъ миссіи и жилъ въ Улалѣ, то я служилъ у него толмачемъ. Съ нимъ я много разъ ѣздилъ на Алтай, въ Чую и въ Чулышманъ. Бесѣды о. архимандрита объ истинномъ Богѣ я переводилъ язычникамъ. Съ каждымъ годомъ крещающіеся умножались. Онъ много помогалъ бѣднымъ. Въ свободное время я, съ позволенія его, занимался рыбной ловлей. Однажды я рыбачилъ вверхъ по Маймѣ. Тамъ встрѣтился мнѣ человѣкъ съ сѣдѣющими волосами; поздоровавшись, я спросилъ его имя. Имя мое Тискепекъ—отвѣтилъ онъ. Гдѣ живешь?—Счастливо жили мы въ Чапошѣ, а теперь плачемъ въ Караголѣ. Я спросилъ: зачѣмъ же вы оставили мѣсто счастливаго вашего пребыванія и зачѣмъ переселились на мѣсто плача? Онъ отвѣтилъ: нужда заставила перекочевать. Было у насъ родное мѣсто, гдѣ жили споконъ вѣка отцы наши, а те-

перь русскіе „чашечники" (раскольники) пріѣхали къ намъ, стали драться и выгнали насъ; отняли у насъ наши пашни и сѣнокосныя мѣста. Я сказалъ: кто невинно плачетъ отъ обиды, тотъ будетъ послѣ радоваться; впрочемъ, тогда будетъ радоваться, когда будетъ просить Бога и получитъ помощь. Тискенекъ сказалъ: они выстроили себѣ дома; теперь что съ ними дѣлать! Я сказалъ: они обманули начальство, которое завѣдуетъ этой землей; что будто бы Чапошъ пустое мѣсто и жилья тамъ нѣтъ— не такъ ли? Тискенекъ отвѣтилъ: откуда мнѣ знать? Вотъ если бы нашелся способъ выгнать ихъ оттуда! Я сказалъ: если Богъ поможетъ, способъ для этого найдется. Тискенекъ отвѣтилъ: что лучше того, если бы Богъ помогъ, — но гдѣ есть такой Богъ? Я сказалъ: истинный Богъ Многомилостивый, Человѣколюбивый, внемлющій молитвѣ праведныхъ и утѣшающій обиженныхъ есть Іисусъ Христосъ. Тискенекъ отвѣтилъ: какъ мы будемъ молиться, когда мы не знаемъ имени истиннаго Бога и какъ просить Его? Я сказалъ: если бы вы были крещеные, то знали бы. Есть священники, Богомъ поставленные; они заботятся о душахъ всѣхъ людей. Они желаютъ людямъ дѣлать добро, обиженнымъ помогать; оказывать милость душамъ ихъ; плачущихъ утѣшать, заботиться, чтобы и души ихъ по смерти были угодны Богу. Тискенекъ, взглянувши вверхъ на небо, сказалъ: Господи Боже! Если бы Ты содѣлалъ намъ милость, то мы стали бы Твоими. Я сказалъ: передай братьямъ своимъ то, что я тебѣ сказалъ. Тискенекъ отвѣтилъ: они не послушаютъ словъ моихъ; вы сами пріѣзжайте и повторите имъ. Я возразилъ: „вы скажите старшему у насъ священнику (начальнику миссіи) и онъ пошлетъ меня въ ваши юрты". Послѣ рыбной ловли возвратившись домой, я разсказалъ о. архимандриту, что слышалъ. О. архимандритъ далъ мнѣ благословеніе и я, взявши двухъ поющихъ дѣтей моихъ, отправился въ Караголъ. Тамъ было 12 дворовъ. Поставивши возлѣ нихъ свою палатку, я сталъ тамъ жить; но изъ мѣстныхъ жителей никто не подходилъ къ намъ близко. Каждый день, когда я заходилъ къ нимъ въ юрты, старшихъ у нихъ все не было дома. Въ это время они жали хлѣбъ; домой хотя и возвращались, но возвращались поздно. На слѣдующій день они

вставали рано и отправлялись на пашни. И я не могъ съ ними увидаться и поговорить. Такъ прошло много дней. Запасы у насъ истощились; поэтому мы собирали грибы, варили ихъ и ѣли. Дѣти мои готовы были плакать, думая о возвращеніи домой. Въ одинъ день вечеромъ, когда мы пѣли поалтайски: „Достойно есть, яко воистину", подошелъ одинъ мальчикъ, сѣлъ возлѣ огня и слушалъ. Мы дали ему немного сухарей. На второй вечеръ пришли три мальчика; мы дали имъ чаю съ сухарями. На третій вечеръ, когда мы пѣли, съ этими тремя мальчиками пришла одна женщина. Я поговорилъ этой женщинѣ объ истинномъ Богѣ и Его милосердіи. На слѣдующее утро пришелъ Тискенекъ и спросилъ: вы, кажется, уже давно здѣсь живете; видѣлились ли съ вами мои братья? Я сказалъ: я давно сюда пріѣхалъ; они пріѣзжаютъ съ пашни ночью, а утромъ опять уѣзжаютъ на пашню. И такъ, я не могу съ ними увидаться и побесѣдовать. Тискенекъ сказалъ: у насъ есть братъ по имени Каланакъ; мы его слушаемъ, что онъ ни скажетъ. Онъ дома лежитъ больной, сходите къ нему и хорошенько разскажите ему о Богѣ и объ истинной вѣрѣ. Если онъ увѣруетъ въ Бога и крестится, то всѣ здѣшніе двѣнадцать дворовъ увѣруютъ въ Бога,—и Тискенекъ отправился на пашню. Запасу у насъ осталось только на одинъ день. По слову Тискенека, я зашелъ въ юрту Каланака. Онъ лежалъ больной. Увидѣвши меня, Каланакъ всталъ съ постели своей. Я поздоровался съ нимъ; а онъ, поздоровавшись, сказалъ: вы здѣсь прожили, кажется, болѣе десяти дней; по какой надобности вы здѣсь такъ долго живете? Я сказалъ: я не по своей надобности живу здѣсь, но терплю здѣсь холодъ и голодъ, чтобы помочь здѣшнимъ жителямъ. Теперь у меня запасу достанетъ только на одинъ день. Я пріѣхалъ сюда, чтобы здѣшнимъ жителямъ сдѣлать пріятное для нихъ добро, но они съ пашенъ возвращаются ночью, а утромъ рано опять уѣзжаютъ на пашни. Каланакъ сказалъ: ужели вы сюда пріѣхали съ намѣреніемъ сдѣлать намъ добро? васъ старшіе послали? Я сказалъ: меня послалъ старшій священникъ-архимандритъ; онъ мнѣ сказалъ: въ Караголѣ слышно блеяніе Божіихъ овецъ, лишившихся своего мѣстожительства; какъ бы

ихъ не похитилъ здѣшній волкъ діаволъ и послѣ смерти они не попали бы въ адскую огненную бездну. И онъ послалъ меня для того, чтобы я разсказалъ вамъ это на родномъ алтайскомъ языкѣ. Калапакъ сказалъ: я слышалъ объ истинной вѣрѣ отъ о. Макарія Чемальскаго, который умѣетъ говорить потелеутски. Вы мнѣ разскажите обстоятельнѣе объ истинномъ Богѣ. Сказавши это, онъ легъ на постель и сталъ слушать. Я разсказалъ ему, сколько умѣлъ, объ истинномъ Богѣ, объ истинной вѣрѣ. Калапакъ, призвавши всѣхъ своихъ братьевъ, сказалъ: этотъ человѣкъ съ грамотными дѣтьми своими пріѣхалъ сюда для насъ. Они терпятъ здѣсь голодъ и не для того пріѣхали, чтобы сдѣлать намъ зло, но чтобы сдѣлать добро и душамъ нашимъ, и намъ самимъ. Мы приносимъ діаволу скотъ нашъ, данный намъ отъ Бога. Когда пріѣзжаетъ отъ начальства городовой, то и на одинъ день закалываемъ для него двухлѣтняго телепка. Городовые нѣкоторыхъ изъ насъ бьютъ нагайками, а если, что увидятъ хорошее, отнимаютъ; а эти люди, которые пріѣхали къ намъ сдѣлать добро, голодаютъ здѣсь. Заколите для нихъ изъ нашего скота теленка лѣтъ трехъ, кромѣ того дайте руки ваши въ томъ, что увѣруете въ Бога,—не противьтесь, говоря: не будемъ въ Бога вѣровать; худо послѣ будетъ вамъ. Послѣ этого былъ приведенъ и заколотъ трехлѣтній быкъ и они дали руки въ томъ, что желаютъ креститься. Я написалъ все, что было, и все, что слышалъ, и послалъ къ о. архимандриту. На другой день къ намъ привезли съ собою много запасу Иванъ Васильевичъ (Солодчинъ) и Яковъ Степановичъ (Коннинпъ) и врачъ Алексѣй Димитріевичъ (фельдшеръ Воиновъ) и мы, начавшіе было унывать,—теперь ободрились. Терпѣвшіе голодъ теперь стали досыта питаться хорошей пищей. Каждый день мы пѣніемъ славили Бога, каждый день тамошніе жители, возвратившись съ работы, приходили къ намъ и учились молитвамъ. Обучая молитвамъ, мы разсказывали имъ и объ истинной вѣрѣ. О. архимандритъ пріѣхалъ черезъ 6 дней. Прибыло также много людей изъ Чемалы и Улалы. Въ теченіи 3-хъ дней крестили 63 человѣка, а жившіе въ другомъ мѣстѣ крестились послѣ. Впослѣдствіи Чепошскіе крестьяне возвратились на свои мѣста, а ново-

крещенные купили у нихъ избы и стали въ нихъ жить. Вскорѣ послѣ того тамъ построена была церковь. О. Макарій сталъ жить тамъ. Онъ училъ ихъ истинной вѣрѣ, а дѣтей обучалъ грамотѣ. Некрещенныхъ, жившихъ вблизи Чепоша, привелъ въ истинную вѣру. Я пріѣзжалъ къ нему и помогалъ.

Однажды я пріѣхалъ въ Чапошъ. Обучая тамошнихъ жителей, одному старцу за вину его я сдѣлалъ выговоръ. Когда старецъ возвратился домой, я легъ на полъ, чтобы немножко отдохнуть. Немного вздремнувши, вижу, — какой-то человѣкъ, вставши возлѣ меня, сказалъ: ты — человѣкъ молодой, зачѣмъ бранишь и укоряешь старшаго себя? Теперь съ этихъ поръ ты старшимъ себя такъ не говори. Сказавши это, сталъ невидимъ. Я тотчасъ поднялся съ того мѣста, гдѣ лежалъ, осмотрѣлъ избу во всѣ стороны, и никого не нашедши, тотчасъ вышелъ на улицу,—и тамъ никого не было видно. Я удивился и когда вошелъ въ домъ, пришелъ о. Макарій, и когда ему разсказалъ то, что слышалъ, онъ принесъ ко мнѣ и показалъ одну книгу; я почиталъ и узналъ, что это—посланія ап. Павла. Тамъ было написано: старшаго себя не укоряй и не злословь. Съ тѣхъ поръ это не выходитъ изъ памяти моей. Еще,—однажды я пріѣхалъ въ Чапошъ, жилъ тамъ три дня, занимался съ о. Макаріемъ переводомъ изъ Св. Писанія. Въ одинъ день, когда я отдыхалъ на полу, то увидѣлъ стоящаго у ногъ моихъ Ивана Васильевича Солодчина. Онъ сказалъ мнѣ: скорѣе возвратись въ Улалу: мы тамъ будемъ вдвоемъ разсказывать ученикамъ изъ Св. Писанія и самъ то ты поучишься, чтобы знать это. (Въ это время я не могъ ни пошевелиться на томъ мѣстѣ, гдѣ лежалъ, ни слова сказать въ отвѣтъ). Сказавши это, онъ вышелъ на улицу. Я вскочилъ и тотчасъ вслѣдъ за нимъ также вышелъ на улицу; посмотрѣлъ,—никого не видно,—а Иванъ Васильевичъ былъ въ это время въ Улалѣ. Чрезъ два дня послѣ этого, я возвратился въ Улалу. На другой день по возвращеніи моемъ, о. архимандритъ сказалъ мнѣ: хорошо, что ты скоро возвратился; завтра Иванъ Васильевичъ Солодчинъ будетъ ясно разсказывать ученикамъ изъ Св. Писанія, и ты тамъ слушай, — научишься и будешь знать. Я до сихъ поръ дивлюсь видѣнному въ Чапошѣ.

Весной этого года о. архим. Владиміръ, отправляясь въ Россію, сказалъ мнѣ: что ты доселѣ дѣлалъ, того и послѣ не оставляй;—Богъ тебя не оставитъ, — пропитаетъ тебя, работы Господу Богу еще не будутъ скудны. Сказавши это, онъ благословилъ меня и отправился. Нѣкоторые изъ новокрещенныхъ остались отъ него со слезами. Послѣ этого, когда о. Макарій отправился въ Россію, — новокрещенные спрашивали у меня: куда отправился о. Макарій? Я сказалъ: онъ поѣхалъ въ Россію. Нѣкоторые сказали со слезами: теперь, когда онъ оставилъ насъ, кто будетъ учить, руководить нами? Я, видя ихъ слезы и самъ не утерпѣлъ, заплакалъ. Когда о. Макарій уѣхалъ съ о. архимандритомъ, я занимался переводомъ житій святыхъ. Въ это время мнѣ не стали давать денегъ и я скорбѣлъ о томъ, что у меня ничего не было ни ѣсть, ни пить. Сверхъ того, жена моя каждый день роптала на меня, говоря: ты неотлучно жилъ съ священниками, не имѣя себѣ покою, а теперь умрешь съ голоду,—не грѣхъ ли тебѣ будетъ, что ты заставишь дѣтей своихъ голодать и плакать. Такой ежедневный ропотъ ея былъ для меня прискорбнѣе самаго голода. Когда я такъ скорбѣлъ, приближался праздникъ Пасхи. Жена моя сказала: вотъ три дня осталось до Пасхи; скажи мнѣ: радоваться ты будешь въ Пасху или плакать? Люди въ Пасху радуются и веселятся, а мы съ дѣтьми будемъ скорбѣть и нуждаться. Я сказалъ: кто плачетъ, тотъ будетъ послѣ радоваться и веселиться. За два дня до Пасхи съ печалью на душѣ я смотрѣлъ въ окно; въ это время одинъ сѣдобородый старецъ подъѣхалъ къ нашимъ воротамъ и сталъ выходить изъ саней. Я вышелъ къ нему и поздоровался, а онъ сказалъ: я тебѣ привезъ пшеничной муки, — куда высыпать? Я спросилъ: кто мнѣ послалъ муку? Онъ отвѣтилъ: я привезъ вамъ свою муку. Я спросилъ: ты продаешь муку? почемъ? Онъ отвѣтилъ: по 70 копѣекъ. Я сказалъ: ты, должно быть, озябъ,—зайдемъ въ избу. Онъ зашелъ въ домъ и сѣлъ около дверей. Я сказалъ: пей съ нами чай. Онъ отвѣтилъ: я чай не пью. Пока мы пили чай,—все молчали. Посидѣвши такъ, онъ сказалъ: куда муку высыпать? Пойдемъ, высыплемъ. Я сказалъ: у меня денегъ нѣтъ,—что я тебѣ дамъ? Онъ отвѣтилъ: я денегъ

и не прошу; послѣ, какъ пріѣду, возьму. Свѣсили муку и ссыпали; оказалось 17 пудовъ. Я сказалъ: зайди въ избу, погрѣйся; тамъ вдвоемъ и поговоримъ съ тобой. Я зашелъ въ избу, сѣлъ у окна и смотрю: онъ сѣлъ въ сани и отправляется домой. Я побѣжалъ за нимъ, догналъ и спросилъ: какъ тебя зовутъ? Онъ сказалъ: „Ярасимъ“ (Герасимъ); — больше ничего не сказалъ и поспѣшилъ уѣхать. Я остался, удивляясь этому. Послѣ этого онъ за деньгами не пріѣзжалъ. Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ и я не забываю случившагося и дивлюсь этому.

Послѣ этого наканунѣ Пасхи Александръ Степановичъ (Комининъ мѣстный житель) принесъ намъ говядины больше пуда и мы, благословляя Бога, провели Пасху въ радости и веселіи. Когда стала истощаться мука, данная Герасимомъ, нѣкто Борисовъ—засѣдатель просилъ меня принять его къ себѣ на квартиру. Я сказалъ: если хотите занимать оба этажа и будете платить по восьми цѣлковыхъ, то живите. И онъ перешелъ къ намъ съ семействомъ жить; а я не сталъ нуждаться въ пропитаніи. Вскорѣ послѣ этого я получилъ сорокъ цѣлковыхъ, присланныхъ изъ Россіи о. Макаріемъ, затѣмъ вскорѣ получилъ еще сорокъ цѣлковыхъ, присланныхъ о. архим. Владиміромъ. Жена моя радовалась. Я, видя радость ея, сказалъ: не говорилъ ли я тебѣ, что кто работаетъ Богу, съ голоду не умретъ? Узнала ли теперь ты это? Послѣ этого разсказалъ ей о Богѣ и изъ житій святыхъ.

25 лѣтъ я служилъ въ миссіи толмачемъ и переводилъ Священное Писаніе на Алтайскій языкъ. За это въ 1863 году я получилъ въ награду отъ благовѣрнаго императора Александра Николаевича—золотую медаль. Послѣ этого до 6 лѣтъ еще служилъ толмачемъ; а на 7-й преосвященный Платонъ, епископъ Томскій и Семипалатинскій, пріѣхавши въ Улалу, сказалъ мнѣ: завтра на обѣднѣ я тебя рукоположу во діакона; приготовься къ завтрашнему дню. Услышавши это слово, я вышелъ, какъ бы обвиненный въ чемъ и возвращался домой со слезами. Въ такомъ положеніи лежавшія на дорогѣ щепы въ глазахъ моихъ казались большими. Когда я пришелъ домой, жена моя сказала: о чемъ ты плакалъ? Я отвѣтилъ: завтра архіерей меня хочетъ

поставить во діаконы. Сказавши это, я сталъ къ окну и плакалъ, опершись руками о косяки. Жена сказала: глупый ты! Что ты смотришь туда? не хочешь ли бѣжать въ пихтачъ? Молись и проси у Бога: Онъ тебѣ поможетъ. Тогда я подумалъ про себя: у меня нѣтъ ни рясы, ни подрясника; въ одинъ день когда успѣешь это сшить? Архіерей дожидаться не будетъ, — скоро уѣдетъ домой. Я уже двоился мыслями: не остаться ли мнѣ тѣмъ, чѣмъ я былъ. Въ это время въ мою ограду заѣхалъ торговецъ и сталъ отпрягать лошадей. Вскорѣ пришелъ и о. Макарій. Онъ купилъ у купца люстрину и, отдавая мнѣ, сказалъ: пусть дѣти сошьютъ тебѣ изъ этого подрясникъ; — завтра тебѣ это нужно будетъ. Я ничего не могъ сказать въ отвѣтъ на это. Послѣ этого въ тотъ же часъ пришелъ ко мнѣ одинъ ученикъ и сказалъ: тебя зоветъ о. архимандритъ. Когда я зашелъ къ о. архимандриту Владиміру, онъ благословилъ мнѣ рясу. Я, подобно человѣку, у котораго связаны руки и ноги, —возвратился домой. Черезъ часъ Иванъ Васильевичъ Солодчинъ далъ мнѣ шляпу, говоря: діакону слѣдуетъ носить шляпу; это тебѣ завтра нужно будетъ. Тогда я подумалъ про себя: вѣрно отъ Божьяго опредѣленія не убѣжать? Вечеромъ я прочиталъ правило, —утромъ всталъ рано и также прочиталъ правило. Послѣ этого поѣхалъ въ общину; тамъ меня сдѣлали діакономъ. Послѣ этого мнѣ стало легко. Благодать Духа Божія вразумила меня. Чрезъ 7 лѣтъ сдѣлали меня священникомъ-миссіонеромъ. Чрезъ два года дали набедренникъ; въ тотъ же годъ наградили скуфьей. Того же года 1 сентября меня отправили въ Чулышманъ, чтобы я тамъ былъ миссіонеромъ. Въ Чулышманъ я ѣхалъ 6 дней. Тамъ я, посѣщая каждую юрту, ознакамливался съ некрещенными, разсказывалъ о Богѣ и о святой истинной вѣрѣ. Мое пребываніе тамъ не было напраснымъ. При Божіей помощи, многіе увѣровали въ Бога. Въ теченіи 10 лѣтъ болѣе 1000 язычниковъ стали чадами Божіими. Нѣкоторые изъ нихъ одержимы были недугомъ бѣсованія. Съ принятіемъ крещенія они получали полное выздоровленіе. Нѣкоторые изъ нихъ были связываемы по рукамъ и ногамъ. Сила Божія разрѣшала узы діавола и они доселѣ пребываютъ здоровыми. Некрещеные, видя милость и силу Божію,

обращались къ Богу съ твердою вѣрою и крестились. Во время болѣзни они служили молебны св. Пантелеимону и Божіей Матери. Иногда затрудняясь дальностію пути къ священнику, новокрещенные собирали къ себѣ побольше людей и всѣ вмѣстѣ молились за больнаго и Богъ милостиво внималъ ихъ твердой вѣрѣ и молитвѣ. Больные иногда въ тотъ же день выздоравливали. Если больной послѣ молитвы въ одинъ или два дня не выздоравливалъ, то они узнавали по сему, что наступилъ день его кончины и посылали за священникомъ. Видя ихъ столь твердую вѣру, я весьма радовался.

Пріѣхавши въ Чулышманъ, я до двухъ лѣтъ обучалъ новокрещенныхъ всему тому, что нужно было для нихъ: и сани дѣлать, и телѣгу устраивать и соху направлять, и избу строить и тесъ пилить; обучалъ и другимъ дѣламъ домохозяйства. Каждую недѣлю по ночамъ, доколѣ не приходила пора спать, — я собиралъ ихъ въ училище и бесѣдовалъ съ ними. Послѣ этого училъ ихъ молитвамъ и отпускалъ домой. Молодымъ людямъ, приходившимъ изъ Алагана, Башкоуса и Чедры, я дарилъ букварн. Поучивши ихъ немного, хвалилъ за успѣхъ и отпускалъ домой. Прежде всѣхъ учился Николай Майзамъ. Получивши отъ меня букварь, онъ ходилъ съ нимъ въ каждую юрту и понемногу обучалъ. Посылалъ я къ нимъ также учителя Андрея Паяркина и онъ ходилъ по юртамъ, обучалъ по-маленьку букварю и, когда они выучивали азы, возвращался домой. Изучившіе букварь обучали этому и другихъ. Научившихся такимъ образомъ было болѣе 100 человѣкъ. Съ тѣхъ поръ они стали учить другъ друга.

Однажды я отправился къ некрещеннымъ, жившимъ въ мѣстности, называемой Копушъ. Тамъ было три юрты. Зашелъ я въ одну изъ нихъ и увидѣлъ въ передней сторонѣ юрты, гдѣ стоятъ сумы съ имуществомъ, лежитъ букварь. Я спросилъ: кто учится по этому букварю? Одна молодая женщина сказала: я училась. Я заставилъ ее прочитать; прочитала она хорошо. Кто тебя училъ? спросилъ я ее. „Николай Майзамъ немного училъ, а иногда прошу знающихъ людей, чтобы они показали мнѣ“. Я похвалилъ ее, говоря: отсюда ты, узнавши истиннаго

Бога, будешь чадомъ Его. Она сказала: для того я и учусь, чтобы быть чадомъ Божіимъ. Я сказалъ: если будешь твердо вѣрить въ Бога и крестишься, то будешь счастлива, дочь моя. Послѣ этого я разсказалъ ей о Богѣ и о благости Божіей. На другой годъ она крестилась, а съ ней крестились 17 человѣкъ.

Однажды я отправился въ вершину Башкоуса; тамъ крестилъ 9 человѣкъ; заходилъ въ юрту некрещеnаго язычника Семеона, побесѣдовалъ съ нимъ о Богѣ. Посидѣвши, я взглянулъ въ переднюю сторону юрты и увидѣлъ тамъ на сумахъ, въ которыхъ хранится имущество, разослапъ платъ, а на немъ лежитъ букварь. Я спросилъ: кто это изъ васъ учится грамотѣ? Семеонъ сказалъ: Николай Майзамъ, который съ вами ѣздитъ, онъ далъ это нашимъ ребятамъ. Теперь учатся у меня два сына; одинъ изъ нихъ хорошо разбираетъ. Теперь они уѣхали къ Соенцамъ; вотъ если бы они были дома, то вы послушали бы ихъ.

Живя въ Чулышманѣ, я каждый годъ въ январѣ мѣсяцѣ ѣздилъ въ Улалу на общее собраніе миссіонеровъ. Въ Улалу ѣздилъ я чрезъ Телецкое озеро на лодкѣ. Это озеро зимами бываетъ весьма бурно и днемъ, и ночью. Берега этого озера окаймлены горными утесами, такъ что нельзя ни на лошади проѣхать, ни пѣшкомъ пройти, а на озерѣ была страшная буря. Переѣзжая чрезъ это бурное озеро, я два раза милостію Божіей былъ сохраненъ отъ смерти. Однажды, на обратномъ пути изъ Улалы въ Чулышманъ, переѣзжая озеро, мы доплыли до Кугава. Далѣе этого ѣхать было нельзя; мы вошли въ пещеру и тамъ прожили 16 сутокъ. Озеро страшно волновалось. Запасъ нашъ сталъ истощаться; мы стали употреблять его по-маленьку. Двое спутниковъ моихъ плакали. Я, видя ихъ слезы, укрѣплялъ и утѣшалъ ихъ, а въ тоже время тайно отъ нихъ ночью молился, прося у Бога помощи. Милосердый Господь услышалъ нашу грѣшную молитву; не далъ намъ умереть. На семнадцатый день волненіе озера стало утихать Мы помолились Богу и отправились на лодкѣ. Въ дорогѣ ночевавши одну ночь, прибыли въ Чулышманъ. Послѣ этого, два дня питались только часомъ. На другой годъ опять на обратномъ пути изъ Улалы въ Чулышманъ проѣзжая озеро, въ той же пещерѣ провели 20 сутокъ.

Запасу у насъ осталось дня на два, а можетъ и того менѣе. Работники мои и псаломщикъ готовы были плакать, а я опять тайно отъ нихъ молился. Въ одинъ день, поднявшись рано, я посмотрѣлъ и вижу, что озеро ночью замерзло. Я попробовалъ ледъ около берега и нашелъ, что поднять человѣка не можетъ. Еще ночевали; смотрю озеро крѣпко замерзло; а вѣтеръ дулъ попутно по направленію къ Чулышману. Мы взошли на гору и оттуда увидѣли, что озеро замерзло верстъ на 20, а далѣе на такомъ же пространствѣ не замерзло. Мы, не имѣя возможности провести лодку до того мѣста, гдѣ озеро не замерзло, изъ палатки нашей сдѣлали къ лодкѣ парусъ и столкнули лодку на ледъ и когда стали двигать ее по льду, то она легко пошла. По мѣрѣ того, какъ усиливался вѣтеръ, лодка двигалась быстрѣе и быстрѣе. Мы уже стали ее сдерживать, а для этого привязали къ ней веревки и съ обѣихъ сторонъ лодки, сдерживая за веревки, мы бѣжали вслѣдъ за ней. Когда прибыли къ тому мѣсту, гдѣ вода не замерзла, — мы сварили и напились чаю. Послѣ этого, когда мы спустили лодку на озеро и поплыли, вдругъ поднялся вѣтеръ съ туманомъ и снѣгомъ. На озерѣ поднялась большая буря. Къ тому же и берега были не видны. Мы сбились съ пути. Въ такомъ безпомощномъ положеніи мы отдались въ волю Божію; не стали грести и дали лодкѣ свободу. Когда вѣтромъ забило нашу лодку въ сплошной ледъ, спутники мои стали кричать и плакать. Нѣкоторые говорили: дно золотаго озера будетъ гробомъ, гдѣ лягутъ наши кости. Повторяя это, они легли на дно лодки; а волны со льдомъ били лодку съ обѣихъ сторонъ. Я весьма опасался, что лодку скоро разобьетъ. Сверхъ того, плачъ спутниковъ моихъ трогалъ мое сердце и я весьма скорбѣлъ. Въ это время въ мысляхъ моихъ мнѣ представился какъ бы воочію Св. Николай и припомнилась мнѣ его помощь въ прежнее время, ибо онъ, когда я неводилъ прежде, дважды мнѣ помогъ. Тогда я далъ обѣщаніе поставить въ честь его на берегу озера молитвенный домъ. Съ того прошло уже много времени, а я обѣщанія своего все еще не исполнилъ. Вспомнивши теперь объ этомъ, я сталъ молиться Святит. Николаю, говоря: если теперь спасенъ буду отъ смерти, то здѣсь,

на берегу озера, въ честь твоего имени поставлю молитвенный домъ. Между тѣмъ лодка наша вошла въ ледъ почти на тридцать саженъ. Съ каждымъ напоромъ вѣтра она двигалась все дальше. Помолившись Святителю Николаю, я увидѣлъ, что ледъ отъ носа нашей лодки началъ раздвигаться на двое. Впереди лодки озеро очистилось отъ льда (узкой полосой) до самаго того мѣста, гдѣ уже не было льду,—и впереди открылся путь, подобно просѣкѣ среди густаго лѣса. Ледъ шелъ противъ вѣтра. При видѣ такого чуда, жаръ проникъ тѣло мое;—я былъ въ трепетѣ; гортань онѣмѣла и я долго ничего не могъ проговорить. Потомъ сказалъ спутникамъ: вставайте,—не плачьте,—Богъ намъ помогъ. Они поднялись и, молча, перекрестились. Я направилъ носъ лодки въ очистившееся отъ льда мѣсто и лодка сама туда стала двигаться. Работники мои взяли весла и хотѣли—было грести, но я запретилъ имъ это,—запретилъ для того, чтобы они видѣли милость Божію; мы нисколько не гребились, а лодка сама, будто двигаясь на веслахъ, плыла и вышла изо льда. Мы оглянулись назадъ: открывшаяся дорожка, которую мы проѣхали, опять сошлась въ массу сплошнаго льда. Пока мы стояли въ раздумьи, по какому направленію намъ теперь плыть,—пространство очистилось отъ тумана и снѣга и показались берега Бели; туда мы и направились плыть водою. Такъ, по милосердію Божію, съ помощью Св. Николая, мы вышли на берегъ Бели. Пока тамъ варили и пили чай, никто изъ насъ ни одного слова не проговорилъ. Чрезъ нѣкоторое время я сказалъ: ребята! видѣли ли вы это чудо? Жена моего работника отвѣтила: если кто изъ насъ скажетъ, что въ этотъ день я не видалъ чудесной помощи Божіе, да накажетъ того Богъ. Другіе сказали: конечно, это чудо мы не забудемъ во всю жизнь нашу. Въ тотъ день ночевавши, при Божіей помощи переправились черезъ озеро и вышли въ Кырсаѣ, что на устьѣ Чулышмана. Пока доѣхали до дому, мы чувствовали на душѣ скорбь, какъ будто обвиненные въ чемъ. На второй годъ, исполняя мое обѣщаніе, я выстроилъ во имя Святителя Николая молитвенный домъ, въ которомъ есть и престолъ. Пока строился этотъ домъ, всѣ язычники, тамъ жившіе, увѣровали въ Бога и крестились. Нѣкоторыхъ изъ нихъ

крестилъ преосвященный Макарій. Всѣхъ крещеныхъ тамъ болѣе сотни.

Крещеніе Аккорымскихъ жителей.

Въ Аккорымѣ жили некрещенные болѣе 10 юртъ. Они жили отъ моего мѣстожительства въ разстояніи около 20 верстъ. Въ теченіи пяти лѣтъ я много разъ бывалъ у нихъ, бесѣдовалъ съ ними о Богѣ, о Его благости, о Его чудесахъ; разсказывалъ, начиная отъ Адама до послѣдняго вѣка. Они говорили: такія бесѣды мы слышали здѣсь отъ миссіонера Макарія, говорившаго по-Алтайски. Хотя онъ и правду говорилъ, но мы не смѣемъ оставить вѣру нашу, которую мы унаслѣдовали отъ предковъ. Еще говорили: мы боимся, что если мы крестимся и примемъ другую вѣру, то земля и вода, богатый Ульгень и духи, которымъ мы приносимъ жертву, прогнѣваются на насъ и будутъ дѣлать намъ зло. И что за нужда намъ креститься? Новокрещенные, хотя ходятъ въ церковь и молятся Богу, но они живутъ не лучше, не богаче насъ. Слыша отъ нихъ такія слова, я говорилъ имъ: изъ новокрещенныхъ самый безпомощный, бѣдный имѣетъ чудесное, никогда не оскудѣваемое имущество, — поэтому онъ богаче самаго богатаго изъ васъ. Затѣмъ бесѣдовалъ съ ними о неоскудѣваемомъ небесномъ сокровищѣ. Нѣкоторые изъ нихъ стали колебаться въ мысляхъ и говорили: можетъ быть, когда нибудь мы и крестимся, но теперь пока нѣтъ у насъ такого желанія. Видя ихъ колебанія, я сталъ посылать къ нимъ по праздникамъ псаломщика Якова и онъ ѣздилъ къ нимъ, бесѣдовалъ съ ними. Однажды, на третій день праздника Пасхи я послалъ къ нимъ Якова для бесѣды. Черезъ сутки онъ прислалъ ко мнѣ письмо: здѣшніе жители почему-то стали въ разговорахъ своихъ со мной грубы; нѣкоторые вовсе не слушаютъ моихъ бесѣдъ; я хочу воротиться домой Прочитавши это письмо, я пришелъ въ волненіе, разгорѣлось мое сердце. Я зазвонилъ въ колокола, сбѣжались новокрещенные, большіе и малые и тревожно спрашивали; что случилось? Я сказалъ: подымите иконы Спасителя, Божіей Матери и Святыхъ и отправляйтесь

вверхъ по Чулышману къ крещенымъ, живущимъ въ Коо. Тамъ переночуйте; утромъ рано я пріѣду туда. Тамъ я обойду жилища новокрещенныхъ, а потомъ будемъ кропить святой водой тѣ юрты, которыя объяты огнемъ бѣсовскимъ, чтобы угасить этотъ огонь. Новокрещенные въ недоумѣніи спрашивали: чьи же юрты горятъ? Я сказалъ: увидите, когда будете тамъ. Собралось много людей, подняли святыя иконы и отправились къ новокрещеннымъ въ Коо. Прибыли туда уже ночью. Я помолился Богу, на слѣдующій день всталъ рано, пріѣхалъ туда и обошелъ съ молитвою всѣ юрты новокрещенныхъ. Потомъ мѣстнаго старшину послалъ къ некрещенымъ жителямъ Ак-корыма, заказавши ему: ты поѣзжай къ жителямъ Ак-корыма и передай имъ слова вѣрнѣе; передай, меня послалъ къ вамъ священникъ сказать вамъ, что съ нимъ невидимо идетъ къ вамъ Царь царей и Его Сынъ и Его слуги, идутъ они къ вамъ, имѣя о васъ великое попеченіе. Пусть соберутся всѣ, — и старые и молодые и выйдутъ на берегъ Чулышмана и встрѣтятъ ихъ съ почетомъ. Пусть не затворяютъ дверей юртъ своихъ, чтобы не прогнѣвался на нихъ Сынъ Царя. Скажи, что такъ велѣлъ сказать священникъ. Сказавши это, я велѣлъ старшинѣ повторить эти слова нѣсколько разъ, чтобы онъ не забылъ; и благословивши его, сказалъ; ты не говори, что сюда принесены иконы. Старшина Яковъ отправился. Мы, напившись чаю, подняли св. иконы и отправились къ нимъ съ пѣніемъ „Христосъ воскресе". Приближаясь, увидѣли, что Ак-Корымскіе язычники— старые и малые, одѣвшись въ лучшія одежды, стоятъ на берегу Чулышмана, ожидая насъ. Когда мы приблизились, нѣкоторые стали на колѣни. Я видя, что они такъ встрѣчаютъ и кланяются, прослезился и стоялъ нѣсколько времени, не могши проговорить слова. Потомъ черезъ нѣкоторое время сказалъ: если хотите быть счастливы, то указывайте дорогу въ ваши юрты. Сперва повелъ насъ къ себѣ Чаданъ; день уже склонялся къ вечеру; до юрты Чадана было около версты. Когда мы шли туда съ пѣніемъ, всѣ некрещеные шли по обѣимъ сторонамъ св. иконъ. Прибывши въ юрту Чадана, я сказалъ: гдѣ поставить эти св. иконы на ночь? Чаданъ сказалъ: поставить ихъ въ нашей

юртѣ неприлично, ибо въ юртѣ стоятъ поганые идолы; пусть почуютъ въ новой деревянной юртѣ, внутренность которой чиста; я соберу войлоки и покрою ими верхъ юрты. Сказавши это, онъ принесъ войлоки и закрылъ. Мы занесли туда въ эту юрту св. иконы и поставили тамъ. Некрещеные, вышедшіе на встрѣчу, всѣ заходили въ эту юрту и съ удовольствіемъ разсматривали св. иконы. Я, показывая имъ образъ Спасителя, сказалъ: „вотъ образъ Іисуса Христа, Сына Царя Царствующихъ. Я вамъ прежде говорилъ о Немъ и объ Его благости; вы тогда пренебрегали Имъ. Онъ невидимо здѣсь пребываетъ и весьма жалѣетъ васъ, желаетъ, чтобы вы не были слугами діавола, а стали дѣтьми Его, имѣющими право получить отъ Него наслѣдство. Онъ желаетъ, чтобы вы не попали въ адъ на мученіе вмѣстѣ съ діаволомъ, но получили нескончаемое блаженство на небесахъ. Я вашъ Господь Богъ — говоритъ Онъ, пусть не будутъ у васъ иные боги, кромѣ Меня. Онъ желаетъ, чтобы вы не поклонялись ничему, что подъ небесами или на землѣ и что подъ землей, ибо все, что есть на небѣ; все, что на землѣ— Мое созданіе. Я Господь Богъ, сотворившій все,—пріидите ко мнѣ всѣ и Я упокою васъ. Нѣкогда Господь Богъ, возносясь отъ земли на небо, ученикамъ Своимъ далъ заповѣдь: идите во весь міръ и проповѣдуйте евангеліе всей твари. Кто увѣруетъ и крестится, тотъ спасенъ будетъ, а кто не увѣруетъ, тотъ осужденъ будетъ. По заповѣди Божіей, я много разъ приходилъ и бесѣдовалъ съ вами объ Истинномъ Богѣ и объ истинной вѣрѣ, но вы не вѣровали въ Истиннаго Бога; теперь Богъ какъ бы Самъ пришелъ къ вамъ въ своей иконѣ. Онъ Самъ здѣсь невидимо стоитъ между нами“. Затѣмъ я разсказалъ имъ объ Іисусѣ Христѣ все, начиная отъ рожденія Его до кончины вѣка. Они, вышедши изъ юрты, собрались вдали отъ насъ на чистомъ мѣстѣ, сѣли въ кружокъ, курили и около получаса разговаривали между собой. Затѣмъ, пришедши къ намъ, сказали: мы всѣ вѣруемъ въ Бога, и хотимъ креститься. Когда вы будете насъ крестить? Я сказалъ: Богъ ждетъ васъ каждый часъ; сейчасъ записывайте вашихъ крестныхъ отцевъ, крестныхъ матерей и ваши имена. И они стали записывать свои имена, сво-

ихъ крестныхъ отцовъ и матерей. Діаконъ и псаломщикъ, сидя каждый отдѣльно, записывали до самой полуночи. Всѣхъ записавшихся было 38 человѣкъ. На утро мы учили ихъ молитвамъ; между прочимъ, я сказалъ: въ прежнія времена увѣровали въ Бога въ одинъ день 40 человѣкъ. Одинъ изъ нихъ отрекся отъ Бога и тотчасъ померъ, а тридцать девять человѣкъ не отреклись отъ Бога и на главы ихъ сошли съ небесъ свѣтлые вѣнцы. Одинъ язычникъ, видя это, сказалъ: изъ сорока человѣкъ, увѣровавшихъ въ Бога, одинъ отрекся и я видѣлъ, что вѣнецъ, который посланъ былъ ему отъ Бога, опять поднялся на небо. И такъ, чтобы осталось полное число сорока человѣкъ, вмѣсто отрекшагося отъ Бога, я вѣрую въ Него. И онъ, дѣйствительно увѣровалъ въ Бога. Теперь у насъ до сорока недостаетъ двухъ. Если бы сегодня крестилось сорокъ человѣкъ, то они уподобились бы тѣмъ сорока. Они сказали: кажется, у насъ два человѣка найдется. Сказавши это, они сходили въ одну юрту и привели одну дѣвицу; а потомъ пришелъ еще одинъ больной. Тогда они сказали: теперь, по милости Божіей, стало 40 человѣкъ; еще къ Соенцамъ уѣхали 14 человѣкъ и они, когда возвратятся, крестятся. Мы здѣсь почевали, а на утро окрестили ихъ во имя Отца и Сына и Св. Духа. Они проводили насъ, неся святыя иконы до самой переправы черезъ Чулышманъ, и мы съ пѣніемъ „Христосъ воскресе изъ мертвыхъ“, возвратились домой. Вскорѣ послѣ этого я послалъ имъ псаломщика поучить ихъ молитвамъ. Въ непродолжительномъ послѣ этого времени и остальные жители увѣровали въ Бога и крестились.

Когда я пріѣзжалъ въ Улалу на собраніе миссіонеровъ, то, поживши здѣсь около недѣли, ѣздилъ къ своимъ Бачатскимъ Телеутамъ; жилъ тамъ болѣе мѣсяца, потомъ возвратился въ Чулышманъ. Такъ былъ около четырехъ разъ. Всякій разъ, когда я пріѣзжалъ туда, крестилъ тамошнихъ язычниковъ и училъ ихъ истинной вѣрѣ. Прежде чѣмъ я началъ къ нимъ ѣздить, новокрещеные жили вмѣстѣ съ некрещеными, уподобляясь тѣмъ людямъ, которые платятъ двѣ дани. Такихъ людей для меня учить было труднѣе, чѣмъ новокрещеныхъ. Въ слѣдующіе годы учить ихъ мнѣ стало полегче, ибо всякій разъ, пріѣзжая къ нимъ въ

великій постъ, я заставлялъ ихъ говѣть и въ это время обучалъ ихъ истинной вѣрѣ и заповѣдямъ Божіимъ и жить сообразно этому ученію. Они много разъ говорили мнѣ: если бы здѣсь выстроили церковь и поставили къ намъ священника, который могъ бы учить насъ на родномъ нашемъ языкѣ, то мы не стали бы колебаться и уклоняться на злое; а я имъ говорилъ: если вы истинно такъ думаете, то Господь дастъ вамъ то, въ чемъ вы нуждаетесь; ибо Господь не отказываетъ тѣмъ, кто проситъ угодное Ему. Таковыя желанія дошли до Бога: теперь они имѣютъ у себя каменный храмъ [1]) и священника, знающаго Телеутскій языкъ. Богу да будетъ слава во вѣки вѣковъ!

Дѣти мои! Это описаніе моей жизни я передаю вамъ, какъ завѣщаніе для того, чтобы вы работали Господу болѣе, чѣмъ сколько я работалъ Ему. Даю вамъ мое благословеніе, которое да будетъ на дѣтяхъ дѣтей вашихъ изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ.

Наставленіе.

Дѣтямъ моимъ—наслѣдникамъ.

Пусть будутъ урокомъ для нихъ эти слова;
Пусть будутъ наставленіемъ *отъ рода до рода*.
Не выходи на брань, держа въ рукахъ петлю,
Чтобы не попасть тебѣ въ бѣду, которой не забыть.
Не выходи на ссору, держа въ рукахъ ножъ
И не будешь плакать, попавши подъ дѣло.
Щекотливый языкъ держи за оградой
И не будешь горевать, попавши въ бѣду.
Держи языкъ свой подъ гортанью
И не будетъ тебѣ стыдно и на вешнемъ льду.

—

Не давай свободы—воли языку на тихомъ плесѣ
И не будешь моргать глазами и плакать.

---

[1]) Этотъ храмъ выстроенъ Московскимъ фабрикантомъ А. С. М—мъ.

Не многословь громко и не придетъ послѣ страхъ на тебя.
Не клевещи на человѣка и не будешь послѣ печалиться.

—

Да не исходитъ изъ устъ твоихъ нечистое слово
И не будешь преданъ великому мученію.
Сквернословца не любитъ Богъ
И предастъ его мученью, изъ котораго не выйти.

—

Долгая рука.

Не бери у людей лишняго
И не попадешь въ горькую бѣду.
Не протягивай своихъ рукъ
И избѣгнешь будущихъ мукъ.

—

Не подымай руки на того, кто укорилъ тебя,
И не придетъ къ тебѣ бѣда изъ рукава.
Пусть не жадничаетъ рука твоя
И не будутъ проклинать тебя люди.

—

Держи руки на работѣ,
Принуждай ихъ гнуться.
Гибкая рука созидаетъ (устрояетъ)
А не гибкая портитъ.

—

Твори руками милостыню
И будешь послѣ радоваться.

—

Хвастливый герой не разбогатѣетъ.

Не будь хвастливъ геройствомъ,
И будь воздержанъ при довольствѣ.
Горделивый герой смирится,
Онъ потеряетъ голову,—и не будетъ его.

—

Сокращается жизнь того, кто хвалится силою
И онъ не увидитъ свѣта солнечнаго.
Не хвались чиномъ предъ старшимъ тебя.
Не тщеславься своимъ преимуществомъ.

—

Старшимъ будь послушенъ,
Что услышишь, помни.
Предъ сановникомъ будь смиренъ.
Не будь дерзокъ и увертливъ.

—

Предъ начальникомъ твоимъ будь кротокъ,
Послушливо склоняй предъ нимъ голову,
Наставленія его слушай,
Не будь напыщенъ и дерзокъ.

—

Удовлетвори желаніе его и почитай его.
Не будь честолюбивъ и непокоренъ.
Предъ начальникомъ не возносись;
Знаніемъ твоимъ не хвались.

—

Предъ людьми не красуйся,
Поминай послѣдня твоя и смирися.
Предъ народомъ не показывай своего господства
И не будешь осмѣянъ и посрамленъ.

—

Не притворяйся и не извивайся, какъ змѣя,
И не будешь злословимъ невинно.
Не обольщай людей своей ложною добротою
И не испытаешь печали отъ злословія.

—

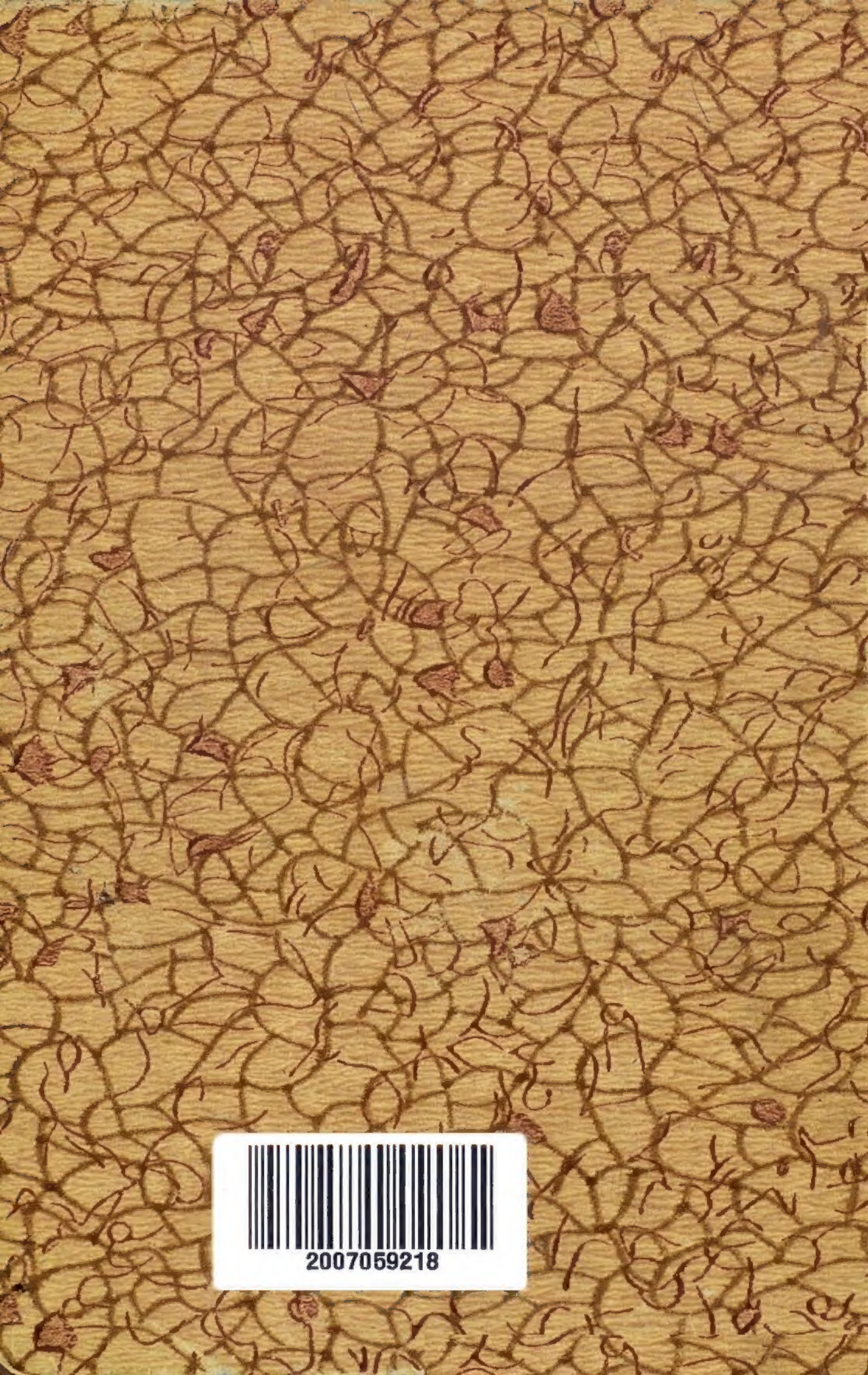
Не гордись ни властію, ни богатствомъ,
Живи, какъ Богъ опредѣлилъ.
Не будь высокоуменъ
И не подвергнешься великимъ мукамъ.

—

Не замышляй зла на человѣка
И не постигнетъ тебя зло.
Злоумышленникъ будетъ проклятъ
И пойдетъ во адъ, въ огненную тьму.

—

Дѣти мои!
Плоть моя и кости мои ослабѣли,
Я жду пришествія Вѣстника.
Жизнь моя сократилась
Долго ли еще проживу, не знаю,
Силы мои ослабѣли.
Долго ли продлится день мой, не знаю
Путь жизни моей сократился.
Слова рѣчи моей истощились,
Огонь очей моихъ сталъ гаснуть...
Помышленія задерживаются въ груди моей
Много я пережилъ печалей.
Истощились мои разсказы.
Бодрость моя стала оставлять меня
Я сталъ подобенъ плѣннику.
Не быть мнѣ вѣчно безсмертнымъ.
Жду я дня моей смерти.
Да будетъ воля Бога, Творца моего,
Его власть принять меня.
Не отступая отъ Него, я молюсь:
Боже, Создатель Мой, не оставь меня!
Помышляя о послѣднемъ моемъ, прошу:
Очисти согрѣшенія мои, Боже!


2007059218